

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

*Научно-практический журнал
Учрежден Тюменским юридическим институтом
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Издается с декабря 2006 года
Выходит ежеквартально*

№ 1 (15) 2011

Главный редактор
А.И. Числов

Редакционная коллегия:

Аксенов Р.Г., кандидат юридических наук, доцент; **Арямов А.А.**, доктор юридических наук, доцент; **Афанасьев В.С.**, доктор юридических наук, профессор; **Бражников Д.А.**, кандидат юридических наук, доцент; **Бутылин В.Н.**, доктор юридических наук, профессор; **Герасименко Ю.В.**, доктор юридических наук, профессор; **Григорьев О.Г.**, кандидат юридических наук, доцент; **Емельянов А.С.**, доктор юридических наук, доцент; **Киричёр Е.В.**, кандидат юридических наук, доцент; **Комиссарова Е.Г.**, доктор юридических наук, профессор; **Кузакбирдиев С.С.** (заместитель главного редактора), кандидат юридических наук, доцент; **Лавров В.П.**, доктор юридических наук, профессор; **Мазунин Я.М.**, доктор юридических наук, профессор; **Ольков С.Г.**, доктор юридических наук, профессор; **Отческая Т.И.**, доктор юридических наук, профессор; **Петров А.А.**, кандидат юридических наук, доцент; **Сумачев А.В.**, доктор юридических наук, доцент; **Сергеев А.Б.**, доктор юридических наук, профессор; **Цишковский Е.А.** (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; **Числов А.И.**, доктор юридических наук, профессор; **Шарапов Р.Д.**, доктор юридических наук, доцент; **Шеслер А.В.**, доктор юридических наук, профессор; **Юзиханова Э.Г.**, доктор юридических наук, доцент; **Яджин Н.В.**, кандидат юридических наук, доцент

Редакторы *Е.В. Карнаухова, Е.А. Пыжова, Е.Ю. Коробицина*
Технический редактор *С.Ф. Ярославцев*

Адрес редакции:
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.
Тел. (3452) 59-85-16.
Тел./факс (3452) 30-68-69.
Эл. почта naukatui@mail.ru
Сайт <http://www.naukatui.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-27144 от 09.02.2007 г.
ISSN 1998-6963

Подписано в печать 14.03.2011. Формат 60x84/8. Усл. п. л. 14,7. Уч.-изд. л. 12,4.
Тираж 1000 экз. Заказ № 066. Цена свободная.

© ФГОУ ВПО «ТЮИ МВД России», 2011

Содержание

Раздел 1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования

<i>Усанов В.И., Асриев А.Ш. Тюремная реформа в России и тюрьмы Южного Зауралья в конце XIX – начале XX вв.</i>	4
<i>Тепляшин П.В. Ретроспективные основы и современные проблемы влияния международных пенитенциарных стандартов и правил на уголовно-исполнительное законодательство России.</i>	15

Раздел 2. Проблемы государственного и муниципального строительства

<i>Дурьманова Т.Н. О влиянии качества закона на обеспечение прав человека в деятельности контрольно-надзорных органов.</i>	26
<i>Мишунина А.А., Гиберт А.Н. Особенности правового института избирательных комиссий автономных округов.</i>	35

Раздел 3. Частное право, договорное регулирование

<i>Сулейманова С.А. К вопросу о гражданской правоспособности физического лица.</i>	40
<i>Татаркина К.П. Некоторые вопросы правового регулирования простой письменной формы договоров по российскому и зарубежному законодательству</i>	46

Раздел 4. Уголовное законодательство и криминологическая наука

<i>Шатилович С.Н. Вопросы освобождения от уголовной ответственности при примирении соучастников преступления с потерпевшим.</i>	54
<i>Мартынова С.И. Система ювенальной юстиции в России</i>	63
<i>Исмагилов Р.А. Похоронная культура как предмет правового регулирования и объект уголовно-правовой охраны</i>	71

Раздел 5. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений

<i>Яджин Н.В., Коптяева А.В. Понятие противодействия расследованию преступлений</i>	80
<i>Бащеванжи Е.А. К вопросу о комплексной экспертизе при расследовании дорожно-транспортных преступлений.</i>	88

Раздел 6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры

<i>Кончакова И.В. Актуальные проблемы регулирования основополагающих положений о нераспространении сведений о частной жизни лица, участвующего в уголовном судопроизводстве.</i>	92
--	----

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

<i>Морозов А.С.</i> Некоторые проблемы квалификации объективной стороны правомерного поведения.....	96
<i>Торопов А.В.</i> Совершенствование правового регулирования ответственности за преступные нарушения законодательства о выборах, совершаемые членами избирательных комиссий.....	102
<i>Титов С.Д.</i> Сигнальное оружие: определение правового статуса.....	108

Раздел 8. Подготовка кадров для правоохранительных органов и научная жизнь высшей школы

<i>Комиссарова Е.Г.</i> Стратегия развития российского законодательства о высшей школе.....	112
<i>Summary</i>	119
<i>К сведению авторов</i>	123

Раздел 1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования

ТЮРЕМНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ И ТЮРЬМЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В.И. Усанов

(профессор общеправового факультета Тюменского юридического института
МВД России, доктор исторических наук, профессор; 8-912-077-15-95)

А.Ш. Асриев

(соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин Тюменского юридического
института МВД России; asgiew@rambler.ru)

Статья посвящена истории реформирования тюремных учреждений Южного Зауралья в конце XIX – начале XX веков. В ней проводится анализ реформирования системы управления местами заключения, описаны условия содержания арестантов, показана реализация основных мероприятий, направленных на исправление преступников, а также дана оценка эффективности деятельности мест заключения Южного Зауралья.

Ключевые слова: пенитенциарные учреждения, Южное Зауралье, условия содержания арестантов, исправление преступников.

В последнее время российские исследователи стали обращать пристальное внимание на историю развития тюремной системы России. Это во многом объясняется как научным интересом к данной проблематике, так и практической значимостью в связи с проведением в Российской Федерации реформы уголовно-исполнительной системы. Интерес для изучения представляет и дореволюционный этап эволюции системы мест заключения России, в особенности период конца XIX – начала XX веков, когда в стране проводилась масштабная реформа тюремной системы.

Тюремная реформа в то время преследовала цель модернизации тюремной системы России, ее превращения из сугубо карательного в пенитенциарный, т.е. исправительный, институт. Среди направлений данной реформы выделяют: гуманизацию наказаний, духовно-нравственное и трудовое воздействие на заключенных с целью их исправления, реорганизацию системы управления местами заключения и т.д. В настоящее время в нашей стране также происходят масштабные изменения в пенитенциарной сфере. Уже осуществлен ряд мероприятий, направленных на гуманизацию системы наказаний, совер-

шенствование механизма управления пенитенциарными учреждениями.

Так, изменения, внесенные в УК РФ в 2002 году, направленные на смягчение уголовной ответственности за совершение ряда преступлений небольшой и средней тяжести, а также принятие Уголовно-исполнительного и Уголовно-процессуального кодексов РФ, безусловно, оказали положительное воздействие на пенитенциарную систему, позволив немного разгрузить ее, сделать более гуманным институт исполнения наказаний.

Несмотря на вышеперечисленные положительные изменения, на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы по-прежнему остается актуальной такая проблема, как усиление исправительной функции института исполнения наказания в виде лишения свободы: «В настоящее время места заключения в основном выполняют только две функции: наказание лишением свободы и изоляцию правонарушителя от общества... Об исправлении, а тем более о возвращении к нормальной жизни говорить трудно» [1, с. 19, 22]. Кроме того, актуальными сегодня являются предложения по изменению структуры исправительных учреждений,

а именно переход к отбыванию наказаний в одном учреждении различных категорий осужденных с их отдельным содержанием в зависимости от числа судимостей и общественной опасности при углубленной дифференциации условий отбывания наказаний.

По нашему мнению, цели и задачи современной реформы пенитенциарного механизма тесно переплетаются с целями и задачами тюремной реформы позапрошлого века. Многие проблемы, которые мы решаем сейчас, уходят своими корнями в прошлое: «...развитие уголовно-исполнительной системы представляется достаточно длительным, эволюционным и многоэтапным процессом, что вызвано объективными причинами, не зависящими от этой системы» [2].

Наш взгляд, учет исторического опыта реформирования уголовно-исполнительной системы России позволит потребовать все самое ценное из него и в то же время не допустить повторения ошибок прошлого. Так, для нас, безусловно, представляют интерес деятельность благотворительных общественных организаций в тюремных учреждениях конца XIX – начала XX вв., проблемы, связанные с трудовой и религиозно-нравственной составляющей перевоспитания преступников в указанный период, и т.д. Научный интерес к проблеме связан с тем, что история пенитенциарных учреждений на территории Южного Зауралья в конце XIX – начале XX веков еще не была предметом самостоятельного исследования. В связи с этим возникает необходимость в обобщении и систематизации исторического опыта реализации тюремной реформы в указанный период в обозначенных территориальных рамках.

В современной постсоветской историографии имеется целый ряд работ, посвященных как пенитенциарной политике Российского государства в целом, так и функционированию пенитенциарных учреждений на региональном уровне. Из работ первого направления следует отметить исследования А.А. Симатова, Д.В. Коломенцева, А.Д. Марголиса [3; 4; 5]. Вторым направлением в современной

историографии пенитенциарной системы стала разработка проблем реформирования пенитенциарных учреждений в отдельных регионах России. Так, хорошо изучена, к примеру, реализация тюремной реформы на территории Тобольской губернии и в Западной Сибири, а также в отдельных губерниях европейской части России [6; 7; 8]. Но в этих работах предметом исследования являются пенитенциарные учреждения прежде всего губернского (областного) уровня. Уездные же тюремные учреждения рассматриваются в структуре губернской системы управления и выступают как второстепенный объект изучения.

Что касается истории пенитенциарных учреждений Южного Зауралья, то эта тема не получила полного освещения ни в крупных обобщающих исследованиях, ни в отдельных краеведческих публикациях. В исследованиях О.Н. Бортниковой, А.А. Терехина, а также в небольших публикациях А.М. Васильевой и А. Пашкова приводятся лишь некоторые факты из истории тюремных замков Южного Зауралья и организации пересылки арестантов в конце XIX – начале XX веков [6; 7; 9; 10; 11].

Понятие «Южное Зауралье» в значительной степени носит условный характер. В настоящее время территория этого региона в основном совпадает с административными границами Курганской области. В исследуемый же период в состав Южного Зауралья входили Шадринский уезд Пермской губернии и Курганский округ (с 1898 г. – уезд) Тобольской губернии. Если Курганский округ относился к Западной Сибири (Тобольская губерния), то Шадринский уезд представлял собой часть европейской территории империи (Пермская губерния). Это представляет определенный интерес для исследования, т.к. позволяет нам сравнить успешность процесса реформирования пенитенциарных учреждений на территории европейской части России и в Западной Сибири.

Кроме того, в качестве сравнительного материала в настоящей статье приводятся данные по соседним уездам, прежде всего Камышловскому уезду Пермской гу-

бернии и Ялуторовскому уезду Тобольской губернии.

Научно-теоретической основой нашего исследования является концепция модернизации. Под модернизацией понимается процесс перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному. Вторая половина XIX века – это эпоха Великих реформ. Основным содержанием этого периода выступали как раз процессы модернизации, которые затронули практически все сферы жизни российского общества, в том числе и тюремную систему государства. Тюремная реформа стала логичным, пусть и несколько запоздавшим продолжением серии реформ 60–70-х гг., направленных на модернизацию российского общества. В связи с этим использование в качестве научно-теоретической основы исследования концепции модернизации представляется вполне обоснованным.

Тюремная реформа в Российской империи была подготовлена всем предшествующим развитием тюремной системы России. Прежде всего это касается предпринятых мер в области систематизации законодательства, которые способствовали формированию единой правовой политики в сфере исполнения наказаний. В 1832 г. в Российской империи был издан Устав о содержащихся под стражей, который позднее неоднократно переиздавался (в последний раз в 1890 г.). В Уставе о содержащихся под стражей регулировались порядок и условия отбывания заключенными наказаний практически во всех местах лишения свободы (за исключением мест заключения для военнослужащих и монастырских тюрем).

Однако несмотря на то, что к середине XIX века была создана правовая основа исполнения наказаний в виде лишения свободы, реальная ситуация, существовавшая в тюремной системе, не соответствовала нормам закона. Это привело Правительство к осознанию необходимости проведения тюремной реформы. Она протекала в два этапа. Первый этап носил подготовительный характер и продолжался с 1862 по 1879 гг. С 1862 года Министерством внутренних дел и Министерством юстиции проводился сбор сведений о состоянии мест

заключения с целью разработки концепции реформирования тюрем. Собранные сведения показали наличие целого ряда негативных явлений, таких как: антисанитарные условия содержания арестантов, переполнение тюрем, неравномерное обеспечение арестантов одеждой, обувью и продовольствием, праздность арестантов, отсутствие четкого порядка исполнения наказаний и т.д.

Главным недостатком в функционировании тюрем было отсутствие надлежащей системы управления ими. Несмотря на то, что официально места заключения находились в ведении Министерства внутренних дел, в управлении тюрьмами на местах принимали участие такие должностные лица, как губернаторы и губернские правления, губернские прокуроры и уездные стряпчие.

Преобладающее влияние на управление тюрьмами оказывала негосударственная организация – Общество попечительное о тюрьмах. Централизации системы управления тюрьмами препятствовал также большой перечень различных по своему назначению мест лишения свободы (каторжные тюрьмы, помещения арестантских рот гражданского ведомства, крепости, арестные помещения, рабочие и смирительные дома и т.д.).

Накопившиеся негативные проявления в функционировании системы мест заключения свидетельствовали о необходимости ее преобразования. Первым практическим шагом в этом направлении стало учреждение в 1879 году в структуре МВД центрального органа управления тюрьмами империи – Главного тюремного управления (далее – ГТУ). В 1890 году началось создание тюремных инспекций – территориальных подразделений ГТУ на местах. Сосредоточение управления тюрьмами в одном ведомстве позволило эффективнее решать накопившиеся проблемы.

В 80-е гг. XIX – начале XX веков при непосредственном участии ГТУ была проведена целая серия преобразований в тюремной системе империи. При этом реформаторская деятельность Главного тюремного управления была направлена главным

образом на превращение тюремной системы в пенитенциарную (исправительную). Основными средствами достижения этой цели служили арестантские работы и духовно-нравственное исправление заключенных.

Благодаря деятельности ГТУ и тюремных инспекций в местах заключения стал больше применяться труд арестантов, активно проводилась работа по их нравственно-духовному воспитанию, улучшилось их медицинское обслуживание. Общество попечительное о тюрьмах постепенно отходит от участия в управлении тюрьмами. Но в полной мере достигнуть централизации системы мест лишения свободы не удалось. Пенитенциарная система России по-прежнему требовала решения множества различных проблем: кадровых, материальных, организационно-правовых и т.д.

Система мест заключения, как и прежде, включала в себя достаточно большое и разнообразное число видов учреждений для исполнения наказания в виде лишения свободы. Основу же пенитенциарной системы в исследуемый период составляли уездные тюрьмы. Однако условия содержания арестантов в каждой из этих тюрем отличались друг от друга. Даже в пределах одной и той же губернии наблюдались различия в порядке и условиях отбывания наказания в виде лишения свободы.

Рассмотрим реализацию основных направлений тюремной реформы на территории Южного Зауралья. К началу проведения этой реформы места заключения на указанной территории были представлены двумя тюрьмами, одна из которых находилась в уездном городе Шадринске Пермской губернии, а другая – в окружном (с 1898 года – уездном) городе Кургане Тобольской губернии. Основные направления тюремной реформы коснулись как Курганской, так и Шадринской тюрьмы. Но поскольку Шадринский уезд входил в состав губернии, относившейся к европейской части России, а Курганский – к азиатской, то тюремные преобразования в последнем уезде протекали с небольшим запозданием. Так, если в Пермской губернии тюремная

инспекция была учреждена в 1890 году, то в Тобольской губернии это произошло только в 1895 году [12, с. 199].

Одним из главных направлений тюремной реформы в Южном Зауралье стала реорганизация системы управления тюрьмами. Важнейшим правовым актом в этой сфере стало Положение от 15 июня 1887 года «Об устройстве управлений отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи». Долгое время оно не было распространено в большей части мест заключения Российской империи. Так, к 1907 году вне действия закона оставались Сибирь, Закавказье, Архангельская, Астраханская, Вятская, Олонекская, Оренбургская, Пермская и Ставропольская губернии. Только к 1 июля 1909 года Положение от 15 июня 1887 года распространилось на тюрьмы Пермской губернии [13, с. 27-28]. А в 1913 году под действие закона наконец-то попала Тобольская губерния.

До введения в действие указанного правового акта многие вопросы управления тюрьмами были сосредоточены в руках общественных организаций – уездных отделений Общества попечительного о тюрьмах, которые наблюдали за правильным размещением арестантов, могли требовать от начальников тюрем объяснения и давать им предписания, назначать на должность и увольнять тюремных надзирателей и надзирательниц, выделять средства на содержание администрации и канцелярии мест заключения. Только с учреждением тюремных инспекций и введением в Тобольской и Пермской губерниях Положения об управлении от 1887 года функции попечительных отделений были ограничены решением тех задач, ради которых первоначально и создавалось Попечительное общество, – забота о нравственности арестантов, их продовольственном снабжении и здоровье. Опыт деятельности этой общественной организации представляет большой интерес и может быть востребован в современных условиях.

Для внутреннего управления тюрьмами в рассматриваемый период также был характерен ряд проблем. Одной из

самых острых проблем в системе управления тюрьмами являлось низкое финансовое обеспечение кадрового состава тюрем. Это приводило к большой текучести кадров, недокомплекту тюремной стражи, а также являлось основной причиной недостаточной квалификации надзирателей. Повышение денежного содержания надзирателям происходило нечасто и было незначительным, в силу нехватки казенных средств частично осуществлялось из экономических сумм уездных попечительных отделений [14, л. 67].

С введением в действие Положения о тюремной страже от 1887 г. изменилось расписание штатных должностей в уездных тюрьмах, увеличились оклады чинов тюремной администрации и надзора. В штат тюрем вместо смотрителей вводились более самостоятельные в правовом отношении начальники тюрем и их помощники. Но необходимость преобразований вынуждала раньше времени вводить новые штаты. Так, в Курганской тюрьме с 1912 года существовала внештатная должность помощника смотрителя тюрьмы.

Важнейшими направлениями тюремной реформы конца XIX – начала XX веков стали мероприятия, направленные на исправление заключенных. Это осуществлялось с помощью трудового и духовно-нравственного воздействия на арестантов. Занятие арестантов работами предполагало строительство тюремных мастерских. Но создание мастерских было сопряжено с рядом проблем.

К ним можно отнести отсутствие необходимых материальных средств, нехватку помещений и мастеров-арестантов, низкий спрос на изделия арестантского труда. Это привело к тому, что вплоть до 1905 года в тюрьмах Южного Зауралья не было мастерских. Слабое развитие внутренних работ в определенной степени компенсировалось широким развитием внешних работ, т.е. работ вне тюрем – ассенизационных, земляных, по погрузке и разгрузке вагонов, ремонту путей, уборке городских улиц и площадей и т.д.

Степень развития внутренних арестантских работ в соседних уездных тюрем-

ных замках была различной. Если в одних тюрьмах, как, например, в Верхотурской Пермской губернии, арестанты занимались преимущественно внешними работами, то в других, как, например, в Камышлове, к 1903 году уже были свои мастерские – столярная, сапожная и матрасная. В некоторых местах заключения даже к 1911 году не везде еще были мастерские. Так, ревизия в 1911 году Ирбитской тюрьмы (Пермская губерния) показала, что мастерских при тюрьме по причине недостатка помещений «вовсе не имеется». Из внутренних работ в этой тюрьме производилась лишь постройка и починка арестантской одежды в камерах [15, л. 37].

Духовно-нравственное воздействие на заключенных предполагало строительство тюремных церквей, распространение среди арестантов книг и брошюр религиозного содержания, создание библиотек и школ грамотности для арестантов. Нужно отметить, что в Курганской тюрьме постановка дела с духовным воспитанием арестантов была несколько лучше, чем в Шадринской тюрьме, что можно объяснить активной работой в этом направлении Курганского попечительного отделения. Тюремная церковь в Кургане существовала уже с 1868 года. В Шадринске же церковь при тюрьме появляется только в 1904 году. К тому же она была приписной, т.е. не являлась самостоятельной церковной единицей, а была приписана к одной из приходских городских церквей, что создавало определенные сложности в духовной работе с арестантами.

23 ноября 1904 г. вышел циркуляр ГТУ № 26, в котором говорилось: «...независимо от религиозного воздействия на содержащихся под стражей... в некоторых местах заключения заведены школы, образованы библиотеки», но тем не менее «просветительская деятельность... недостаточно организована, а часто и отсутствует совершенно». В связи с этим ГТУ запросило от губернаторов сведения о наличии в местах заключения школ и библиотек. Отчеты свидетельствовали о том, что они имелись лишь в немногих тюрьмах. Так, из мест заключения Пермской губернии шко-

ла имела лишь в Осинской тюрьме [16, л. 2, 15, 19, 37]. В целом по России, по данным М.Н. Гернета, из 668 тюрем только в 120 существовали постоянные школы [17, с. 387].

Школа в Курганской тюрьме была открыта в 1905 году в корпусе, где помещалась тюремная больница, в помещении с отдельным входом. На эти цели в 1905 г. было выделено 50 рублей [14, л. 27 об.]. Обучение чтению и письму арестантов проводил тюремный священник. Сведений о наличии школы грамотности в Шадринской тюрьме в архивах не сохранилось.

Тюремная библиотека в Кургане появляется только в начале XX века. В 1909 году для тюремной библиотеки Курганской тюрьмы тюремное отделение Тобольского губернского правления в связи с 200-летием Полтавской битвы передало 8 экземпляров брошюр «Петр и Полтава». В этом же году в пользу Курганской тюремной библиотеки были пожертвованы книги директором уездного отделения попечительного о тюрьмах общества О.В. Шитовым [18, л. 101]. В Шадринской тюрьме библиотека имела уже в конце XIX века, но состояние ее оставляло желать лучшего. При передаче тюрьмы от смотрителя Белкина к смотрителю Топоркову 12 июля 1899 года последний записал в передаточную опись: тюремную библиотеку с книгами и газетами принять нет возможности, «так как все находится в истрепанном виде» [19, л. 54-56].

В целом следует отметить, что на территории Южного Зауралья местной властью и обществом предпринимались значительные усилия в деле организации арестантских работ, обучения заключенных, их религиозно-нравственного воспитания. Однако ряд причин, прежде всего объективного характера (нехватка финансовых средств, плохое кадровое обеспечение), не позволил в полной мере достигнуть желаемого результата. Исправлению осужденных препятствовал и субъективный фактор – широко распространенная в их среде уголовная субкультура.

В отдельных пенитенциарных учреждениях России состояние дел в этой

сфере было еще более удручающим. Так, например, в Туринской уездной тюрьме Тобольской губернии, близкой по количеству содержащихся осужденных к Курганской тюрьме, в 1908 году при ревизии было «замечено: мастерские пустуют, работ не производится, школы грамотности нет, священники не ведут бесед с арестантами» [20, л. 125]. В 1911 году в Камышловской тюрьме арестанты жаловались на то, что их «в церковь не водят» [15, л. 12].

Еще одним важным направлением проводимой в конце XIX – начале XX веков тюремной реформы было улучшение санитарной части, условий содержания арестантов, порядка их размещения. Однако санитарное состояние тюрем Южного Зауралья в исследуемый период по-прежнему оставляло желать лучшего. Изученные источники свидетельствуют о том, что тюремные помещения были загрязнены, нуждались в капитальном ремонте. В соседних уездных тюрьмах были те же проблемы. Так, в 1909 году при посещении Камышловской тюрьмы губернатор отметил следующее: «В камерах для пересыльных воздух ужасный...» [21, л. 63]. Несоблюдение санитарных требований при содержании арестантов часто приводило к развитию эпидемических заболеваний – тифа, холеры.

С целью улучшения санитарного состояния тюрем ГТУ и губернские тюремные инспекции издавали циркулярные распоряжения, в которых содержались конкретные указания тюремной администрации, но в силу небольшого штата врачебного персонала, а также бездействия начальников тюрем эти требования не выполнялись.

Кроме того, тюремная реформа предполагала введение в местах заключения налаженного медицинского обслуживания арестантов. Это требовало устройства тюремных больниц, обеспеченных квалифицированными кадрами. Но построенные тюремные больницы в исследуемый период не отвечали своему назначению, условия содержания в них больных арестантов не отвечали санитарным требованиям. Заведовали тюремными больницами в Кургане и Шадринске городские врачи, лечившие

больных безвозмездно. Им помогали фельдшеры, за что получали небольшое вознаграждение. Поскольку городские врачи заведование тюремной больницей совмещали с основной своей работой, то не могли уделять много времени лечению арестантов. У фельдшеров же, которые постоянно наблюдали за больными, была, как правило, довольно низкая квалификация.

Подобная ситуация была характерна и для многих тюрем Тобольской губернии. Так, в 1904 году в 6 из 11 тюремных больниц Тобольской губернии заведование осуществляли городские правительственные врачи, которые, как сказано в отчете Тобольского губернатора, имея много обязанностей по основной своей должности, не в состоянии были уделять много внимания тюремным больницам [22, с. 24]. В уездных городах Пермской губернии была такая же ситуация. Так, в 1903 году при ревизии Оханской тюрьмы было установлено, что заведует больницей преимущественно фельдшер, врачи же, как городской, так и уездный, уклоняются от исполнения своих обязанностей [23, л. 18].

В ходе тюремной реформы конца XIX – начала XX вв. в уездных тюрьмах России в целом и Южного Зауралья в частности не была устранена проблема переполнения их арестантами, что приводило к грубым нарушениям раздельного содержания арестантов по категориям, роду преступлений, возрасту. Причиной этого являлась острая нехватка тюремных помещений. Строительство дополнительных зданий и камер для содержания арестантов было затруднительным ввиду недостатка финансовых средств [24, л. 70]. Нарушение правил раздельного содержания арестантов по роду совершенных преступлений, возрасту, особенностям характера создавало условия для распространения элементов уголовной субкультуры среди тех лиц, кто впервые попал в тюрьму. В таких условиях положительное влияние методов духовно-нравственного воспитания осужденных сводилось к минимуму.

Одним из важнейших законодательных актов Российской империи, принятых в ходе реализации тюремной реформы второй

половины XIX – начала XX вв., стал Закон «Об условном досрочном освобождении», одобренный Государственной Думой 22 июня 1909 г. [25] Согласно ст. 1 данного закона институт условно-досрочного освобождения применялся к заключенным в тюрьме или исправительном арестантском отделении при отбытии 3/4 срока наказания, но не ранее чем через 6 месяцев. Необходимым условием применения условного освобождения являлось активное проявление осужденными исправления, которое могло давать достаточные основания предполагать, что по освобождении из заключения они будут вести добропорядочный образ жизни (ст. 2 закона).

Согласно Инструкции по применению закона «Об условном досрочном освобождении» от 22 июня 1909 г. при установлении одобрительного поведения лица, подлежащего освобождению, начальник места заключения обязан был учитывать данные о характере и поведении арестанта в месте заключения, прилежании его и работе, о семейном и имущественном положении и т.д. [26] Не подлежали условно-досрочному освобождению осужденные за конокрадство и подлежащие по окончании тюремного заключения ссылке на поселение.

Условно-досрочный освобожденный передавался на оставшийся неотбытым срок лишения свободы под наблюдение и на попечение местного Общества покровительства лицам, освобожденным из мест заключения (Общества патроната) или местного попечительного отделения. Если же эти учреждения не признавали возможным принять под наблюдение досрочно освобожденного, то он поступал на указанный срок под наблюдение местного мирового, городского судьи или же земского участкового начальника. Кроме контроля за поведением освобожденного, указанные учреждения и лица должны были осуществлять как нравственную, так и материальную его поддержку на весь оставшийся неотбытым срок наказания.

Согласно изученным источникам, с 1909 по 1915 гг. из мест заключения Южного Зауралья условно-досрочно было освобождено 118 человек. При этом только

27,8 % от общего числа всех имевших на это право арестантов было условно освобождено из Курганской тюрьмы и 52,6 % – из Шадринской [27, л. 43; 26, л. 396]. Что же касается соседних уездов, то можно привести следующие цифры: в Камышловской тюрьме с 1909 по 1915 гг. освобождено 118 из 120 представленных к освобождению арестантов, в Соликамске – 26 человек, в Оханске – 71 человек, в Екатеринбургской тюрьме – 624 человека, в Ирбитской – 99 человек (всего по Пермской губернии – 364 человека) [28, л. 316-320]. Таким образом, число условно-досрочно освобожденных арестантов было разным в каждой тюрьме, что зависело, скорее всего, не только от общего числа содержащихся заключенных, но и от наличия в каждом уезде условий для применения закона.

В основном функцию наблюдения за освобожденными арестантами брали на себя земские участковые начальники. В г. Кургане осуществляло свою деятельность Курганское общество покровительства лицам, освобожденным из мест заключения. Но сведения о результатах его деятельности в архивных документах отсутствуют. Сохранился лишь документ 1914 года, в котором Курганский уездный исправник просил Тобольское губернское управление выдать именные билеты на посещение в 1914 году местной тюрьмы членам Правления этого общества [29, л. 15]. Недостаточно активная деятельность обществ покровительства бывшим заключенным была характерна и для других регионов империи.

В условиях острой нехватки тюремных помещений для содержания заключенных более широкое применение закона «Об условном досрочном освобождении» могло в какой-то мере помочь решить проблему переполненности тюрем. Но отсутствие необходимых условий для применения закона на практике (прежде всего, недостаточно активная деятельность обществ патронажа и попечительных обществ, на которые законом была возложена обязанность по поддержке вышедших на свободу заключенных и наблюдению за ними) не позволили этого сделать. Эти отрицательные моменты

необходимо учитывать сегодня и стараться не допускать ошибок прошлого при применении к заключенным условно-досрочного освобождения.

В ходе проведения тюремной реформы на территории Шадринского уезда возник еще один вид мест заключения – арестный дом, куда помещались в основном осужденные по приговорам мировых судей. Арестные дома устраивались и содержались земством, поэтому в Курганском уезде, где земские учреждения введены не были, арестных домов в исследуемый период не существовало. В устройстве арестных домов принимало участие и ГТУ. В своих циркулярных распоряжениях оно запрашивало сведения о состоянии арестных домов на территории империи. Но единого положения при определении потребности в устройстве и содержании арестных домов не было. В связи с этим количество арестных домов в различных уездах российских губерний было неодинаковым, как различными были и суммы, отпускаемые земством на содержание помещений, заключенных и надзора [30, л. 28-28 об.].

Первые два арестных дома в Шадринском уезде начали функционировать с 1878 года. Еще три арестных помещения были устроены в 1879 г. Впоследствии количество арестных домов в Шадринском уезде менялось. Так, к 1890 году их осталось только 4, в 1906 году – 2, а к 1911 году остался лишь только один арестный дом – в г. Шадринске. Введение арестных домов в Шадринском уезде позволило снизить переполненность местного тюремного замка, в который первоначально помещались арестованные по приговорам мировых судей. Порядок отбывания наказания заключенных в арестных домах регулировался Инструкцией по управлению арестными домами, составленной земством Шадринского уезда [31, с. 261-277]. Ее анализ говорит о том, что режим содержания арестантов в арестных домах был значительно мягче, чем в тюремных замках. В силу краткости срока наказания содержащиеся в арестных домах к работам не привлекались. В то же время согласно Инструкции об управлении арестными домами к заклю-

ченным применялись меры религиозного воздействия: арестанты были обязаны читать ежедневные молитвы, посещать в определенные дни церковь. Таким образом, можно говорить о том, что основной целью отбывания наказания в виде лишения свободы в арестных домах было исправление осужденных, и эти учреждения можно называть пенитенциарными.

Бытовые условия содержавшихся в арестных домах арестантов были отрегулированы в Инструкции об устройстве арестных помещений. Она предписывала при размещении арестованных помещать в одну комнату не более 10 человек. Площадь, отводимая для каждого арестованного, с размещением на ней кровати и других вещей, должна была быть не менее 12 квадратных аршин, а высота жилой комнаты – от 4 до 5 аршин [32, с. 50]. Но указанные требования часто не соблюдались.

Так, в 1880–1882 гг. число содержавшихся в Шадринском арестном доме заключенных в течение одного дня доходило до 24 человек, хотя само помещение было рассчитано на 20 человек [33, л. 2 об.]. В 1887 году помещение было приспособлено на 50 мест, но количество арестантов иногда доходило уже до 109 человек [33, л. 15 об.].

Что касается арестных домов, расположенных в соседних уездах, то, как правило, материалы ревизий свидетельствует о том, что их состояние было неплохим и переполнения арестантами не наблюдалось. Так, согласно ревизии 1903 года, арестное помещение в г. Осинске Пермской губернии располагалось в частном доме, состояло из трех «очень хороших» камер, в которых на момент ревизии содержалось 5 арестованных. В Камышловое арестный дом занимал «очень хорошее» двухэтажное здание, в нем содержался лишь один арестант, смирителя же во время ревизии не было: по отзыву сторожа, он «ушел рыбу ловить» [23, л. 15, 20 об.].

Еще одним исправительным заведением, возникшим в исследуемый период, стало особое отделение для малолетних лиц, арестуемых по приговорам городских судей и земских начальников, при

Шадринском арестном доме. Его назначение – изолировать несовершеннолетних осужденных от взрослых преступников. Основанием для выделения этого заведения в особый тип исправительного заведения служит прежде всего циркуляр ГТУ 1909 года о приравнении помещений для несовершеннолетних при тюрьмах и арестных домах в отношении тюремного режима к воспитательно-исправительным заведениям [20, л. 27].

Режим отбывания несовершеннолетними осужденными наказания в воспитательно-исправительных заведениях регулировался специальным Положением [34, с. 337-344]. Согласно Положению в этих заведениях предусматривалось обучение несовершеннолетних Закону Божию, чтению, письму и арифметике, а также допускалось занятие их работами, как ремесленными, так и земледельческими (ст. 22).

Вместе с тем число малолетних и несовершеннолетних осужденных, содержащихся вместе со взрослыми преступниками в пенитенциарных учреждениях Южного Зауралья, по-прежнему было большим. Особые отделения для несовершеннолетних преступников при тюремных замках так и не были созданы. Такая ситуация была характерна для Российской империи в целом. Отделения для несовершеннолетних преступников существовали лишь в немногих тюрьмах и арестных домах [17, с. 381]. Этот факт свидетельствует о недостаточно эффективной государственной политике и деятельности местных органов власти и общественных организаций в отношении гуманизации условий отбывания наказания несовершеннолетними преступниками.

Оценивая в целом значение тюремной реформы для Южного Зауралья и эффективность деятельности тюремных учреждений этого региона, следует отметить, что это был период прогрессивного развития тюремных учреждений, их постепенного превращения в пенитенциарные учреждения.

1. Исакаев Г.Г. Права человека в Курганской области. Специальный доклад

«Пенитенциарная система (условия отбывания наказания)». Курган, 2002 г. 34 с.

2. О концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)»: распоряжение Правительства РФ от 7 июня 2006 г. № 839-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 25. Ст. 2748.

3. Симатов А.А. Тюремная реформа в России (1860–90-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1998. 21 с.

4. Коломенцев Д.В. Тюремная система России в 50–80-е годы XIX века и ее реформирование: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004. 177 с.

5. Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М.: Лантерна/Вита, 1995. 208 с.

6. Бортникова О.Н. Развитие пенитенциарной системы Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Тобольск, 1998. 165 с.

7. Бортникова О.Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД РФ, 1999. 301 с.

8. Семенова Л.В. Тюрьмы Новгородской губернии в пенитенциарной системе России в 1861–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новгород, 2000. 173 с.

9. Терехин А.А. Ссылка в Пермской губернии в XIX веке: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2003. 284 с.

10. Васильева А.М. Забытый Курган. Курган: Зауралье, 1997. 356 с.

11. Пашков А., Терехин Ю. Из истории следственного изолятора № 2 г. Шадринска // По ту сторону свободы: очерки истории уголовно-исполнительной системы Курганской области / под ред. А.В. Богданова. Курган: Управление исполнения наказаний Минюста России по Курганской области, 2003. С. 195–202.

12. Устав о содержащихся под стражей издания 1890 г. // Свод Законов Российской империи, дополненный по Продолжениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. / под ред. А.А. Добровольского. Т. XIV. СПб., 1913. С. 189–289.

13. Отчет по Главному тюремному управлению за 1909 год. СПб., 1910 г. 56 с.

14. Государственный архив Курганской области (далее – ГАКО). Ф. 253. Курганская уездная тюрьма. Оп. 1. Д. 4. Л. 67.

15. Государственный архив Пермской области (далее – ГАПО). Ф. 164. Тюремное отделение Пермского губернского Правления. Оп. 2. Д. 96.

16. ГАПО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 57.

17. Гернет М.Н. История царской тюрьмы (1762–1917): в 5 т. М.: Госюриздат, 1960–1963. Т. 3. 430 с.

18. ГАКО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 6.

19. ГАПО. Ф. 164. Оп. 2. Д. 2.

20. ГАКО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 8.

21. ГАПО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 188.

22. Обзор Тобольской губернии за 1904 год (Приложение к всеподданнейшему отчету). Тобольск: Губернская типография, 1905. 34 с.

23. ГАПО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 36.

24. ГАКО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 12.

25. Об условном досрочном освобождении (22 июня 1909 года) // Собрание узаконений. 1909. 2 июля. Отд. I. Ст. 1216.

26. Утвержденная Министром юстиции 29 сентября 1912 года инструкция по применению закона от 22 июня 1909 г. «Об условном досрочном освобождении» // Свод Законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1913. С. 1571–1576.

27. ГАКО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 24.

28. ГАПО. Ф. 164. Оп. 2. Д. 86.

29. ГАКО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 18.

30. Государственный архив в г. Шадринске (далее – ГАГШ). Ф. 492. Шадринская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 264.

31. Проект инструкции по управлению арестными домами Шадринского уезда, составленный в развитие правил о помещениях для подвергаемых аресту по приговорам уездного члена Окружного суда, уездного съезда, городских судей и земских начальников // Журналы Шадринского Уездного Земского Собрания 38 очередной и 43, 44 и 45 чрезвычайных сессий 1907 года с докладами Управы и другими приложениями. Шадринск: Типография К.Е. Дорониной, 1908. С. 261–277.

32. Спицнадель В.Б. Генезис уголовно-исполнительного права в контексте становления и эволюции пенитенциарной системы России: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. 380 с.

33. ГАГШ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 206.

34. Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних (издание 1909 года) // Свод Законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1913. С. 337-344.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ ОСНОВЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СТАНДАРТОВ И ПРАВИЛ НА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ

П.В. Тепляшин

(докторант факультета по подготовке научно-педагогических кадров
Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук,
доцент, г. Красноярск; pavlushat@mail.ru)

В статье раскрываются особенности рецепции западного пенитенциарного опыта и идеи прав человека, впоследствии положенной в основу тюремного права. Указываются факторы, тормозившие гармонизацию отечественной и европейской моделей обращения с осужденными. Делается вывод о взаимосвязи ретроспективных и современных проблем в отечественной пенитенциарной сфере.

Ключевые слова: *пенитенциарное сотрудничество, естественные права человека, европейский пенитенциарный опыт, гуманизация, международные стандарты обращения с осужденными.*

Эффективность уголовно-исполнительного законодательства в регулировании соответствующих общественных отношений и предупреждении преступности, безусловно, во многом зависит от направленности и интенсивности внешнего цивилизационного воздействия. Такое воздействие в основном оказывается посредством международного права, которое призвано регулировать взаимовыгодное развитие национальных и правовых систем. При этом важно заметить, что «взаимодействие международной и национальных правовых систем охватывает не только право в его нормативном закреплении, правотворческую и правореализационную деятельность международных и внутригосударственных институциональных структур, но и такой важный компонент этих системных конструкций, как правосознание» [1, с. 34]. В этом смысле международное и европейское право позволяет удерживать не только позитивистский тип правопонимания, но и демонстрирует ценность естественно-правового содержания права. В частности, А. Ашвёс отмечает, что «единое европейское право обладает большей юридической силой, нежели чем национальное право... Причиной здесь выступает то обстоятельство, что Международный уголовный суд был образован именно для реализации данного права и на основе

соблюдения фундаментальных прав человека» [2, с. 63].

Следует заметить, что международно-правовые ценности преломляются в силу культурологических особенностей правопонимания в конкретном обществе, поэтому содержание международного права и правоприменительная практика реализации международных пенитенциарных стандартов и правил должны находиться в определенной зависимости от ментальных стереотипов поведения (архетипа восприятия права) и правосознания граждан российского общества. При ближайшем рассмотрении данных ментальных стереотипов поведения становится понятно, почему такая европейская культурологическая ценность, как индивидуализм, в обращении с осужденными далеко не всегда приемлема для отечественной уголовно-исполнительной системы, в основе которой лежит идея коллективного отбывания наказания. Вместе с тем именно подобная культурологическая самобытность и определенное различие архетипов восприятия права приводит к стремлению обнаружить общие черты социально-правового развития, обмену накопленным опытом и, в конечном счете, к правовой интеграции.

При этом важно подчеркнуть, что пенитенциарные правила, положенные в основу международно-правовых актов в

сфере обращения с осужденными, базируются на традициях права стран Западной Европы, поскольку в целом формирование и активное развитие международно-правового взаимодействия с выработкой соответствующих универсальных стандартов происходило между странами, традиционно являющимися представителями западной цивилизации.

Исследование концептуальных основ влияния международных пенитенциарных стандартов и правил на формирование уголовно-исполнительного права и законодательства России неотделимо от культурно-антропологического анализа ретроспективных процессов пенитенциарного сотрудничества и рецепции западных образцов обращения с осужденными, начало которым положено с генезиса восприятия отечественным правосознанием идеи прав человека.

Как представляется, истоками восприятия западной идеи прав человека, в дальнейшем положенной в основу цивилизованных форм обращения с осужденными, выступает рецепция рационализированного законодательства стран Запада в связи с реформами Петра Великого. В дальнейшем результаты данной рецепции обусловили потребность в восприятии культурологических ценностей реформ западной цивилизации и повышении в некотором смысле пенитенциарного правосознания граждан российского общества. Вместе с тем восприятие европейских правовых образцов, начавших активно проникать в российское правосознание при Петре I, было крайне затруднено прежними патриархальными нравами, бюрократизацией и пренебрежением власти собственным законодательством, внесудебным разрешением конфликтов. Ведь, как известно, «господство же патриархальных ценностей практически всегда сопровождается консерватизмом в общественном развитии» [3, с. 199].

В дальнейшем поступательное развитие права было вызвано возрастанием осознанного интереса к нему, поэтому и практически значимый рост интереса к субъективным и естественным правам человека, осознание его индивидуальности, столь

важной в сфере обращения с осужденными, произошел лишь во второй половине XVIII столетия. Однако в условиях укрепляющегося абсолютизма персоналистский (индивидуалистический) тип культуры не имел должного успеха, поэтому известные попытки Екатерины II претворить в жизнь идеи европейского гуманистического либерализма по отношению к тюремной сфере остались не реализованными. По указанию Екатерины II формально отменяется наказание в виде смертной казни. Безусловно, эта и иные меры, направленные на гуманизацию отечественной системы уголовных наказаний и практику их применения, явились результатом влияния европейских гуманитарных идей. Как точно отмечает А.П. Спиридонов, «для развития уголовного законодательства периода царствования Екатерины II характерно заимствование в зарубежном уголовном праве не норм и правил конструирования законов, а прогрессивных, гуманистических по своему содержанию уголовно-правовых идей и принципов» [4, с. 41]. Вместе с этим именно социально-экономическая и политическая ситуация рассматриваемого периода времени не позволила их реализовать.

Кроме того, основные требования Проекта императрицы об устройстве тюрем 1787 года не только в России, но и во многих других странах были в полном противоречии с действительным положением мест отбывания наказания в виде тюремного заключения. Прогрессивный характер данного Проекта (в том числе знаменитого Наказа) и отсутствие каких-либо реальных действий со стороны Екатерины по его претворению в жизнь не без основания порождают сомнения в его изначальной практической значимости, но позволяют отметить его лишь декларативно-демонстративное и политическое назначение.

Ведь, как известно, ко времени составления указанного выше Проекта идеи гуманизации наказания уже были известны в России. Так, А.В. Малько и А.Ю. Саломатин отмечают, что «первые признаки гуманизации уголовных наказаний обнаружались еще в XVIII в.» [5, с. 23]. В 90-х гг. XVIII столетия даже принимались меры к

популяризации идей гуманизации. Имеется в виду первый в России юридический журнал, носивший следующее название: «Театр судопроизводства или чтения для судей и всех любителей юриспруденции, содержащий достопримечательные и любопытные судебные дела, юридические исследования знаменитых правоискусников и прочие сего рода происшествия, удобные просвещать, трогать, возбуждать к добродетели и составлять полезное и приятное времяпрепровождение. Собрал Василий Новиков», в четвертой части которого был помещен перевод многих страниц из книги Джона Говарда «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе» [6, с. XX]. В статьях под заголовками «Всеобщее изображение бедствий, претерпеваемых в английских тюрьмах», «Худые обычаи в английских тюрьмах» и «Поправление, предложенное господином Говардом к строению и управлению темниц» переводчик и издатель журнала описывает такое бедственное положение тюрем, которое имело место и в России. По мнению М.Н. Гернета, имеются все основания думать, что данные статьи печатались не только для того, чтобы познакомить русского читателя с состоянием иностранных тюрем, но и для того, чтобы обратить внимание на положение тюрем в России [7, с. 109-111]. Указанное свидетельствует, что в рассматриваемый период времени осмысление иностранного опыта в сфере уголовных наказаний и их исполнения со стороны России, а также государств Восточной Европы происходило лишь на познавательном уровне, без определенных практических шагов в сторону реального улучшения отечественного состояния тюрем и отбываемых в них наказаний (особенно со стороны государственных институтов).

Потребность в целенаправленном восприятии и практической реализации европейского пенитенциарного опыта появилась лишь в XIX столетии. При этом еще нельзя говорить о международных пенитенциарных стандартах в их современном понимании, но опыт обращения с осужденными в отдельных странах, с одной стороны, обусловил потребность его обсуждения

на уровне международного сотрудничества, с другой – детерминировал формирование универсальных правил, имеющих весомую апробацию и показывающих общепризнанный уровень права, базирующийся как раз на гуманитарных ценностях и правовых началах. В Европе с конца XVIII столетия зарождается гуманистическое движение, пересмотревшее смысл наказаний, основывающееся на нравственно-правовых теориях, уважении личности преступника и смягчении карательных притязаний государства. Произошел кризис идеи традиционно жестокого и нарочито публичного наказания. Идея воздаяния постепенно трансформировалась и взяла за основу концепцию о необходимом равновесии между наказанием и гуманностью, устанавливающей ограничения пределов карательного воздействия.

Несомненно, высокую роль в формировании и популяризации обозначенного движения сыграли выдающиеся гуманисты конца XVIII – начала XIX вв. – тюремный реформатор Джон Говард, философы Иеремия Бентам, Уильям Палей и Чезаре Беккария, филантроп Самуил Ромильи. Представители движения Просвещения были противниками имеющегося состояния уголовного правосудия. Можно сказать, что дух гуманизма эпохи Просвещения происходил из «старшей и младшей школ». К первой относились Монтескье, Вольтер и Беккария, которые обрушили свою критику на теократическое учение о возмездии и одновременно с этим пытались рационализировать теорию устрашения. Главой «младшей школы» был неаполитанец Гаетано Филанджери, который, в отличие от представителей «старшей школы», особое внимание обратил на исправление наказуемого. В одной из главных своих работ – «Наука законодательства», написанной в 1783 году, он указывал на то обстоятельство, что наказание должно служить исправлению преступника. Развиваемая им идея о необходимости надзора за преступником, возможно, послужила методологической основой современной теории профилактики преступности. В частности, он активно выступал за наказание в виде депортации в

качестве реабилитационного метода, тогда как Чезаре Беккариа видел в этом наказании простое дистанцирование преступника от правопослушного населения [8, с. 120].

Таким образом, уголовно-правовая доктрина эпохи Просвещения, заключившая в себя теорию рационализированного устрашения (значительно улучшенную гуманитарным наполнением) и секуляризированное учение о возмездии, сделав прорыв в нравственно-правовых теориях, стала приматом уголовно-судебной практики в Европе XIX века. Указанные обстоятельства послужили основой для движения в сторону тюремной реформы как на Западе, так и в России и способствовали возникновению новой научной отрасли – тюремоведению. В России распространяются идеи против жестоких наказаний и находят своих последователей призывы к гуманности в борьбе с преступниками.

Правовая интеграция России в европейское пространство в первой половине XIX века привела к некоторым практически значимым заимствованиям наиболее прогрессивных пенитенциарных моделей. В частности, можно говорить о заимствовании идеи патроната. Впервые подобная организация возникла в Англии в 1816 году с образованием Общества улучшения условий тюремного заключения (Society for the improvement of Prison discipline), оказывающим заботу о должной организации тюремного режима, а также осуществляющим попечение за освобождающимися, как правило, несовершеннолетними осужденными. В 1817 году член данного Общества Вальтер Венинг посетил Петербург, где он, обследовав ряд тюрем, подготовил обстоятельный доклад на имя императора Александра I об условиях содержания заключенных и организации тюремного управления, а также с предложениями совершенствования организации тюремного дела. По-видимому, доклад произвел на императора неизгладимое впечатление, поскольку Александр I три раза собственноручно исправлял и дополнял предложения английского филантропа относительно совершенствования условий содержания заключенных и управления тюрем. На ос-

новании данной работы Александр I утвердил соответствующие правила для так называемого Общества попечительного о тюрьмах, которые функционировали последующие 32 года. В соответствии с данными правилами выдвигалось пять требований к организации обращения с осужденными: ближайший и постоянный надзор над заключенными, размещение их по роду преступления или обвинения, наставление заключенных в правилах христианского благочестия, занятие их приличными упражнениями, заключение провинившихся или буйствующих из них в уединенном месте [9, с. 15-17, 242-243].

Дальнейший толчок к сближению России и Европы в пенитенциарной сфере был дан Николаем I. Известно, что император, находясь с визитом в Лондоне, посетил уже положительно зарекомендовавшую себя Пентонвильскую тюрьму – Тюремный комплекс, функционирование которого началось в 1842 году в Англии (северная часть Лондона), и после этого выступил инициатором внедрения британского опыта организации тюремного дела в России. В результате в 1845 году были образованы специальные комитеты и комиссии по выработке рекомендаций о преобразовании отечественной пенитенциарной системы. В этом же году и в связи с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных по инициативе Николая I был сформирован комитет, направленный на устройство исправительных тюрем, организация которых во многом отражала принцип одиночного заключения, преобладающий в Пентонвильской тюрьме.

Дальнейшее расширение и развитие международных отношений во второй половине XIX века затронуло самые разнообразные стороны правоохранительной деятельности государств. Как справедливо отмечает А.П. Печников, начиная с 1862 года отечественными правоприменителями и учеными исследовался пенитенциарный опыт практически всех ведущих в то время западноевропейских стран. Министерство внутренних дел Российской империи поставило перед собой весьма перспективную цель – изучение зарубежного пенитенци-

арного опыта, для того чтобы на его основе выбрать доступную для России модель пенитенциарной системы. Была проделана огромная аналитическая работа по изучению зарубежных пенитенциарных систем практически всех европейских государств с целью приспособления к российской тюремной действительности [9, с. 63-64].

Начиная с середины XIX столетия постепенно формируются нормы международного пенитенциарного права, в основе которых лежали образцы национальных систем уголовного правосудия. На данном этапе, по существу, происходило лишь накопление фактологического материала и пенитенциарных образцов, вызывающих соответствующий интерес, но не являющихся правилами. Так, именно посредством сравнительного исследования иностранных моделей обращения с осужденными вырабатывались конкретные рекомендации тюремных конгрессов, первая серия которых связана с проведением международного конгресса во Франкфурте-на-Майне, состоявшегося в 1846 г., вторая – с международным конгрессом в Лондоне, состоявшегося в 1872 г. Обсуждение иностранного пенитенциарного опыта с выработкой рекомендаций, еще пока не имеющих общепризнанного значения и во многом обязательного выполнения, происходило в рамках второй серии вплоть до 1950 г., в котором под эгидой Международной уголовной и пенитенциарной комиссии состоялся последний тюремный конгресс в Гааге. Однако именно в этот период закладывается информационная основа и предопределяется культурно-гуманистическая направленность норм международного пенитенциарного права, формируется методика разработки стандартов в области обращения с осужденными.

Россия не оставалась в стороне от работы тюремных конгрессов. Так, на конгрессе, состоявшемся в 1872 году, впервые приняли участие русские пенологи. Кроме того, четвертый конгресс состоялся в Петербурге в 1890 году.

Вместе с тем рецепция европейских моделей обращения с осужденными, осуществляемая посредством международно-

го пенитенциарного сотрудничества, затормаживалась отсутствием в России законодательного закрепления ряда личных и гражданских прав, медленным действием результатов судебной реформы, незавершенностью отраслевой дифференциации законодательства. Указанные проблемы, безусловно, не могли быть устранены и после революционных событий в период непродолжительного существования с марта по октябрь 1917 года Временного правительства. Соответственно, в данный период также не учитывался положительный опыт европейских моделей обращения с осужденными.

В 70–80-е гг. делается попытка реформирования советской исправительно-трудовой системы, в рамках которой международным пенитенциарным стандартам и правилам отводилась достаточно ограниченная и сугубо информационная роль. Так, проводятся эксперименты, связанные с классификацией осужденных, укрупнением отрядов по производственному принципу, организацией воспитательной работы, и ряд других. Кроме того, 18 декабря 1970 года принимается ИТК РСФСР, вступивший в действие с 1 июля 1971 г. Вместе с тем именно с 70-х годов вновь после амнистии 1953 года и реорганизации исправительно-трудовых лагерей в исправительно-трудовые колонии в 1956 году начинает расти численность осужденных, отбывающих лишение свободы. Так, к 1986 году число заключенных по сравнению с серединой 50-х – концом 60-х гг. фактически вновь удвоилось и составило 2 356 933 человека (846 заключенных на 100 тысяч населения).

Как представляется, одной из причин неудавшейся реформы выступает тот факт, что в советский период характер международного сотрудничества имел сугубо политико-прагматичный характер, а исправительно-трудовая политика формировалась без соответствующего учета международного опыта в этой сфере. Значение международных стандартов обращения с осужденными фактически игнорировалось. В определенной мере можно согласиться с С.А. Рожковым, отмечающим, что до конца

1980-х гг. советская исправительно-трудовая система была закрыта для международных стандартов обращения с осужденными [10, с. 128].

В связи с этим международные пенитенциарные стандарты, закрепленные, в частности, в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными 1955 года, практически не были восприняты советской исправительно-трудовой системой и законодательством. Практически до «начала 90-х гг. международные стандарты обращения с осужденными самостоятельно не освещались в учебниках по исправительно-трудовому праву и не были введены в повседневный широкий научный оборот. В условиях сложившегося в стране административно-командного механизма управления ведомственная закрытость уголовно-исполнительной системы не способствовала правильному восприятию общепризнанных международных стандартов практическими работниками и препятствовала объективной оценке существующего в данной системе фактического положения с позиций международных стандартов» [11, с. 128]. Кроме того, симптоматичным является тот факт, что специализированные международные пенитенциарные акты, например Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 года, зачастую выходили в СССР под грифом «Для служебного пользования».

Необходимо отметить, что в рассматриваемый период СССР было ратифицировано достаточно незначительное количество международно-правовых актов в области прав человека. Например, Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 года, ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 года и вступил в силу для СССР 23 марта 1976 года. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 января 1987 года ратифицирована Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятая Резолю-

цией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 года. Вместе с тем подобные международно-правовые акты носили отчасти общий характер и не имели целенаправленного отношения к пенитенциарной системе.

Из лишь информационного и в известной степени ограниченного значения этих стандартов в советский период они стали существенным фактором радикальных преобразований в современной уголовно-исполнительной политике и одним из критериев «цивилизованности» отечественной уголовно-исполнительной системы в целом.

В настоящее время, если современная Россия присоединяется к какому-либо международному документу, определяющему стандарты обращения с осужденными, принимает обязательства по его исполнению или тем более ратифицирует его, то необходимо последовательно претворять его в жизнь. Реализация международных обязательств в этом случае является «делом чести» для России, их неисполнение может существенно подорвать международный политический авторитет страны и нанести тем самым существенный вред внешнеполитическим интересам. Так, на заседании президиума Государственного совета, проходившего 11 февраля 2009 года в Вологде, Президент России Д.А. Медведев в рамках обсуждения вопроса о состоянии уголовно-исполнительной системы и подходов к ее долгосрочному развитию на период до 2020 года указал на необходимость введения всей пенитенциарной системы и законодательства в полное соответствие с международными стандартами.

Так, следуя по пути гармонизации уголовно-исполнительного права в части отражения объективной закономерности взаимодействия международного и внутригосударственного права, законодатель Федеральным законом от 3 апреля 2008 года № 40-ФЗ «О внесении изменений в статью 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» [12] закрепил идею о непреложности примата международного права над национальным законодательством.

Важно заметить, что влияние международных пенитенциарных стандартов на российскую практику исполнения уголовных наказаний, в первую очередь, связанных с лишением свободы, оказывается не только в отношении естественных прав осужденных, повышения средств их правовой защиты и безопасности, профессионализма персонала исправительных учреждений, но и дифференциации режимных требований и юридических условий отбывания наказания. При этом именно данный аспект функционирования отечественной уголовно-исполнительной системы нуждается в реформировании, внутренней и международно-правовой гармонизации. В частности, рассматривая проблему реализации международных стандартов в области прав человека при исполнении пожизненного лишения свободы, В.Ф. Цепелев и Е.Н. Казакова справедливо отмечают: «Жесткая степень изоляции и социальная депривация, бессрочность наказания, низкая степень дифференциации условий содержания, сроков перевода с одних условий на другие... свидетельствуют, что условия содержания пожизненно осужденных в полной мере не соответствуют жизни в обществе, их человеческому достоинству и не способствуют их ресоциализации» [13, с. 257]. Развивая данную мысль, исследователи приходят к аргументированному выводу о том, что длительный период изменения условий отбывания наказания и высокие формальные требования к условно-досрочному освобождению данной категории осужденных приводят к утрате социально-адаптивных навыков поведения, потере навыков социально-одобряемого поведения, развитию регресса личности. Так, «согласно международным документам, применительно к пожизненному лишению свободы пересмотр приговора должен осуществляться после отбывания срока лишения свободы от восьми до четырнадцати лет и повторяться через регулярные промежутки времени» [13, с. 258-259].

В связи с вышеизложенной проблемой необходимо обратить внимание на особенности функционирования отечественной прогрессивной системы исполне-

ния наказания, которая уже давно не соответствует потребностям правоохранительной деятельности. В частности, как верно замечает старший прокурор управления по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации С. Березиков, «в самом механизме исполнения лишения свободы заложены факторы, в определенной мере продуцирующие повторную преступность... совершенствование дифференциации исполнения наказания – одно из направлений предполагаемых изменений» [14, с. 41]. В связи с этим прокурором отмечается низкий показатель изменения условий в исправительных учреждениях, который в 2008 году в среднем по России составил 9,4 %, и предлагается выделить дополнительные подгруппы лиц, отбывающих наказание в обычных условиях. Кроме того, С. Березиков верно отмечает, что уголовно-исполнительное законодательство не раскрывает сущности института условий отбывания наказания, определения добросовестного отношения к труду, что препятствует их более глубокой дифференциации с учетом различных степеней исправления осужденных [14, с. 42-43].

Как представляется, данные предложения в целом соответствуют европейским пенитенциарным стандартам в области дифференциации осужденных. Вместе с тем принципиальное решение данной проблемы должно быть неотделимо от гарантий соблюдения прав осужденных, связано с расширением процедурных механизмов регулирования уголовно-исполнительных отношений и, как следствие, с созданием института пенитенциарного суда, в компетенцию которого необходимо включить и решение вопросов о переводе осужденных из одних условий отбывания наказания в другие. Однако грядущая реформа отечественной пенитенциарной системы фактически связана с переходом от «колонийской» к «тюремной» системе размещения осужденных, расширением практики технического надзора за осужденными (имеется в виду новая модель ограничения свободы) и «трудотерапии» с введением нового наказания в виде принудительных

работ. Результаты такой реформы не будут иметь скорого эффекта без серьезного применения исправительного воздействия, основанного на комплексной реализации всех средств исправления, закрепленных в ч. 2 ст. 9 УИК РФ, расширения судебного компонента в механизме регулирования уголовно-исполнительных отношений и диспозитивных основ уголовно-исполнительного законодательства (в частности, предоставление осужденным широких возможностей реализации их законных интересов).

В настоящее время важно говорить об определенном планировании постепенного внедрения международных пенитенциарных стандартов в отечественную практику исполнения уголовных наказаний. Отчасти такое планирование отражено в утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2006 г. № 540 Федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)», раскрывающей основные направления последовательного исполнения международных обязательств России посредством программно-целевого метода и указывающей на важность «неуклонного внедрения международных стандартов обращения с заключенными в практику исполнения наказаний» [15]. При этом в программе отмечается необходимость учета того обстоятельства, что согласно Европейским пенитенциарным правилам отсутствие достаточного количества ресурсов для достойного содержания заключенных не может являться оправданием нарушения их человеческих прав, что в принципе противоречит закрепленному в ч. 4 ст. 3 УИК РФ положению: «Рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей».

Более того, в соответствии с программой к 2017 году лишь 26 из 238 следственных изоляторов предположительно будут соответствовать международным стан-

дартам (в первую очередь из расчета 7 м² на одного заключенного). Вместе с тем в программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)» указывается следующее: «Как отмечается в комментариях Совета Европы к Европейским пенитенциарным правилам, есть основания полагать, что норма санитарной площади на одного заключенного будет определена Европейским комитетом в пределах 9–10 м²».

В связи с этим сложно согласиться с И.В. Никитенко, полагающим, что «в настоящее время не имеется такого стандартного правила, которое не могло бы быть воспринято российским уголовно-исполнительным законодательством в обозримом будущем» [16, с. 151]. Данное суждение противоречит не только фактическому состоянию отечественной пенитенциарной системы, но и уголовно-исполнительной политике, отражающейся в том числе в рассматриваемой программе и ожидаемых в ней результатах. Так, 11 февраля 2009 года на заседании президиума Государственного совета в Вологде в рамках обсуждения вопроса о состоянии уголовно-исполнительной системы и подходов к ее долгосрочному развитию на период до 2020 года Д.А. Медведев отметил, что «...мы сделали пока только самые первые, но достаточно важные шаги к созданию эффективной, справедливой и цивилизованной системы исполнения наказания в нашей стране... состояние уголовно-исполнительной системы нас еще ни в коей мере не может удовлетворить».

Утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года своей первоочередной целью ставит «повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития» [17]. Вместе с тем в данной Концепции не указаны критерии оценки соответствия отечественной уголовно-исполнительной системы уровню

европейских стандартов, не обозначено, о каких европейских стандартах идет речь.

Исследователи вопросов реализации международно-правовых норм в отечественную уголовно-исполнительную систему и законодательство отмечают несоответствие многих положений и фактического состояния условий исполнения уголовных наказаний международным пенитенциарным стандартам. Например, Ф.М. Городинец справедливо отмечает невыполнение рекомендаций Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1955 года в части соблюдения половых различий между осужденными и персоналом исправительного учреждения [18, с. 163]. Некоторым положениям международных пенитенциарных стандартов и правил уголовно-исполнительное законодательство России приводится в соответствие до сих пор. В частности, норма, содержащаяся в ч. 3 ст. 12 УИК РФ, при ее буквальном толковании допускала проведение над осужденными медицинских и иных опытов, которые не ставят под угрозу их жизнь и здоровье. Данное положение находилось в противоречии с п. 27 Части II Приложения к Рекомендации № R (87)3 Комитета Министров государствам-членам относительно Европейских пенитенциарных правил, принятого Комитетом Министров Совета Европы 12 февраля 1987 г., где указывается на запрет проведения каких-либо опытов над осужденными. Лишь с принятием Федерального закона № 191-ФЗ от 19 июля 2009 г. «О внесении изменения в статью 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» рассмотренное противоречие было устранено посредством закрепления в ч. 3 ст. 12 УИК РФ указания на то, что осужденные независимо от их согласия не могут быть подвергнуты медицинским, научным или иным опытам, связанным с испытанием лекарственных средств, новых методов диагностики, профилактики и лечения заболеваний, а также проведением биомедицинских исследований» [19].

Существенным недостатком Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–

2016 годы)» является то обстоятельство, что в ней не затрагиваются вопросы соответствия международным стандартам условий содержания осужденных в исправительных учреждениях. Такое «соответствие» отражает только санитарно-бытовые условия, а именно 7 м² санитарной площади на одного подследственного, содержащегося в СИЗО. Более того, в ч. 1 Правила 100 Европейских пенитенциарных правил 2006 года указывается на необходимость предоставления заключенным, дела которых еще не рассмотрены в суде, возможности работать. Согласно ч. 2. данного Правила на работающих заключенных должны распространяться все положения Правил 26, которые, в свою очередь, рекомендуют совмещать работу с «элементами профессиональной подготовки», предоставлять заключенным возможность выбирать интересующий их вид трудовой деятельности, организовывать трудовую деятельность, максимально схожую с методами аналогичной работы в обществе. Безусловно, выполнение данных требований, закрепленных не только в Европейских пенитенциарных правилах 2006 года, а также в ст.ст. 4 и 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, требует как соответствующего финансирования, так и широкого проведения плановых организационно-технических мероприятий.

В настоящее время соответствующий уровень закрепления труда лиц, содержащихся в следственных изоляторах, в действующем законодательстве не отражен. Более того, сложно согласиться с мнением Е.В. Емельяновой о том, что положения российского уголовно-исполнительного законодательства в области привлечения осужденных к труду приведены в соответствие с международными стандартами [20, с. 144]. Как представляется, привлечение осужденных, отбывающих уголовные наказания, также имеет ряд проблем. Как указывает специалистами в этой сфере, «вопрос о трудоустройстве осужденных сейчас является одним из острых и трудноразрешимых в местах лишения свободы» [21, с. 328]. В свою очередь, Н.Н. Дерюга отмечает, что

«произошел разрыв хозяйственных связей между предприятиями различных организационно-правовых форм и предприятиями исправительных учреждений, приостановилось обновление технически отсталой материальной базы» [22, с. 328]. В результате экспертные оценки показывают, что в настоящее время уровень трудоустроенных осужденных в местах лишения свободы не превышает 35 %.

Таким образом, следует констатировать, что в программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)», а также Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года не рассматриваются международные стандарты относительно уровня медицинского обслуживания, трудовой занятости и профессионального обучения осужденных в местах лишения свободы, которые занимают важное место в системе обеспечения средств исправления осужденных. В данных документах не отражены критерии оценки соответствия отечественной уголовно-исполнительной системы уровню европейских стандартов.

В связи с этим настоятельно требуется усиление рассматриваемой программы комплексными указаниями на конкретные международные пенитенциарные стандарты, которые должны быть реализованы Российской Федерацией. Ведь реализация стандартов только санитарно-бытового характера не в полной мере отражает потребности отечественной уголовно-исполнительной системы в гармоничном развитии и накоплении арсенала всех средств воздействия на осужденного. Кроме того, реализация изложенных в программе стандартов направлена, в первую очередь, на гуманизацию условий содержания подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в следственных изоляторах, а не на создание условий для эффективного исправления осужденных в местах лишения свободы.

Таким образом, обозначенные проблемы демонстрируют настоятельную необходимость скрупулезного исследования международных пенитенциарных стандартов и правил на предмет необходимости

и возможности их реализации в отечественной практике исполнения уголовных наказаний. В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы и возрастания требований к ее антикриминогенному потенциалу необходим новый, более взвешенный подход к выработке международных договоренностей и имплементации общепризнанных пенитенциарных стандартов и правил.

1. Гаврилов В. К вопросу о взаимодействии международной и национальных правовых систем в контексте идеологии и правосознания // Контакт России и стран АТР в правовом дискурсе / отв. ред. А.И. Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. С. 33-44.

2. Ashworth A. Principles of Criminal Law. 3rd ed. New York – Oxford: University Press, 1999. 534 p.

3. Социальная антропология права современного общества: монография / И.Л. Честнов [и др.]. СПб.: С.-Петербург. ин-т внешнеэкономических связей, экономики и права, Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2006. 248 с.

4. Спиридонов А.П. Взаимодействие российского уголовного права с системами права других государств: исторический аспект // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 3 (34). С. 37-43.

5. Малько А.В., Саломатин А.Ю. О некоторых чертах модернизационных процессов в современных условиях // Государство и право. 2004. № 3. С. 23-31.

6. Howard J. The State of the Prisons. London: J.M. Dent&Sons Ltd.; New York: E.P.Dutton&Co.Inc, 1929. 306 p.

7. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. I (1762–1825). 3-е изд. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1960. 384 с.

8. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. 184 с.

9. Печников А.П. Тюремные учреждения российского государства (1649 – октябрь 1917 гг.): Историческая хроника. М.: Щит-М, 2004. 325 с.

10. Рожков С.А. Международные стандарты обращения с осужденными и уголовно-исполнительное законодательство РФ // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 1 (3). С. 125-131.
11. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: учебник для вузов / под ред. А.И. Зубкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2003. 720 с.
12. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 14. Ст. 1359.
13. Цепелев В.Ф., Казакова Е.Н. Международные стандарты в области прав человека и их реализация в процессе назначения и исполнения пожизненного лишения свободы // Российский криминологический взгляд. 2008. № 3. С. 249-260.
14. Березиков С. Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях надо менять // Законность. 2009. № 6. С. 41-43.
15. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 39. Ст. 4075.
16. Никитенко И.В. Реализация международных стандартов обращения с осужденными как одно из направлений гуманизации уголовно-исполнительной политики России // Проблемы обеспечения законности и правопорядка в Дальневосточном регионе: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (12-13 мая 2004 г.). Хабаровск: Дальневосточный юрид. ин-т МВД России, 2004. С. 149-152.
17. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.
18. Городинец Ф.М. Имплементация международно-правовых норм при исполнении наказания в виде лишения свободы в российском законодательстве и правоприменительной практике: монография. СПб.: СПбГУАП, СПбУ МВД России, 2002. 174 с.
19. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 29. Ст. 3628.
20. Емельянова Е.В. Международные стандарты в области привлечения осужденных к труду и их реализация в уголовно-исполнительном законодательстве России // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318 (Январь). С. 143-145.
21. Рыбак М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов: Саратовская гос. академия права, 2001. 450 с.
22. Дерюга Н.Н. Организационно-правовые проблемы занятости осужденных, содержащихся в местах лишения свободы: дис. ... д-ра юрид. наук. Хабаровск: Дальневосточный юрид. ин-т МВД России, 2003. 476 с.

Раздел 2. Проблемы государственного и муниципального строительства

О ВЛИЯНИИ КАЧЕСТВА ЗАКОНА НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫХ ОРГАНОВ

Т.Н. Дурыманова

(инспектор анализа и контроля Центра по борьбе с правонарушениями в сфере
потребительского рынка и исполнения административного законодательства
ГУВД по Алтайскому краю, г. Барнаул; dtn2388@mail.ru)

В статье рассматриваются вопросы влияния качества закона на обеспечение прав человека в деятельности контрольно-надзорных органов. Проводится краткий анализ специфики деятельности обозначенных органов, их взаимодействия и взаимообусловленности. Исследуется место международных и внутригосударственных органов по обеспечению прав человека в общей системе контрольно-надзорных органов.

Ключевые слова: контроль, надзор, контрольная власть, система контрольно-надзорных органов, качество закона, международный контроль, государственный контроль.

Важнейшим показателем деятельности контрольно-надзорных органов, как и других государственных органов, по обеспечению качества закона, прав и свобод человека и гражданина является надлежащее осуществление ими своих разносторонних полномочий и обязанностей, т.е. соблюдение установленных требований законности. Соблюдение или несоблюдение контрольно-надзорными органами этих требований существенно влияет на охрану и защиту человеком и гражданином своих прав и свобод, а также формирует отношение и уровень доверия населения к указанным органам, способствует появлению социально желательных или нежелательных для правопорядка тенденций.

Специфика контрольно-надзорной деятельности по обеспечению прав человека состоит в том, что она осуществляется большим кругом субъектов. В большинстве государств контрольная власть представлена государственными органами особого рода: конституционными судами, счетными палатами.

Следует отметить, что качество контрольной деятельности во многом зависит от того, насколько правильно выбраны формы, методы и цели при проведении контрольного мероприятия. Правильный выбор позволяет добиться концентрации

усилий и сосредоточиться на решении фундаментальных вопросов.

Поскольку цели и характер, а также организационные формы осуществления деятельности по обеспечению прав и свобод личности многообразны, постольку многообразен и контроль над ними. Это, несомненно, дает широкие возможности для классификации. В зависимости от научных и практических задач классификация контроля над качеством закона и обеспечением прав личности может быть основана на различных критериях. Эти критерии универсальные и могут распространяться на всю систему контрольно-надзорных органов по обеспечению прав и свобод личности. Таковыми являются: субъекты контроля; задачи и содержание контрольной деятельности; характер контрольных полномочий и т.д.

В юридической литературе тема разграничения понятий «контроль» и «надзор» всегда находится в центре внимания исследователей. Но, несмотря на это, существенного новшества в решение проблемы не привнесено.

Из существующих в юридической литературе воззрений следует, что контроль представляет собой деятельность по выявлению и анализу фактического положения дел и сопоставлению этого положения с намеченными целями и задача-

ми, а также принятию мер по устранению вскрытых недостатков и недопущению их в будущем. При этом надзор необходимо рассматривать в качестве составного элемента контроля, направленного на выявление фактов нарушения законности и принятия необходимых мер к их устранению со стороны соответствующих органов и должностных лиц.

В современной юридической литературе классификация видов контроля проводится по различным основаниям. Многообразие классификаций контроля обусловлено объективными причинами:

- многоликим составом субъектов, осуществляющих контроль от имени государства;
- принадлежностью этих субъектов к разным ветвям власти;
- наличием контроля со стороны граждан, общества и государства;
- различными предметами контроля и, как следствие, индивидуальными формами контроля;
- различными последствиями контрольных мероприятий.

Контроль как особый вид деятельности может быть классифицирован по различным основаниям, например: по органам, его осуществляющим, объему контрольных функций, периодичности проведения и иным.

Так, по периодичности проведения выделяют предварительный, текущий и последующий контроль. По субъектам выделяют президентский контроль [1, с. 162], парламентский контроль [2], конституционный контроль [3; 4], судебный контроль [5; 6], судебно-конституционный контроль [7, с. 47-48], федеральный контроль [8].

А вот вопрос о перечне форм контроля исследуется применительно к каждому виду контроля. Так, формами реализации контрольных полномочий являются прежде всего заседания парламента, палаты, комитетов и комиссий, иных его рабочих органов. В процессе проведения перечисленных мероприятий могут приглашаться должностные лица органов исполнительной власти, заслушиваться доклады и отчеты правительства и министров о

своей деятельности, задаваться вопросы («правительственный час»), проводиться парламентские (депутатские) слушания, расследования, вноситься парламентские (депутатские) запросы, создаваться специальные временные комиссии.

И только закрепленная в законе четкая правовая модель контрольного мероприятия, определяющая права и обязанности субъектов, основания и порядок его осуществления, позволит органам государственной власти действовать со знанием допустимых границ своего поведения и одновременно с уверенностью в обоснованности и правовой защите полученных результатов контроля. Для подконтрольных организаций деятельность контролера, основанная на законе, будет главной и действенной гарантией соблюдения их прав [9].

При определении системы контрольно-надзорных органов в более крупном масштабе следует исходить из направленности контроля. В соответствии с данным критерием необходимо выделить внешний и внутренний контроль. Внутренний контроль предполагает контроль, осуществляемый самим органом публичной власти посредством закрепления контрольных полномочий за конкретными структурными подразделениями или лицами данного органа, а функции внешнего контроля возлагаются либо на вышестоящие, либо на специально создаваемые для этих целей органы. В литературе «внутренний» контроль представлен как внутриведомственный, а «внешний» как надведомственный [10].

С нашей точки зрения, с таким подходом в масштабах общей системы контрольно-надзорной деятельности применительно к обеспечению прав человека согласиться трудно, так как не охватывается весь круг задействованных субъектов этой деятельности.

Полагаем, что относительно системы контрольно-надзорных органов обеспечения качества закона и прав личности внешним следует считать международный контроль, осуществляемый в отношении организационно не подчиненных объектов, а внутренним – государственный контроль,

осуществляемый в отношении органов одной системы.

Международный контроль представляет собой систему контроля за претворением в жизнь юридических обязательств, взятых на себя государствами в области обеспечения прав человека.

Международный контроль в области обеспечения прав человека как институт коллективного контрольного механизма для наблюдения за выполнением государствами взятых на себя обязательств образовался и начал активно действовать после Второй мировой войны. Среди международных механизмов по защите прав человека особое место занимает контрольный механизм Организации Объединенных Наций.

Одним из первых контрольных органов, созданных на основании международных конвенций в этой области, был Комитет по правам человека. В настоящее время функции контроля за соблюдением международных договоров по правам человека выполняют: Комитет по расовой дискриминации (1970 г.), Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (1982 г.), Комитет по экономическим, социальным и культурным правам (1985 г.), Комитет против пыток (1988 г.), Комитет по правам ребенка (1990 г.).

Международный контроль за качеством закона в сфере обеспечения прав человека создан с целью гарантирования выполнения взятых на себя государствами обязательств в области защиты прав и свобод личности. Выступая в качестве средства обеспечения исполнения международных норм, контроль заключается в действии субъектов международного права по установлению фактического положения и его оценки с точки зрения соответствия нормативным предписаниям, разрабатываемым на международном уровне.

Одна из основных задач органов контроля заключается в оказании помощи и содействия государствам в выполнении ими международных обязательств путем принятия соответствующих решений и рекомендаций.

Главную ответственность за выполнение функций Организации по содействию всеобщему уважению и соблюдению основных прав и свобод человека, согласно ст. 60 Устава ООН, несет Генеральная Ассамблея ООН и под ее руководством Экономический и Социальный Совет.

Эффективность действия Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод была определена созданием специальных международно-правовых органов защиты прав и свобод человека – Европейской Комиссии по правам человека и Европейского Суда по правам человека в Страсбурге. В основе функционирования этих органов заложено закрепленное в ст. 25 Конвенции право «каждого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы лиц» подавать в Комиссию жалобы на нарушение прав, закрепленных в Конвенции, тем или иным государством – участником Конвенции, равно как и право любого государства – участника Конвенции подавать аналогичные жалобы на нарушения прав человека любым государством, также являющимся участником этой Конвенции.

Следует оговориться, что в настоящее время Европейский Суд по правам человека является единым контрольным органом, так как с января 1998 г. Европейская Комиссия по правам человека не действует.

Учреждение Европейского Суда по правам человека стало возможным в значительной степени благодаря близости политических систем, схожести исторического опыта и сопоставимости уровня социально-экономического развития стран Европы, чего нельзя сказать о других государствах мира.

В связи с этим презумпция исключительной национальной правозащиты явно недостаточна, а по большому счету и несостоятельна, и очевидной стала необходимость постоянного международного контроля за обеспечением государственной защиты прав личности.

Таким образом, права и свободы личности, ставшие предметом международно-правового регулирования и вышедшие из состава исключительной компетенции го-

сударства, становятся под контроль международного сообщества. Все большее внимание в связи с этим начинает уделяться механизму защиты прав человека.

Нет сомнения в том, что права человека будут развиваться и дальше, отражая динамизм общественных отношений, возрастание притязаний личности. Вполне вероятно, что этот процесс потребует принятия нового комплекса международных документов, включающего более широкий перечень прав человека. Необходимость в выработке такого комплекса на современном этапе развития человечества вряд ли является основной задачей международного сообщества, намного важнее найти средства для наиболее полного осуществления и защиты уже закрепленных и существующих международных документов, касающихся основных прав и свобод человека.

Государственный контроль за качеством закона в обеспечении прав человека представляет собой систему органов, организаций, общественных объединений и должностных лиц, деятельность которых основана и регламентирована Основным Законом государства и иными нормативными правовыми актами в целях создания условий по реализации определенных требований.

Наряду с общей положительной оценкой системы государственного контроля полагаем, что ее иерархическое построение находится в зависимости от социальной и правовой значимости субъекта контроля. С этих позиций систему государственного контроля за качеством закона в обеспечении прав личности можно представить следующим образом:

- конституционный контроль (Конституционный Суд);
- судебный контроль (органы судебной власти страны);
- прокурорский надзор (прокуратура);
- общественный контроль;
- ведомственный контроль.

Под конституционным контролем следует понимать специальный вид государственной деятельности, направленный

на обеспечение правильного применения Конституции РФ и обусловленных ею законов, на защиту закрепленного в них конституционного строя государства, а следовательно, на обеспечение прав и свобод граждан.

Действующее российское законодательство рассматривает Конституционный Суд как судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть в форме конституционного судопроизводства (ст. 1 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Обеспечение качества закона, прав и свобод человека и гражданина составляет одно из приоритетных направлений деятельности Конституционного Суда РФ, которое в ценностном отношении вообще следует поставить на первое место, так как значение всех остальных направлений (обеспечение соблюдения конституционных принципов федерализма, разделения властей и т.д.) в конечном итоге замыкается на положении, закрепленном в ст. 2 Конституции Российской Федерации. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью – это главное с точки зрения Основного Закона мерило любой государственной деятельности.

Специфика полномочий Конституционного Суда в том и состоит, что Суд рассматривает и дает оценку именно соответствия Конституции обжалуемого закона. Выявление фактов нарушений прав человека в правоприменительной деятельности тех или иных органов и установление фактических обстоятельств дела не должно входить в компетенцию Конституционного Суда, так как это прерогатива других судов. В ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» имеется положение, согласно которому требование, содержащееся в жалобе, подаваемой в Конституционный Суд, должно носить исключительно правовой характер и не касаться установления фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других органов.

В связи с этим при поступлении жалоб, в которых ставятся под сомнение установленные фактические данные, Конституционный Суд отклоняет их с указанием на то, что рассмотрение подобных обращений неподведомственно Конституционному Суду, который не может выполнять функции высшей надзорной инстанции. Однако в некоторых случаях для уяснения действительного смысла той или иной нормы Конституционный Суд может принимать меры к установлению фактических обстоятельств, связанных с соблюдением порядка ее принятия, особенностями толкования этой нормы правоприменителями [11, с. 95].

Кроме того, исходя из смысла ч. 2 ст. 74 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» следует, что судебный орган конституционного контроля принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл, придаваемый ему сложившейся правоприменительной практикой, которая также анализируется в ходе судебного процесса.

Таким образом, следует отметить, что в условиях становления в Российской Федерации основ демократического правового государства деятельность по осуществлению конституционного контроля за обеспечением прав и свобод личности Конституционным Судом РФ является доминирующей ценностью. Рассматривая обеспечение прав и свобод как ключевую функцию Конституционного Суда, по которому он оценивает соответствие законов и иных нормативных актов Конституции РФ, необходимо отметить важное право-защитное направление деятельности этого органа. Соответственно, главная цель Конституционного Суда состоит в том, чтобы нарушенные права и свободы были восстановлены, чтобы каждый человек чувствовал себя защищенным в обществе.

Надежное обеспечение прав и свобод личности признается одной из основных функций судебной власти. Необходимость выделения контрольной функции судов обусловлена в первую очередь разделением государственной власти на три ее составляющие, каждая из которых действует

самостоятельно (ст. 10 Конституции РФ). В свою очередь, критерием самостоятельности и независимости судебной власти является ее способность обеспечить реальную безопасность личной свободы граждан, осуществить эффективную судебную защиту их прав и свобод от различного рода посягательств.

Судебный контроль по обеспечению прав и свобод личности продиктован и нормами международного права в области прав человека и гражданина. Судебный контроль следует рассматривать сегодня как необходимое условие формирования в России самостоятельной, независимой и эффективной судебной власти.

Конституция Российской Федерации определяет следующие основополагающие принципы судебного контроля: каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность; арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только на основании судебного решения, до принятия которого лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов (ст. 22); каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, ограничение которых допускается исключительно на основе судебного решения (ст. 23); никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения (ст. 25).

Судебная защита прав и свобод граждан прежде всего предполагает судебный контроль, осуществляемый путем рассмотрения и разрешения вопросов, отнесенных к ведению судов. Судебный контроль над органами предварительного расследования существовал и прежде, но контрольные функции суд реализовывал только после того, как уголовное дело поступало в судебные стадии процесса. Наделение суда правом контроля за обеспечением прав человека при производстве предварительного расследования уже на первоначальном его этапе способствует предотвращению, устранению допущенных нарушений закона по передаче дела на рассмотрение в суд,

когда речь идет о нарушении основных прав и свобод личности.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, неприкосновенность жилища. Это право подкреплено запретом на сбор, хранение, использование и распространение информации, касающейся частной жизни лица и членов его семьи, его близких и родственников.

Вместе с тем данные права могут быть ограничены на законных основаниях в случае проведения оперативно-розыскной деятельности. Проблема судебного контроля за законностью и обоснованностью, а также обеспечением прав человека при проведении оперативно-розыскных мероприятий нашла свое освещение в публикациях ученых и практиков [9, с. 35-37; 12, с. 19-22; 13, с. 64-73; 14, с. 55-56; 15, с. 57-58].

От совершенства правового регулирования оперативно-розыскной деятельности и установления судебного контроля в значительной мере зависят защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Первым значительным шагом по созданию механизма реализации конституционных положений, закрепленных в ст. 23 и ст. 25, в части регламентации судебного порядка выдачи разрешений на проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, стал Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» 1995 года.

Тем самым предпринята реальная попытка создания действенного механизма судебного контроля, включающего в себя основания и порядок рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Еще одним способом повышения качества законов в обеспечении прав и сво-

бод человека и гражданина является прокурорский надзор.

Прокуратура в результате специфики своей деятельности и структуры осуществляет надзор за исполнением законов, действующих на территории России, что особенно актуально в настоящее время, когда в стране увеличилось количество субъектов законотворчества.

В современных условиях ни одна структура исполнительной власти не может объективно осуществлять функции контроля вышестоящих органов за нижестоящими учреждениями без участия прокуратуры. Надзирая в рамках своей компетенции за исполнением законов контролирующими органами, она консолидирует и активизирует их деятельность, способствует преодолению местнических и ведомственных влияний на них, очищению государственного аппарата от недобросовестных и коррумпированных чиновников.

Прокуратура является единственным органом, для которого надзор за исполнением законов составляет смысл, сущность и основу деятельности. Особая роль прокурорского надзора в обеспечении прав человека в Российской Федерации состоит в том, что прокуратура призвана осуществлять независимый контроль, не связанный с интересами региональных, национальных, ведомственных органов, политических партий и движений, социальных групп.

В государственном механизме обеспечения качества закона и прав личности нет органов, способных осуществлять эффективный независимый социально необходимый надзор за исполнением законов в сфере государственного управления, экономической деятельности и охраны прав и свобод граждан; за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия; за соответствием закону судебных актов; за исполнением законов в местах содержания задержанных и предварительного заключения, при исполнении наказаний и иных мер принудительного характера, назначаемых судом; за исполнением законов органами военного управления, воинскими частями и учреждениями. Эти

полномочия представляют исключительную прерогативу прокуратуры.

Одним из важнейших направлений надзорной деятельности прокуратуры по праву считается надзор за качеством правовых актов в сфере обеспечения прав человека.

Реализуя возложенные на прокуратуру обязанности, прокуроры, с одной стороны, принимают меры для отмены незаконных нормативных правовых актов, вынося протесты или обращаясь с заявлениями в суд, с другой – вносят в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, предложения об изменении, дополнении, отмене или принятии нормативных правовых актов.

При этом прокуратура осуществляет постоянный надзор за исполнением действующих на всей территории государства законов. О наиболее существенных нарушениях законности и прав человека при осуществлении прокурорского надзора информируется Генеральная прокуратура.

Главная задача прокуратуры состоит в том, чтобы ни в коей мере не подменять деятельность судебных органов, органов исполнительной власти, контролирующих органов, а максимально эффективно использовать специальные полномочия прокурора для оперативного пресечения нарушений прав и свобод различных категорий граждан.

Взаимосвязь прокурорского надзора и судебного контроля во многом обусловлена тем, что сферы распространения компетенции суда и прокуратуры в контроле (надзоре) за законностью по объектам их осуществления в значительной степени совпадают. Прокурорский надзор и судебный контроль – это две взаимосвязанные формы контрольной деятельности государства, осуществляемые разными органами государственной власти и в разных организационно-правовых формах, эффективность осуществления которых во многом обусловлена их взаимосвязью и взаимозависимостью. Механизм судебного контроля эффективен при инициировании судебных дел прокуратурой и активном участии прокурора в судебном процессе,

а результативность прокурорского надзора обусловлена результатами рассмотрения дел.

Одной из задач Российского государства является сближение и укрепление взаимодействия всех его органов с институтами гражданского общества. Особое место в этом процессе принадлежит вопросам исключения злоупотребления властью, защиты прав и свобод человека и гражданина, согласования общественно значимых интересов общества, его индивидов и государства. Важную роль в обеспечении четкого конституционного регулирования различных сфер государственной деятельности путем общественного контроля, а также в формировании гражданского общества в России сыграло принятие Федерального закона от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ (в ред. от 23.07.2010 № 177-ФЗ) «Об Общественной палате Российской Федерации» [16].

Создание Общественной палаты стало своего рода итогом и закономерностью процесса социализации Российского государства и развития институтов гражданского общества.

Общественный контроль за деятельностью органов государственной власти представляет собой целенаправленную деятельность Общественной палаты Российской Федерации, в ходе которой выявляются допущенные подконтрольными субъектами отклонения от нормативно заданных параметров, определяются причины и условия, приведшие к подобному положению, вырабатываются пути преодоления и исключения их в будущем.

Контроль, исходя из целей деятельности Общественной палаты РФ, должен способствовать разрешению назревших проблем и противоречий, согласованию общественно значимых интересов, сбору надлежащей информации, обосновывать необходимость реагирования на нее, продвижению этой информации в инстанции, которые по своему статусу обязаны принимать соответствующие решения.

Одной из приоритетных задач Общественной палаты является проведение общественной экспертизы нормативных пра-

новых актов Правительства и федеральных органов исполнительной власти.

В рамках осуществления общественного контроля Общественная палата также проводит общественную экспертизу проектов федеральных законов и проектов законов субъектов Российской Федерации, а также проектов нормативных правовых актов органов исполнительной власти Российской Федерации и проектов правовых актов органов местного самоуправления.

Ведомственный контроль является составной частью государственного контроля и необходимым условием для решения важнейших задач эффективного функционирования государственного аппарата, установления недостатков в деятельности организаций, а также своевременного выявления, предотвращения и пресечения нарушений действующего законодательства и злоупотреблений в профессиональной сфере деятельности подконтрольных субъектов в целях обеспечения прав человека.

Этот вид контроля осуществляется службами ведомственного контроля, создаваемыми федеральными органами государственной власти, государственными органами, учреждениями и организациями. С этой целью в большинстве государственных органов и организаций созданы самостоятельные контрольные органы (например, ведомственные контрольно-ревизионные управления).

По форме осуществления все виды ведомственного контроля схожи, так как имеют одну и ту же цель – способствовать тому, чтобы фактически получаемые результаты были как можно ближе к требуемым. Различаются они только по времени осуществления. В соответствии с данным критерием следует выделить предварительный, текущий и заключительный контроль.

Предварительный контроль осуществляется до фактического начала работ, предшествует непосредственным действиям и направлен на документальное установление общей готовности учреждения или его структурного подразделения к проведению проверочных мероприятий.

Текущий контроль осуществляется на стадии происходящего процесса деятельности и проводится он вышестоящими звеньями. Регулярная проверка работы нижестоящих уровней, обсуждение возникающих проблем и предложений по усовершенствованию работы – все это позволяет исключить отклонения от планов и заданий.

Заключительный контроль осуществляется после того, как работа выполнена. Фактически полученные результаты сравниваются с предусмотренными. Целью этого вида контроля является установление правильности, законности и целесообразности проводимой деятельности, вскрытие недостатков и упущений.

Заключительный контроль дает информацию для учета, если аналогичная работа повторяется в будущем. Эта же информация используется для мотивации служебной деятельности сотрудников.

Важно подчеркнуть, что выбор формы и сроков проведения контроля зависит от самостоятельных решений субъектов контроля, основанных на конкретно поставленных задачах.

Таким образом, качество закона оказывает существенное влияние на обеспечение прав человека в деятельности контрольно-надзорных органов, и достигается это за счет их слаженной работы при тесном взаимодействии с международными контрольными органами. А от слаженности данной системы в конечном итоге будет зависеть уровень благосостояния граждан в стране проживания, их уверенность в обеспечении личной безопасности, защищенности жизненно важных интересов личности, государства и общества в целом.

1. Тарасов А.М. Президентский контроль: понятие и система: учеб. пособие. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 642 с.

2. Малумов А.Ю., Малумов Г.Ю. Комментарий к Федеральному закону «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» / под ред. С.Н. Бабурина. М.: Юстицинформ, 2007.

3. Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России. М., 1995. 175 с.
4. Харитонов Н.Н. Перспективы эволюции конституционного контроля: зарубежная и отечественная практика // Право и политика. 2005. № 11; 2006. № 1.
5. Боннер А.Т., Квиткин В.Т. Судебный контроль в области государственного управления. М., 1973.
6. Хаманева Н.Ю. Судебный контроль за реализацией прав граждан в сфере исполнительной власти. М., 1999.
7. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997. 391 с.
8. Гончаров И.В. Федеральное вмешательство как способ контроля Российской Федерации за деятельностью своих субъектов // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 2.
9. Васильев А.А. Актуальные проблемы правового регулирования государственного бюджетного контроля в РФ // Адвокат. 2003. № 4.
10. Студеникина М.С. Государственные инспекции в СССР. М., 1987. 108 с.
11. Брежнев О.В. Защита основных прав и свобод граждан в Конституционном Суде Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 447 с.
12. Козусев А. Надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности // Законность. 1997. № 2. С. 19-22.
13. Петрухин И.Л. Частная жизнь (правовые аспекты) // Государство и право. 1999. № 1. С. 64-73.
14. Пешков М. Прослушивание и электронное наблюдение в уголовном процессе США // Российская юстиция. 1997. № 4. С. 55-56.
15. Решняк М.Г. Прослушивание телефонных переговоров как элемент розыска скрывшегося обвиняемого // Юрист. 1997. № 12. С. 57-58.
16. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 15. Ст. 1277; 2010. № 30. Ст. 4008.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ АВТОНОМНЫХ ОКРУГОВ

А.А. Мишунина

(руководитель аппарата постоянной комиссии Тюменской областной Думы
по вопросам депутатской этики и регламентным процедурам, доктор юридических наук;

MishuninaAA@duma72.ru)

А.Н. Гиберт

(председатель Избирательной комиссии Ямало-Ненецкого автономного округа,
г. Салехард; gasiksrf@yamalinfo.ru)

В статье обосновывается возможность индивидуализации комплексного правового института избирательных комиссий субъектов Российской Федерации в системе российского права и раскрываются его особенности в автономных округах, являющихся равноправными субъектами Российской Федерации.

Ключевые слова: комплексный правовой институт, избирательное право, конституционное право, избирательные комиссии, автономный округ.

Актуальность института избирательных комиссий в значительной степени обусловлена низким уровнем политической культуры и необходимостью поиска новых подходов к эффективному использованию правовых средств обеспечения гарантий избирательных прав граждан Российской Федерации, так как сегодня выборы – это не только состязание кандидатов за голоса избирателей, но и реальная борьба политических партий за выборные должности в органах государственной власти и местного самоуправления. В связи с этим теоретического осмысления требует наметившийся в последние годы существенный рост нормативного массива избирательного права с точки зрения его дальнейшей дифференциации, в том числе возможности выделения в его рамках правового института избирательных комиссий автономных округов.

В качестве центрального звена системы права принято рассматривать нормы права [1, с. 41], так как проявление их свойств на последующих уровнях (институт, подотрасль, отрасль) обеспечивает единство всей системы. По мнению С.С. Алексеева, вхождение нормативного предписания в определенный правовой институт, а института – в отрасль права сообщает указанным подразделениям такие особенности, которые свидетельствуют о глубоком проникновении правовых структур различных уровней [2, с. 35].

Таким образом, постановка вопроса о выделении института в отрасли конституционного права или избирательного права, являющегося подотраслью конституционного права, обуславливает необходимость уяснения правовой природы норм, входящих в указанный институт.

Применительно к институту избирательных комиссий автономных округов следует отметить, что указанный институт находит свое объективное выражение в системных правовых актах автономных округов [3], которые в соответствии с частью 1 статьи 5 Конституции Российской Федерации являются равноправными субъектами Российской Федерации [4].

В качестве объединяющего фактора норм института избирательных комиссий автономных округов необходимо рассматривать их тесную связь с реализацией избирателями конституционного права избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 32 Конституции Российской Федерации) и с необходимостью соответствия их общепризнанным нормам и принципам международного права.

Этот тезис основывается на положениях Конституции Российской Федерации о том, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ч. 2 ст. 17), а также на приоритете общепризнанных принципов

и норм международного права, международных договоров Российской Федерации над национальным законодательством (ч. 4 ст. 15).

Основы института избирательных комиссий автономных округов заложены в Конституции Российской Федерации. В ней установлены основные положения, на которых базируется избирательное право и избирательный процесс. В качестве примера можно привести следующее: высшим непосредственным выражением власти народа являются свободные выборы (ч. 3 ст. 3), граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 32).

Кроме того, Конституцией Российской Федерации очерчен круг органов государственной власти, непосредственно избираемых гражданами России, проводится разграничение компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами в сфере избирательного законодательства, и, по мнению ряда авторов, в общих чертах определен механизм защиты избирательных прав граждан [5, с. 3-4].

Нормы, касающиеся принципов избирательного права и вопросов организации и проведения выборов, регламентированы в различных статьях Конституции (ст.ст. 3, 32, 60, 81, 84, 96, 97, 102, 109, 111, 117, 130). Одновременно Конституция Российской Федерации императивно указывает на необходимость проведения выборов на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Эти конституционные положения находят свое развитие в федеральном и региональном избирательном законодательстве и распространяются на формирование законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации [6, с. 12-13].

В то же время регулирование избирательных отношений с участием избирательных комиссий автономных округов связано с правами человека в различных сферах, значительную долю норм которых составляют нормы административного, трудового, гражданского и других отрас-

лей права. Будучи включенными в избирательный процесс, нормы указанных отраслей вступают в особые связи и отношения со специальными нормами избирательного права. Они отчасти изменяют свой характер по содержанию и в новом качестве становятся уже нормами комплексного межотраслевого института.

Основными (сущностными) признаками комплексных институтов являются их составной характер, качественная разнородность объединенных в них норм, функциональный характер связей между правовыми нормами, определяемый неоднородностью отраслей права, частью которых они являются, субъективный подход к формированию данных правовых общностей, регулирование не вида, а комплекса разнородных общественных отношений.

Ввиду того, что избирательное законодательство входит в перечень законодательства, находящегося в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ч. 1 ст. 72 Конституции), оно состоит из федерального законодательства и принятого в соответствии с ним законодательства субъектов Российской Федерации.

Так, правовую основу избирательных правоотношений в сфере полномочий Избирательной комиссии Тюменской области составляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [7], другие федеральные законы, а также издаваемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты Российской Федерации, Устав, законы и иные нормативные правовые акты Тюменской области.

Полномочия Избирательной комиссии Ямало-Ненецкого автономного округа на региональном уровне при проведении выборов депутатов Тюменской областной Думы на территории Ямало-Ненецкого автономного округа урегулированы не только Уставом, законами и иными нормативными правовыми актами Ямало-Ненецкого автономного округа, но и Уставом, законами и иными

нормативными правовыми актами области, а также договорами [8] между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа о порядке и условиях проведения выборов депутатов Тюменской областной Думы и соответствующими соглашениями [9].

В то же время, если заключение договора между органами государственной власти области и органами государственной власти автономного округа находится в полном соответствии с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.1997 № 12-П по делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области, то возможность заключения соглашений между избирательными комиссиями равноправных субъектов Российской Федерации по передаче части полномочий в сфере финансирования выборов и обжалования решений нижестоящих избирательных комиссий требует специального изучения [10].

Таким образом, особенности правового института избирательных комиссий автономных округов заключаются в таких его источниках, как:

- нормативные правовые акты (например, Устав, законы и иные нормативные правовые акты области при проведении выборов депутатов областной Думы на территории автономного округа);
- договоры [8] (например, договор между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа о порядке и условиях проведения выборов депутатов Тюменской областной Думы);
- соглашения (например, Соглашение Избирательной комиссии Тюменской области, Избирательной комиссии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Избирательной комиссии Ямало-Ненецкого автономного округа по осуществлению на соответствующей территории организационно-технических мероприятий по про-

ведению выборов депутатов Тюменской областной Думы).

В этом заключается одна из особенностей правового института избирательных комиссий автономных округов.

Приверженность к точке зрения о том, что право – это определенная форма общественных отношений, побуждает к рассмотрению в рамках настоящей статьи избирательных правоотношений, которые возникают посредством упорядочения общественных отношений нормами избирательного права и представляют собой то объективное содержание, которое проявляется в поведении людей.

По своей структуре избирательные правоотношения в сфере полномочий избирательных комиссий автономных округов тождественны иным правоотношениям и включают следующие элементы: *субъекты избирательных правоотношений* (участники общественных отношений), *объекты избирательных правоотношений*, *содержание избирательных правоотношений* (субъективные права и юридические обязанности участников общественных отношений).

Проведенное исследование показывает, что избирательная комиссия автономного округа при проведении областных выборов на территории автономного округа выполняет часть полномочий избирательной комиссии области. Например, в соответствии с Соглашением [9] между Избирательной комиссией Тюменской области, Избирательной комиссией Ханты-Мансийского автономного округа, Избирательной комиссией Ямало-Ненецкого автономного округа о делегируемых и совместных полномочиях по организации и проведению выборов депутатов Тюменской областной Думы от 16 декабря 2001 года на Избирательную комиссию Ямало-Ненецкого автономного округа были возложены полномочия Избирательной комиссии Тюменской области в следующих сферах:

- определение схемы избирательных округов по выборам депутатов Тюменской областной Думы на территории Ямало-Ненецкого автономного округа;

– руководство деятельностью нижестоящих избирательных комиссий в целях обеспечения полного и единообразного применения Избирательного кодекса (Закона) Тюменской области;

– распределение между ними средств, выделенных из областного бюджета на финансовое обеспечение подготовки и проведения выборов, контроль за целевым использованием указанных средств;

– обеспечение изготовления избирательных бюллетеней по форме, установленной избирательной комиссией Тюменской области, и их доставки окружным и территориальным комиссиям на территориях Ханты-Мансийского автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа;

– рассмотрение жалоб (заявлений) участников избирательного процесса на действия (бездействие) окружных избирательных комиссий по выборам депутатов Тюменской областной Думы на территории Ямало-Ненецкого автономного округа.

Одновременно указанным Соглашением были установлены следующие формы осуществления совместных полномочий Избирательной комиссии Тюменской области и Избирательной комиссии Ямало-Ненецкого автономного округа:

– проведение совместных консультаций;

– участие представителей избирательных комиссий в совместной деятельности рабочих групп;

– проведение совместных семинаров, конференций, круглых столов по повышению правовой культуры участников избирательного процесса.

Таким образом, анализируемое соглашение обусловило существование особенности избирательных правоотношений в сфере полномочий избирательных комиссий автономных округов по следующим его элементам:

– *по субъектному составу* (например, субъектами избирательных отношений по проведению областных выборов на территории автономного округа одновременно являются избирательная комиссия области и избирательная комиссия автономного округа);

– *по содержанию* (избирательная комиссия автономного округа осуществляет права, отнесенные избирательным законодательством к полномочиям избирательной комиссии области).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт избирательных комиссий субъектов Российской Федерации – это комплексный межотраслевой институт российского права, объединяющими факторами входящих в него норм является их тесная связь с реализацией избирателями конституционного права избирать и быть избранным в законодательные (представительные) органы государственной власти субъекта Российской Федерации, а также совокупность избирательных отношений.

Особенность правового института избирательных комиссий автономных округов заключается как в его источниках, так и в содержании и субъектном составе его избирательных правоотношений.

1. Макеева М.Е. Системный подход как способ познания // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 6.

2. Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975.

3. О системе избирательных комиссий в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре: закон ХМАО от 18 июня 2003 г. № 36-оз; ред. от 15.11.2010 // Новости Югры. Спецвыпуск. 2003. № 69.

4. Конституция Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 4. Ст. 445.

5. Кликушин А.А. Конституционные основы деятельности судов общей юрисдикции по защите избирательных прав граждан Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. С. 3-4.

6. Серков С.В. Конституционно-правовое регулирование голосования на выборах в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. С. 12-13.

7. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в рефе-

рендуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ: ред. от 04.10.2010 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

8. О Договоре между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Ямало-Ненецкого автономного округа о порядке и условиях проведения выборов депутатов Тюменской областной Думы пятого созыва: постановление Тюменской областной Думы от 24 нояб. 2010 г. № 2619 // Тюменские известия. Приложение. 2010. 14 дек. № 219.

9. Соглашение между Избирательной комиссией Тюменской области, Из-

бирательной комиссией Ханты-Мансийского автономного округа, Избирательной комиссией Ямало-Ненецкого автономного округа о делегируемых и совместных полномочиях по организации и проведению выборов депутатов Тюменской областной Думы от 16 дек. 2001 г. // Тюменские известия. 2001. 20 дек. № 184.

10. Об обращении Избирательной комиссии Ямало-Ненецкого автономного округа от 12 января 2007 года: решение Избирательной комиссии Тюменской области от 18 янв. 2007 г. № 144 // Тюменские известия. 2007. 20 янв. № 11.

Раздел 3. Частное право, договорное регулирование

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСПОСОБНОСТИ
ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

С.А. Сулейманова

(доцент кафедры гражданского права Дагестанского государственного университета,
кандидат юридических наук, г. Махачкала; s_saltanat@mail.ru)

В статье анализируются спорные вопросы теории гражданской правоспособности. Автором сделан вывод о том, что правоспособность физического лица (гражданина) является субъективным правом, существующим в составе абсолютного гражданского правоотношения правоспособности.

Ключевые слова: физическое лицо, правоспособность, правоотношение, субъективное право.

Исследование правового положения субъектов гражданских правоотношений относится к числу наиболее важных проблем цивилистической науки. В юридической науке человек представляет интерес как возможный субъект прав и обязанностей.

Для раскрытия природы гражданской правоспособности физического лица первостепенное значение имеет обоснование тезиса о том, что правоспособность – это особое субъективное право.

Понимание правоспособности как определенного субъективного права получило убедительное обоснование в отечественной юридической литературе. Сторонниками данной позиции являются С.С. Алексеев, С.Н. Братусь, Я.Р. Веберс и др. [1, с. 141; 2, с. 17-20; 3, с. 57]. Как субъективное право правоспособность трактовалась и дореволюционными учеными [4, с. 58].

В цивилистике общепризнанным является определение правоспособности как *субъективного права, предоставляющего субъекту возможность иметь любые не запрещенные законом права и нести обязанности*. Как отмечал В.П. Грибанов, «отрицание за правоспособностью качеств права означает отрицание за ней качества признаваемой законом и охраняемой государством возможности правообладания, что подрывает основу реальности правоспособности» [5, с. 6]. Таким образом,

по своей юридической природе гражданская правоспособность физического лица представляет собой реальное и конкретное субъективное право, суть которого – возможность определенного поведения лица.

Однако такая позиция разделяется не всеми авторами. Даже те авторы, которые признают субъективное право многогранным явлением, когда речь идет о правоспособности, приходят к неоднозначным выводам. Так, В.П. Грибанов считал, что с философской точки зрения субъективные гражданские права есть явление объективное, реально существующее в действительности, а субъективными их называют лишь потому, что они принадлежат определенным лицам. Такими правами ученый считал:

- конституционные права;
- правоспособность и дееспособность;
- права граждан и организаций, принадлежащие им как участникам гражданских правоотношений;
- правомочия, входящие в состав субъективных гражданских прав [5, с. 5].

Следовательно, если субъективными права называются в силу их принадлежности определенным лицам, а правоспособность – это право, принадлежащее определенному лицу, то есть основания считать, что правоспособность также является субъективным правом определенного лица. Однако, рассматривая право-

способность и дееспособность как права, принадлежащие определенному лицу, В.П. Грибанов противопоставляет их правам граждан и организаций, принадлежащим им как участникам гражданских правоотношений [5, с. 6]. Представляется, что такая позиция недостаточно последовательна, поскольку если принадлежность того или иного права определенному лицу уже характеризует данное право как субъективное, то это право, как любое другое субъективное право, будет принадлежать гражданам как участникам гражданских правоотношений. Именно использование термина «субъективное право» для обозначения прав, принадлежащих определенным лицам, подчеркивает общий признак всех субъективных прав. И поскольку правоспособность – это право, принадлежащее каждому физическому лицу, то оно является субъективным гражданским правом. Признание того или иного лица правоспособным ставит это лицо в определенное правовое положение по отношению к другим лицам. Кроме того, права участников конкретных правоотношений базируются именно на качестве правоспособности.

Поскольку правоспособность все же является правом, принадлежащим не только всем гражданам сообща, а каждому из них в отдельности, то ее правильнее рассматривать как один из видов субъективного права [3, с. 51]. Собственно на этом и основана позиция современного законодателя, закрепившего норму о том, что правоспособность является правом, принадлежащим определенному лицу (в частности, физическому лицу – гражданину). Так, согласно п. 1 ст. 17 ГК РФ способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми *гражданами*. Таким образом, принадлежность права определенному лицу является основным родовым признаком субъективного права, на что наиболее часто указывается в литературе: «Главный критерий для субъективного права – это его принадлежность субъекту» [6, с. 53].

Принадлежность права определенному лицу означает для него определенные

возможности. Предоставленные государством гражданам права всегда означают определенную для них возможность поступать так или иначе. Отсюда возможность есть тот исходный конструктивный элемент, который дает нам первоначальное представление о субъективных правах граждан [7, с. 13].

Согласно разделяемому ныне мнению, субъективное право – это определенная законом возможность поведения лица [8, с. 559; 9, с. 92]. Такой определенной возможностью является и правоспособность. При этом правоспособности как субъективному праву присущи все те возможности (правомочия), которыми характеризуется конкретное субъективное право, возникшее на ее основе.

Правоспособное лицо может реализовать предусмотренные возможности самостоятельно или через представителей (за редкими исключениями). Оно также вправе требовать определенного поведения от обязанных лиц, и в случае нарушения его правоспособности может использовать или требовать использования государственно-принудительных мер защиты.

В юридической литературе делались попытки найти решение вопроса о соотношении правоспособности и конкретных субъективных прав путем характеристики правоспособности как отношения только между личностью и государством [10, с. 64; 11, с. 104-105]. Безусловно, государство, наделяя физических лиц правоспособностью, порождает этим определенную правовую связь между государством и каждым физическим лицом. Но правоспособность представляет собой также правовую связь между обладателем правоспособности и всеми остальными лицами.

Большинство авторов, как было показано, признают, что правоспособность – это определенное субъективное право. Автор настоящей статьи разделяет эту точку зрения. Но в науке признается доказанным и то, что каждое субъективное право существует в составе правоотношения. Так, О.С. Иоффе, указывая, что большинство цивилистов «не мыслит существования субъективного права вне правоотно-

шения» [8, с. 291], отмечал, что подобно тому, как всякое содержание вообще не может существовать вне определенной формы, а форма является всегда формой определенного содержания, — подобно этому правомочие и обязанность также не могут существовать вне правоотношений [8, с. 569]. Аналогична точка зрения и Н.И. Матузова, полагающего, что ни одно право, принадлежащее гражданину, не может существовать вне всяких правовых отношений. Исключить субъективное право из сферы правоотношений — значит исключить его также из общественных фактических отношений. Субъективное право всегда и неизбежно находится в рамках правоотношений [6, с. 70].

По данному вопросу в литературе высказано и иное мнение, согласно которому субъективное право может существовать вне правоотношения, не являясь его элементом. Так, Д.М. Генкин, исходя из того, что в абсолютных правоотношениях обладателю абсолютного субъективного права противостоит неопределенный круг обязанных лиц, вывел теоретическую концепцию, согласно которой субъективное право собственности и ему подобные существуют вне правоотношений [12, с. 32-46]. Этот взгляд, однако, был почти единогласно отвергнут учеными [9, с. 100; 13, с. 214; 6, с. 72-73; 8, с. 291; 14, с. 35; 15, с. 75].

Таким образом, следует признать, что субъективное гражданское право существует в составе гражданского правоотношения. Если мы признаем гражданскую правоспособность субъективным правом, то это обязывает нас в силу научной логики раскрыть содержание данного правоотношения.

Участниками этого правоотношения (его субъектами), с одной стороны, являются конкретные физические лица, обладающие правоспособностью, а с другой стороны, все окружающие данных физических лиц субъекты, которые должны уважать и не нарушать правоспособность как принадлежащее физическому лицу абсолютное субъективное право.

Следовательно, по юридической природе правоотношение правоспособности является **абсолютным**. Данный вывод следует из понятия абсолютного правоотношения, которое дается в работах известных российских цивилистов [16, с. 304; 8, с. 613; 17, с. 82]. Так, О.С. Иоффе, давая юридическую характеристику отношениям собственности, считал, что они являются правоотношениями абсолютного характера, поскольку обладают **двумя признаками**, присущими абсолютным правам вообще: собственнику как управомоченному в качестве обязанных противостоят все лица, подчиненные данному правопорядку; на всех этих лиц возлагается пассивная функция — функция воздержания от действий, препятствующих удовлетворению юридически охраняемых интересов собственника» [8, с. 613-614]. Е.А. Суханов также усматривает абсолютный характер вещных прав по тому признаку, что управомоченному лицу здесь противостоят (в качестве потенциальных нарушителей его прав и интересов) все иные участники имущественного оборота («все третьи лица») [18, с. 308]. Следовательно, признание абсолютными тех правоотношений, в которых управомоченному лицу противостоит неопределенный круг обязанных субъектов, означает, что правоспособность наряду с вещными и исключительными правоотношениями относится к абсолютным правоотношениям.

В правоотношениях правоспособности возникают взаимоотношения между обладателями правоспособности и всеми остальными лицами. Отсюда данному праву физического лица корреспондируют и соответствующие обязанности. Правоспособное лицо вправе требовать определенного поведения (воздержания от действий, посягающих на правоспособность) от обязанных лиц. Такими лицами являются всякий и каждый, т.е. правоспособность — это абсолютное право лица [2, с. 18].

Гражданское законодательство предусматривает ничтожность сделки, направленной на ограничение правоспособности (п. 3 ст. 22 ГК РФ). Установление такой

нормы имеет смысл лишь в том случае, когда по поводу правоспособности возникают взаимоотношения между обладателями правоспособности и всеми остальными лицами. Однако С.Н. Братусь, признавая правоспособность абсолютным правом, не решился трактовать данное субъективное право как элемент правоотношений и признать данное правоотношение **абсолютным правоотношением правоспособности**. То, что правоспособное лицо (управомоченный) вправе требовать от всякого и каждого (обязанных лиц) воздержания от действий, посягающих на правоспособность, позволяет говорить о сходстве рассматриваемого правоотношения с абсолютным правоотношением собственности, авторским правоотношением, так как в этих правоотношениях праву собственника, исключительному праву автора результата интеллектуальной деятельности корреспондирует обязанность неопределенного круга лиц не нарушать данные права.

Особенностью правоотношения правоспособности, как будет показано в дальнейшем изложении, является то, что управомоченными субъектами данного правоотношения являются все граждане и каждый из них в отдельности (ст. 17 ГК РФ).

Содержание данного правоотношения, как и любого другого правоотношения, составляют права и обязанности его участников. Лицо, признаваемое правоспособным (назовем его «обладатель правоспособности»), имеет право, т.е. обеспеченную законом возможность иметь имущественные и личные неимущественные права (ст. 18 ГК РФ). На другой стороне рассматриваемого правоотношения выступают все третьи лица. Все они признаются обязанными лицами, поскольку никто не может ограничить правоспособность гражданина или лишить его правоспособности (кроме государства в предусмотренных законом случаях) (ст. 22 ГК РФ).

Правоотношение правоспособности, как и всякое гражданское правоотношение, охраняется правопорядком. Так, гражданское законодательство признает ничтожной сделку, направленную на ограничение правоспособности (п. 3 ст. 22 ГК РФ).

Правоспособность как субъективное право и как главный элемент содержания правоотношения правоспособности характеризуется определенными особенностями. Главной особенностью следует признать то, что правоспособность является субъективным правом, на котором основываются все другие права. Правоспособность призвана обеспечить каждому гражданину юридическую возможность приобретать конкретные права и обязанности. Реализуя правоспособность, физическое лицо становится обладателем конкретных субъективных прав и субъективных обязанностей. При отсутствии правоспособности это было бы немыслимо.

Между тем в юридической литературе было высказано мнение о том, что некоторые субъективные права и обязанности могут возникнуть «прямо», а не в результате правоспособности [19, с. 65-66; 20, с. 271-278]. Такое мнение представляется ошибочным. Анализ ст. 17 ГК РФ (равно как и анализ ст. 9 ГК РСФСР 1964 г. и ст. 4 ГК РСФСР 1922 г.) не позволяет сделать такого вывода. Из законодательного определения правоспособности следует, что реализация правоспособности порождает у лица любые субъективные права и обязанности, а не только те, которые могут возникнуть при осуществлении выбора поведения субъектом права. Иначе оказалось бы, что вопреки ст. 17 ГК РФ некоторые права могут возникать у граждан независимо от их правоспособности.

Правоспособность отличается от других субъективных прав специфическим содержанием, выражающимся в юридически обеспеченной возможности иметь любые не противоречащие закону права и нести обязанности.

Таким образом, *ценность правоспособности как субъективного права* заключается в реализации заложенных в ней возможностей.

Признавая за тем или иным лицом определенные субъективные права, гражданское законодательство предоставляет управомоченному лицу и *право на их защиту*. «Субъективное право, предоставленное лицу, но не обеспеченное от его

нарушений необходимыми средствами защиты, является лишь “декларативным правом”» [21, с. 104].

В цивилистической доктрине нет единства мнений относительно того, что следует понимать под правом на защиту. В самом общем виде право на защиту можно определить как предоставленную управомоченному лицу возможность применения мер правоохранительного характера для восстановления его нарушенного или оспариваемого права. Согласно традиционному пониманию право на защиту является элементом субъективного права [21, с. 105; 12, с. 409]. По мнению ряда ученых, обеспеченность субъективного права возможностью государственного принуждения – это его неотъемлемое качество, и такая возможность существует не параллельно с другими, закрепленными в субъективном праве возможностями, а свойственна им самим, так как без этого они не были бы юридическими возможностями [22, с. 73-74].

В юридической литературе имеет место и третья точка зрения, согласно которой право на защиту является самостоятельным субъективным правом [23, с. 32; 24, с. 77].

На наш взгляд, первая точка зрения является наиболее верной. Безусловно, каждая из возможностей, входящая в содержание субъективного права, имеет важное значение для его характеристики. Однако ни объединение нескольких возможностей в одну, ни придание гипертрофированного значения какой-либо одной возможности не упростит задачу объяснения содержания субъективного права.

Поскольку правоспособность является самостоятельным субъективным правом, то закон также должен предусматривать защиту и этого вида прав. Как и другие субъективные права, правоспособность может быть нарушена. При нарушении его правоспособности физическое лицо лишается возможности обладать данным конкретным субъективным правом или же эта возможность ограничивается. Нарушение правоспособности также создает препятствия для возникновения,

изменения и прекращения субъективных прав. Следовательно, защита правоспособности необходима для устранения этих препятствий. Защита нарушенной возможности правообладания выступает элементом правоспособности как субъективного права.

В отличие от большинства субъективных гражданских прав правоспособность тесно связана с личностью ее носителя. «Правоспособность – в целом неотъемлемое право личности, непередаваемое, неотчуждаемое ни действиями самого обладателя этого права, ни действиями других лиц, хотя в отдельных случаях она может быть ограничена в предусмотренном законом порядке» [3, с. 58]. Так, согласно п. 3 ст. 22 ГК РФ сделки, направленные на ограничение правоспособности, ничтожны. В связи с этим правильно отмечает В.И. Серебровский, что отказ от наследства, сделанный до открытия наследства, не может быть признан имеющим юридическое значение. Такой отказ должен быть признан недействительным как в том случае, когда он был сделан путем одностороннего волеизъявления, так и в форме договора об отказе от наследства [25, с. 194].

Таким образом, представляется, что правоспособность физического лица (гражданина) может быть определена как принадлежащее каждому физическому лицу (гражданину) субъективное право, существующее в составе абсолютного гражданского правоотношения правоспособности, неразрывно связанное с личностью его обладателя и выражающееся в способности (возможности) иметь любые не запрещенные законом права, нести обязанности, требовать от всякого и каждого воздержания от действий, посягающих на его правоспособность, и требовать правовой защиты.

1. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. 359 с.

2. Советское гражданское право. Субъекты гражданского права / под ред. С.Н. Братуся. М.: Юрид. лит., 1984. 288 с.

3. Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига: Зинатне, 1976. 231 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Спарк, 1995. 556 с.
5. Грибанов В.П. Основные проблемы осуществления и защиты гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Изд-во МГУ, 1970. 28 с.
6. Матузов Н.И. Субъективные права граждан СССР. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1966. 190 с.
7. Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М.: Изд-во МГУ, 1972. 300 с.
8. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2000. 777 с.
9. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Бек, 1998. 816 с.
10. Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М.: Юриздат, 1948. 336 с.
11. Иоффе О.С. Советское гражданское право. М.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1967. 494 с.
12. Генкин Д.М. Право собственности в СССР. М.: Госюриздат, 1961. 223 с.
13. Флейшиц Е.А. «Абсолютная» природа права собственности // Проблемы гражданского права: сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. С. 214-233.
14. Тархов В.А. Гражданское правоотношение. Уфа: Изд-во Уфимск. ВШ МВД РФ, 1993. 124 с.
15. Советское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. В.Т. Смирнов, Ю.К. Толстой, А.К. Юрченко. Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1982. 414 с.
16. Райхер В.К. Абсолютные и относительные права // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического ин-та. 1928. Вып. 1. С. 273-306.
17. Суханов Е.А. Развитие института вещных прав при переходе к рынку // Гражданское право России при переходе к рынку. М., 1995. 244 с.
18. Маттей У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. М., 1999. 384 с.
19. Бегичев Б.К. Трудовая правоспособность советских граждан. М., 1972. 248 с.
20. Флейшиц Е.А. Соотношение правоспособности и субъективных прав // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С. 255-283.
21. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 399 с.
22. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. 216 с.
23. Елисейкин П.Ф. Правоохранительные нормы: Понятие, виды, структура // Защита субъективных прав и гражданское судопроизводство. Ярославль, 1977.
24. Крашенинников Е.Н. Структура субъективного права и права на защиту // Защита субъективных прав и гражданское судопроизводство. Ярославль, 1977. С. 29-36.
25. Серебровский В.И. Избранные труды. М.: Статут, 1997. 567 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОСТОЙ ПИСЬМЕННОЙ ФОРМЫ ДОГОВОРОВ ПО РОССИЙСКОМУ И ЗАРУБЕЖНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ*

К.П. Татаркина

(старший преподаватель кафедры гражданского права Юридического института
Томского государственного университета, кандидат юридических наук,
LL.M. (Германия); tatarkinak@yandex.ru)

В статье рассматриваются отдельные проблемы правового регулирования простой письменной формы договоров по российскому и зарубежному законодательству. Анализируются общие критерии установления простой письменной формы договоров, выявляются исторические корни данных правил. Определяется эффективность отечественных нормативных предписаний, предусматривающих общий круг сделок, подлежащих совершению в простой письменной форме. Исследуются последствия несоблюдения простой письменной формы договоров. Выявлены два подхода к конструированию последствий несоблюдения простой письменной формы: монистический, сложившийся в правовых системах Германии, Швейцарии, Латвии, Эстонии, и дифференцированный, реализованный, например, в отечественном и французском праве.

Ключевые слова: форма сделки, простая письменная форма договора, последствия несоблюдения простой письменной формы.

*В статье использованы результаты выполнения работ в качестве соисполнителя на средства гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых МД 714.2010.6.

Долгое время в отечественной до-революционной, советской и новейшей литературе не уделялось должного внимания правовой регламентации способов выражения воли при заключении договоров. Вопросы оформления волеизъявления традиционно рассматривались в цивилистической доктрине России лишь попутно при изучении иных, более общих вопросов теории сделок. В зарубежном праве проблеме оформления волеизъявления при совершении договоров уделяется достаточно пристальное внимание. Детально разработано учение о форме сделок в немецком гражданском праве. Его основу составляют труды ученых-пандектистов, которые впервые в мировой истории права сосредоточили свое внимание на изучении вопроса о значении формы сделки. «Вопрос о цели предписания формы не является праздным... – писал *F. Regelsberger*, – от его разрешения зависит ответ на некоторые практические вопросы» [1, S. 499]. Именно со времен пандектистики форма договоров в европейском праве стала самостоятельной темой научных исследований, в которых подробно рассматриваются преимущества и недостатки легальных

предписаний о способах волеизъявления, цели их установления и влияние на развитие гражданского оборота.

Следует отметить, что в последнее время отношение отечественных цивилистов к проблеме оформления волеизъявления при заключении договоров изменилось. Только в 2009 году по данной теме были защищены четыре диссертационных исследования [2; 3; 4; 5]. Остается надеяться, что возросшее внимание российских исследователей к данной теме положительно отразится на качестве законодательных предписаний в данной области.

Легальное определение формы сделки в ГК РФ, как и в нормативных актах многих европейских стран (Германском гражданском уложении (далее – ГГУ), Гражданском кодексе Франции (далее – ФГК), Швейцарском гражданском кодексе, Общем гражданском кодексе Австрии и др.) и стран СНГ, не содержится.

В литературе способ, посредством которого участники сделки изъявляют свою волю при ее совершении (словами устно, письменно, при помощи конклюдентных действий или молчаливо), приня-

то именовать формой сделки [6; 7, с. 55; 8, S. 22; 9, S. 150].

Историческое развитие правовых положений разных стран о форме договоров убеждает, что данную область права отличает устойчивость правовых предписаний, следование сложившимся в правопорядке традициям. Для законодательства разных стран о форме договоров, в отличие, например, от правил о несостоятельности (банкротстве), приватизации, которые динамично развиваются, не характерны частые изменения правовых положений. Немаловажную роль в этом играет тот факт, что способы оформления волеизъявления при совершении сделок не безграничны. Они определяются физическими возможностями человека, а также уровнем развития культуры, техники в стране и мире, что объясняет близость форм сделок, известных отечественному и зарубежному праву. Такая ограниченность фактических способов изъявления воли является одной из предпосылок стабильности правил о способах волеизъявления в различных правовых системах.

Правовое регулирование форм договоров в странах Европы, несмотря на наличие специфических особенностей, в целом имеет сходные черты. Основу современных правил о способах изъявления воли во многом составляют положения, изложенные во Французском гражданском кодексе или Германском гражданском уложении. Проработанность данных правил, подтвержденная их длительным практическим применением, а также успешным заимствованием многими иностранными государствами, является второй предпосылкой неизменности правил о формах сделок. Международные правовые акты, регулирующие заключение договоров, провозглашают принцип свободной формы сделки, прямо закрепляя, что договор считается действительным, если он заключен в устной форме [10; 11]. ГК РФ и гражданские кодексы большинства иностранных государств также исходят из принципа свободной формы сделки, однако нередко предусматривают необходимость соблюдения простой письменной формы

(ст. 160 ГК РФ, *Schriftform*, § 126 ГГУ, *einfache Schriftlichkeit*, ст.ст. 13, 14 Закона об обязательственном праве Швейцарии, *acte sous seing prive*, ст. 1317 ФГК, *scrittura private*, ст. 2702 ГК Италии). Простая письменная форма является наиболее релевантной для гражданского оборота, она очень распространена и применяется, например по ГК РФ, для оформления большинства договоров. Именно данный способ волеизъявления является основным предметом исследования в настоящей статье.

Простая письменная форма традиционно рассматривается в литературе как сочетание двух элементов – письменного выражения воли сторон в документе и подписи лица, изъявившего волю [12, S. 41; 13, S. 82]. В отличие, например, от § 126 ГГУ и ст. 14 Закона об обязательственном праве Швейцарии, ГК РФ прямо не требует совершения подписи собственноручно лицом, сделавшим волеизъявление. Однако вывод об этом можно сделать из п. 2 ст. 160 ГК РФ, в котором закрепляется возможность применения аналогов собственноручной подписи. Специально оговаривая случаи и порядок применения аналогов собственноручной подписи, законодатель тем самым указывает на то, что в п. 1 ст. 160 ГК РФ говорится о собственноручной подписи.

В ГК РФ правила относительно круга сделок, совершать которые необходимо в простой письменной форме, можно встретить как в первой, так и в последующих частях ГК РФ. В первой части ГК РФ определяется общий круг сделок, для которых предписывается простая письменная форма (ст. 161). Во второй и последующих частях Кодекса простая письменная форма устанавливается применительно к отдельным видам договоров (например, для договора купли-продажи недвижимости (ст. 550), договора дарения (ст. 574) и др.).

Одним из общих требований ст. 161 ГК РФ является предписание совершать в простой письменной форме все сделки граждан между собой на сумму, превышающую не менее чем в десять раз установленный законом минимальный размер оплаты труда (далее – МРОТ).

Традиция устанавливать письменную форму в зависимости от суммы сделки восходит к римскому праву: император Константин I впервые предписал оформлять договор дарения (*donatio*), стоимость которого превышала 300 (позднее, с 530 г., – 500) солидов, письменным документом и вносить его обязано должностное лицо в протокол [14, с. 610; 15, S. 265; 16, S. 260]. Установление такой формы должно было помешать распространению коррупции и предупредить понуждение к заключению договора дарения [15, S. 265]. Вслед за римским правом установление письменной формы в зависимости от суммы сделки распространилось и в европейском законодательстве.

Так, ГК Франции практически в неизменной с момента его принятия редакции определяет, что любые сделки, цена которых превышает сумму, установленную законом, должны быть оформлены нотариально или документом, составленным в простой письменной форме [17, с. 419]. В зависимости от цены сделки требование письменной формы в настоящее время также устанавливается в ГК Италии (ст. 2721), ГК Испании (ст. 1280), а также в гражданском праве США** [18, с. 644, 662].

Впервые в истории русского гражданского права правило, предписывающее письменную форму сделок, цена которых превышала определенную сумму, появилось в Проекте Гражданского уложения. Согласно ст. 15 Книги 5 договоры на сумму свыше 300 рублей за исключением случаев, прямо указанных в законе, должны были удостоверяться на письме. По мысли разработчиков Проекта, ст. 15 была призвана «придать договорам на более или менее крупные суммы большую твердость, предупредить, по возможности, тяжбы и

облегчить судебным местам разрешение возникающих споров» [19, с. 55].

Несмотря на то, что Проекту Гражданского уложения так и не суждено было получить силу нормативного акта, многие положения, сформулированные при его подготовке, в том числе и ст. 15, были позднее воспроизведены в ГК РСФСР. Так, в ГК РСФСР 1964 г. впервые в отечественном гражданском праве на законодательном уровне закреплялось правило о совершении в простой письменной форме всех сделок граждан между собой на сумму, превышающую сто рублей (п. 2 ст. 44).

После распада Советского Союза общие правила об установлении формы сделки в зависимости от ее цены были воспроизведены в Модельном гражданском кодексе СНГ, а вслед за ним и некоторыми нормативными актами стран – участниц СНГ (например, п. 1 ст. 152 ГК Республики Казахстан, п. 1 ст. 208 ГК Украины).

Как уже было выявлено, такой прием юридической техники, как использование письменной формы в зависимости от цены сделки, известен праву уже на протяжении долгого времени. Отличительной чертой его использования в законодательстве зарубежных стран является установление достаточно высокой цены сделки, при превышении которой простая письменная форма является обязательной. Так, по законодательству Франции письменно должны оформляться сделки, сумма которых превышает 1 500 евро [17, с. 419]. В соответствии с п. 1 § 2-201 Единообразного торгового кодекса США договор купли-продажи требует письменной формы, если его цена превышает 5 000 долларов [20].

Необходимо отметить, что сумма 300 руб., с которой Гражданское уложение связывало необходимость письменного оформления сделки, в начале XIX века также была значительной. Для сравнения следует сказать, что средняя заработная плата работника по найму на промышленном предприятии в Петербургской губернии в 1901 г. составляла от 15 до 75 рублей [21, с. 501]. Предписание письменной формы для сделок, совершаемых на крупные суммы, вполне оправданно. Такие сделки

** Письменная форма договоров продажи товаров на сумму, превышающую 500 долларов, предусматривается действующим во всех штатах США, кроме Луизианы, английским Статутом об обманных действиях (1667 г.), а также разделом 2 Единообразного торгового кодекса.

существенным образом затрагивают имущественные интересы сторон и обычно являются более сложными по содержанию. В связи с этим нарекание может вызвать сумма, которую современный российский законодатель устанавливает в качестве «границы» между устными и письменными сделками, совершаемыми гражданами. Согласно абз. 2 ст. 5 ФЗ от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» исчисление платежей по гражданско-правовым обязательствам, установленным в зависимости от минимального размера оплаты труда, производится с 1 января 2001 года исходя из базовой суммы, равной 100 рублям [22], следовательно, 10 МРОТ составляют 1000 рублей.

В настоящее время для большинства субъектов гражданского оборота сделка на сумму 1000 рублей вряд ли является крупной. Часто договоры, которые совершаются даже на большую сумму, не оформляются гражданами письменно. При возникновении спора многие сделки, требующие по закону письменного оформления, но совершенные устно, станут недоказуемыми в силу недопустимости использования свидетельских показаний (п. 1 ст. 162 ГК РФ). Вероятность того, что устное соглашение сторон – физических лиц найдет подтверждение в каких-либо иных письменных документах, крайне мала. В отличие от юридических лиц, граждане не обязаны вести бухгалтерский и налоговый учет и вправе совершать расчеты в наличной форме без ограничения суммы. В связи с этим правило абз. 3 п. 1 ст. 161 ГК РФ в действующей редакции скорее ущемляет, чем защищает интересы российских граждан.

Использование МРОТ для определения суммы сделки, совершаемой в письменной форме, изначально было обусловлено необходимостью сглаживать возможные резкие колебания курса рубля [23, с. 276]. Однако, как показала практика, с момента введения МРОТ, применяемого к исчислению гражданско-правовых обязательств (1 января 2001 г.), его размер ни разу не индексировался. Вопрос о применении МРОТ в качестве норматива при расчете платежей

по гражданско-правовым обязательствам стал предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Постановлением Конституционного Суда РФ от 27 ноября 2008 г. № 11-П применение МРОТ в размере, равном 100 руб., для исчисления платежей по договорам пожизненной ренты и пожизненного содержания с иждивением признано неконституционным. Конституционный Суд РФ справедливо отметил, что применение МРОТ как норматива при расчете некоторых видов платежей, в том числе и по гражданско-правовым обязательствам, не соответствует конституционно-правовой природе данного института. Именно поэтому некоторые нормативные акты, которые раньше использовали МРОТ (например, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях – далее КоАП РСФСР), теперь применяют твердые денежные суммы (КоАП РФ).

Однако выводы, сделанные Конституционным Судом, не учитываются при определении цены сделок, совершаемых гражданами между собой в простой письменной форме (п. 1 ст. 161). De lege ferenda в ст. 161 ГК РФ следовало бы установить, что сделки между гражданами, превышающие определенную законом сумму, например десять тысяч рублей, должны совершаться в простой письменной форме. Внесение предлагаемого изменения сделало бы норму ст. 161 более понятной для простых граждан, непосредственных ее адресатов, и в большей мере обеспечивало бы защиту их прав.

Изменения, внесенные в ГК РФ Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона “О противодействии коррупции”», убеждают в том, что высказанное предложение соответствует намерениям законодателя [24]. Обновленное положение абз. 2 п. 2 ст. 574 предписывает совершать в письменной

форме договоры дарения, дарителем в которых выступает юридическое лицо, если стоимость дара превышает не пять МРОТ, как определялось ранее, а *три тысячи рублей*. Однако отказ от использования МРОТ только в одной статье нарушает единство правового регулирования гражданских правоотношений, может вызвать затруднения на практике. Остается надеяться, что в ближайшее время законодатель изменит и иные нормы ГК РФ, в которых содержится указание на МРОТ.

Безусловной критики заслуживает также и второй критерий, используемый отечественным законодательством для определения общего круга сделок, совершаемых в простой письменной форме. Согласно п. 1 ст. 161 ГК РФ все сделки с участием юридических лиц требуют письменного оформления. Подробный анализ этого законодательного положения в данной статье видится излишним. Дело в том, что правило п. 1 ст. 161 ГК РФ является, главным образом, наследием советского права, административно-командного типа экономики. Следует отметить, что подобное правило чуждо современному законодательству европейских стран, которые, напротив, для облегчения совершения сделок между профессиональными участниками оборота ослабляют требования относительно способа волеизъявления в сделках с участием предпринимателей. Так, например, § 350 Торгового уложения Германии (*Handelsgesetzbuch*, далее – ТУ) устанавливает, что требования ГГУ письменно оформлять поручительство, договор о принятии на себя обязательства или договор о признании существующего долга не применяются, если такие сделки являются торговыми, то есть заключаются лицами при осуществлении предпринимательской деятельности [5, с. 109; 12, S. 8; 25, S. 71-85]. Отдельного внимания заслуживает вопрос о правовых последствиях несоблюдения простой письменной формы сделки. Установления законодательного предписания без определения правовых последствий его несоблюдения обычно недостаточно для эффективного регулирования поведения субъектов гражданско-

го оборота. Чтобы побуждать участников оформлять сделки надлежащим образом, закон закрепляет последствия несоблюдения простой письменной формы.

В соответствии с Гражданским кодексом РФ несоблюдение простой письменной формы приводит к наступлению двоякого рода последствий: общим последствием является недопущение свидетельских показаний для доказывания факта совершения сделки и ее условий (п. 1 ст. 162), специальным – недействительность (ничтожность) сделки (п. 2 ст. 162). Установление ограничения средств доказывания как последствие несоблюдения простой письменной формы не является находкой российского законодателя, имеет глубокие исторические корни. Так, например, предписание, ограничивающее применение свидетельских показаний при несоблюдении письменной формы сделки, было известно итальянскому праву уже в XV–XVI вв. Оно было включено в Болонский статут 1451 г. и статуты герцога Милана 1498, 1552 гг. [13, S. 105-106].

Иначе данный вопрос регулировался во французском средневековом праве. Во Франции вплоть до середины XVI века предпочтение при доказывании спорных фактов отдавалось не «мертвым» записям, а живому голосу свидетелей. Однако с развитием коммерческих отношений, особенно когда при заключении договоров на большие суммы значительно возрос риск лжесвидетельствования, легальные правила были изменены. В 1566 г. во Франции был издан *Ordonance de Moulin*, статья 54 которого полностью исключала применение свидетельских показаний по спорам из договоров, стоимость которых превышала 100 фунтов [26, S. 510]. Норма о недопущении свидетельских показаний при нарушении требования о простой письменной форме была включена в Кодекс Наполеона (1804 г.) и в результате распространения его влияния на другие европейские страны применялась и там. Недопущение свидетельских показаний как последствие несоблюдения формы сделки пришло в отечественное законодательство именно из французского права.

В дореволюционном российском, а позже и в советском праве недопущение свидетельских показаний при доказывании факта совершения сделки, форма которой не была соблюдена, устанавливалось в источниках процессуального права (ст. 409 Устава гражданского судопроизводства, ст. 128 ГПК РСФСР 1923 г.). Включение такого предписания не в источники материального права вполне логично. По своей сути ограничение применения свидетельских показаний является процессуально-правовым последствием, хотя и устанавливается за нарушения норм материального права. В соответствии с нормами российского процессуального права основными признаками судебных доказательств являются их относимость (ст. 67 АПК РФ, ст. 59 ГПК РФ), допустимость (ст. 69 АПК РФ, ст. 58 ГПК РФ) и законность [27, с. 658]. Свойство допустимости означает, что «сведения об искомых фактах должны быть облечены в предусмотренную законом процессуальную форму...» [27, с. 658]. При несоблюдении простой письменной формы сделки свидетельские показания являются в силу п. 1 ст. 162 ГК РФ недопустимыми доказательствами, и поэтому не могут быть использованы сторонами при разрешении спора о факте заключения сделки и ее условиях. Однако сторонам не запрещается приводить иные допускаемые законом доказательства.

Невозможность ссылаться при возникновении спора на показания свидетелей существенно усложняет процесс доказывания факта совершения сделки, ее условий, может даже привести к отказу в судебной защите, если, например, письменные и иные допустимые доказательства отсутствуют. Следует, однако, подчеркнуть, что ограничение использования свидетельских показаний при несоблюдении формы не влияет на действительность сделки. Даже если доказать факт заключения сделки заинтересованной стороне не удастся, сделка не становится недействительной по этой причине. Итак, при конструировании последствий несоблюдения простой письменной формы российский законодатель придерживается дифференцированного под-

хода, устанавливая два вида последствий ее несоблюдения. Альтернативой такому подходу может служить монистический способ определения последствий несоблюдения простой письменной формы сделки.

В законодательстве некоторых зарубежных стран предусматривается единое последствие несоблюдения любой легальной формы сделки (в том числе и простой письменной). Например, в соответствии с § 125 ГГУ сделка, при совершении которой не была соблюдена форма, установленная законом, ничтожна. В качестве единого последствия несоблюдения формы сделки ее недействительность устанавливается также в абз. 2 ст. 11 Закона об обязательствах Швейцарии, ст. 1475 ГК Латвии, п. 1 ст. 83 Закона об общей части ГК Эстонии.

Оба способа определения последствий несоблюдения простой письменной формы сделки имеют свои плюсы и минусы. В соответствии с монистическим подходом устанавливается самое строгое из возможных последствий – ничтожность сделки. Установление неоправданно широкого круга сделок, требующих определенной формы, может существенным образом ограничить права участников гражданского оборота и оказать влияние на его стабильность. Опасаясь признания ненадлежаще оформленной сделки ничтожной, ее участники скорее будут неукоснительно соблюдать требования к форме и нести дополнительные финансовые и временные издержки не только в тех случаях, когда соблюдение письменной формы сделки объективно необходимо, но и тогда, когда без таковой вполне можно было бы обойтись. Чтобы не допустить этого, требование письменной формы при монистическом подходе устанавливается только для ограниченного числа сделок. Преимуществом такого подхода к регулированию последствий несоблюдения письменной формы сделок является большая свобода субъектов гражданских правоотношений в избрании формы сделки, которую они получают благодаря тому, что для многих сделок закон не устанавливает предписаний о простой письменной форме. В странах, которые придерживаются монистического подхода,

большое значение приобретает институт конвализации сделок, ничтожных вследствие несоблюдения формы. Так, F. Furger пишет «...точное соблюдение предписаний относительно формы сделки в некоторых случаях приводит к несправедливым результатам, которые необходимо предотвращать» [28, S. 98]. Например, в Германии закон не содержит исчерпывающего перечня оснований восстановления действительности таких сделок. Основания конвализации часто определяются непосредственно самими судами [12, S. 133; 29, S. 124].

При использовании дифференцированного подхода круг сделок, требующих простого письменного оформления, может быть определен достаточно широко, «с запасом», так как во многих случаях ее несоблюдение влечет за собой процессуально-правовые последствия (недопустимость свидетельских показаний в качестве доказательств). В российском законе основания конвализации сделок, форма которых не соблюдена, определены исчерпывающе (например, п. 2 ст. 165 ГК РФ), поэтому усмотрение суда при разрешении данного вопроса не имеет значения. Суд не может восстановить действительность неоформленной надлежаще сделки, если отсутствуют указанные в законе обстоятельства.

Дифференцированный способ установления последствий несоблюдения формы сделки не исключает опасности, что требование о форме сделок будет использоваться бездумно, для неоправданно большого количества сделок, что может привести к «выхолащиванию» значения письменной формы сделки. Кроме того, при данном способе установления последствий несоблюдения формы сделки участники оборота гораздо чаще сталкиваются с легальными требованиями относительно формы сделки, а значит, закон в большей мере, чем при монистическом подходе, стесняет свободу сторон в выборе способа изъясления воли.

Несмотря на минусы дифференцированного подхода, он является для отечественного правопорядка наиболее приемлемым. Форма не всегда имеет и должна иметь конститутивное значение для сделки. Так, судебной практикой в Германии

неоднократно подтверждалась позиция, что при достижении цели, ради которой требование формы было установлено, даже несмотря на несоблюдение установленного способа волеизъявления, ничтожность сделки не наступает [12, S. 107; 30, S. 1467; 31; 32]. Фактически это означает, что суды не всегда соглашались с легальной презумпцией конститутивного значения формы сделки, закрепленного в § 125 ГГУ. Признание сделки недействительной всякий раз при несоблюдении ее формы не способствует укреплению стабильности оборота, а напротив, может привести к увеличению числа случаев, когда недобросовестные участники оборота будут использовать данное правило в корыстных целях.

Немаловажным является и тот факт, что дифференцированный способ определения последствий несоблюдения формы сделки применяется в отечественном праве не один десяток лет и был известен уже дореволюционному российскому законодательству (ст. 409 Устава гражданского судопроизводства). Его использование стало традицией российского законодательного регулирования последствий несоблюдения форм сделок, пересматривать которую, на наш взгляд, нет оснований.

1. Regelsberger F. Pandekten. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblodt, 1893.

2. Курлычев Д.В. Форма договора во внешнеэкономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2009.

3. Епифанова В.В. Форма сделки: теория и практика реализации в гражданском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д.: Юж. федер. ун-т, 2009.

4. Никифоров В.С. Форма сделок в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань: Рос. гос. ин-т интеллектуал. собственности Роспатента, 2009.

5. Татаркина К.П. Форма сделок в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Томск: Том. гос. ун-т, 2009.

6. Гражданское право: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1. Гл. 12. § 2.2. Сдел-

ка – волевое действие. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

7. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М.: Госюриздат, 1954.

8. Musielak H.-J. Grundkurs BGB. München: Beck Verlag, 2009.

9. Furrer A., Müller-Chen M. Obligationrecht. Allgemeiner Teil. Zürich; Basel; Genf: Schulthess, 2008.

10. Конвенция ООН «О договорах международной купли-продажи». Заключена в Вене 11.04.1980 г., вступила в силу для СССР с 1.09.1991 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1994. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

11. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИД-РУА). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

12. Plewe L.-I. Die gesetzliche Formen des Rechtsgeschäfts. Aachen: Schacker Verlag, 2003.

13. Kühne C. Die gesetzliche Form der Rechtsgeschäfte im deutschen und italienischen Recht. Eine rechtsvergleichende Untersuchung. Frankfurt am Main: Peter Lang, Europäische Verlag der Wissenschaften, 2002.

14. Дождев Д.В. Римское право: учебник для вузов. М.: Инфра М – Норма, 1996.

15. Hausmanninger H., Selb W. Römisches Privatrecht. 9. Auflage. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2001.

16. Kaser M., Knütel R. Römisches Privatrecht. München: C.H. Beck Verlag, 2008.

17. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / пер. с фр. В. Захватаева. Киев: Истина, 2006.

18. Бернам В. Правовая система США. М.: Новая юстиция, 2006. Вып. 3.

19. Гражданское уложение. Книга 5. Обязательства // Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. С объяснениями. СПб., 1899. Т. 1.

20. UCC: Uniform commercial code. URL: <http://www.law.cornell.edu/ucc> (дата обращения: 19 июня 2009 г.).

21. История России с начала XVIII века до конца XIX века: учеб. пособие для вузов / под ред. А.Н. Сахарова. М.: АСТ – ЛТД, 1998.

22. О минимальном размере оплаты труда: федер. закон от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ // Рос. газ. 2000. № 114.

23. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 1998. Кн. 1.

24. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»: федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 280-ФЗ // Рос. газ. 2008. № 266.

25. Tatarkina K. Die Formen von Verträgen im russischen Zivilrecht. Arten, Funktionen, rechtliche Bedeutung und Rechtsfolgen der Nichtbeachtung // Probleme des Vertragsrecht und der Vertragssicherung in den Staaten des Kaukasus und Zentralasien: Materialien einer internationalen Konferenz an der Universität Bremen vom 10. und 11. April 2008 / Hrsg. R. Knieper, L. Chanturia, H.-J. Schramm. Berlin: BWV, Berliner Wiss.-Verl., 2009.

26. Ferid M., Sonnenberger H.J. Das Französische Zivilrecht. Heidelberg: Verlag Recht und Wirtschaft GmbH, 1994. 2. Aufl. B. 1/1.

27. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М.: Норма, 2008.

28. Furrer F. Heilung des Formmangels im Vertrag. Zürich: Schulthess Polygraphischer Verlag AG, 1992.

29. Medicus D. Bürgerliches Recht. München: Carl Heymanns Verlag, 1996. 17. Aufl.

30. Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch / Sack F.J. B. I: Allgemeiner Teil. München: C.H. Beck, 2006. 5. Aufl.

31. BGHZ 85, 245 (250).

32. BGHZ 82, 398 (403).

Раздел 4. Уголовное законодательство и криминологическая наука

ВОПРОСЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПРИ ПРИМИРЕНИИ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ПОТЕРПЕВШИМ

С.Н. Шатилович

(заместитель начальника кафедры уголовного права Тюменского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент; 8 (3452) 59-84-37)

В статье на основе анализа российского законодательства рассматриваются теоретические и практические вопросы освобождения от уголовной ответственности при примирении соучастников преступления с потерпевшим, вызывающие затруднения как у правоприменителей, так и у правоведов. Опираясь на материалы теоретических исследований, материалы судебно-следственной практики, а также на результаты анализа положений норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства России, автор сформулировал выводы и представил рекомендации по освобождению от уголовной ответственности по статье 76 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, соучастники преступления, примирение с потерпевшим.

В условиях сохраняющегося в России высокого уровня преступности, углубления ее негативных тенденций, с одной стороны, имеет место строгая уголовная ответственность за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, за рецидив, за проявления криминального профессионализма и организованной преступности, а с другой – наметился отход от преобладания репрессивных мер воздействия, в частности, в отношении совершивших преступления впервые, небольшой или средней тяжести, проявивших позитивное посткриминальное поведение. В последнем случае научный и практический интерес представляет поведение соучастников преступления, связанное с примирением с потерпевшим и заглаживанием причиненного ему вреда. Правовые последствия обозначенного позитивного посткриминального поведения соучастников преступления закреплены в статье 76 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2010 г.) [1; 2] (далее – УК РФ), регламентирующей освобождение от уголовной ответственности при примирении с потерпевшим.

Наличие обозначенной компромиссной нормы об освобождении от уголовной ответственности обусловлено тем, что уголовно-правовые средства реализации

института компромисса в борьбе с преступностью, с одной стороны, побуждают к позитивному посткриминальному поведению лиц, совершивших преступления, с другой – к отказу государства от уголовного преследования за такие деяния.

В соответствии со ст. 76 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред.

Основанием освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим является утрата или существенное снижение общественной опасности деяния и лица, его совершившего. Другими словами, привлечение к уголовной ответственности лица, не представляющего общественной опасности, за совершенное преступление, обладающее незначительной степенью общественной опасности, является нецелесообразным. Это связано, во-первых, с принципами справедливости и гуманизма, закрепленными в уголовном законе, а во-вторых, с тем, что не имеет смысла воздействовать на такое лицо определенными неблагоприятными для него методами (лишать или ограничивать его права и свободы) в целях

восстановления социальной справедливости, исправления данного лица и предупреждения совершения новых преступлений, если эти цели возможно достичь (либо они уже достигнуты) без оказания на него такого воздействия (наказания) [3, с. 317-320].

К условиям освобождения от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ относятся: 1) совершение преступления впервые; 2) совершение преступления небольшой или средней тяжести; 3) примирение с потерпевшим; 4) заглаживание причиненного потерпевшему вреда. Кроме того, в судебно-следственной практике применения ст. 76 УК РФ (ст. 25 УПК РФ) учитывается еще одно обязательное условие освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим – добровольность действий потерпевшего.

С учетом обозначенного выше проанализируем только те условия и вопросы освобождения от уголовной ответственности при примирении соучастников преступления с потерпевшим, толкование которых вызывает затруднение как у правоприменителей, так и у правоведов.

1. *Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ* означает, что лицо, совершившее преступление в соучастии, находится в уголовных правоотношениях только по поводу совершения одного преступления. Это возможно в следующих случаях: а) лицо реально совершило только одно преступление; б) за ранее совершенное преступление лицо было освобождено от уголовной ответственности; в) лицо совершило несколько преступлений, но по всем, кроме одного, истекли сроки давности (ст. 78 УК РФ); г) за ранее совершенное преступление лицо было освобождено от наказания и в связи с этим считается не судимым; д) лицо ранее (до рассматриваемого компетентным органом преступления) подверглось наказанию или иным мерам уголовно-правового характера, однако судимость снята или погашена (ст. 86 УК РФ). По этому же пути идет как судебная практика [4; 5], так и теория уголовного права [6, с. 22-23].

Однако преступление не может считаться совершенным впервые в случае как реальной, так и идеальной совокупности. В последнем случае ч. 1 ст. 75 УК РФ не может применяться, так как идеальная совокупность обусловлена тем, что одно общественно опасное действие (бездействие) способно вызвать несколько вредных последствий. В этих случаях преступление, совершенное в соучастии, не охватывается какой-либо одной уголовно-правовой нормой. Следовательно, содеянное подлежит квалификации по двум или более статьям Особенной части УК РФ, на что правильно обращалось внимание известными отечественными правоведами советского периода [7, с. 617-618; 8, с. 158]. В отличие от реальной совокупности идеальная совокупность преступлений не образует их повторение (например, случаи умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью путем поджога дома, где находился потерпевший (ст.ст. 112, 167 УК РФ)). В свою очередь, реальная совокупность предполагает одновременное совершение двух и более преступлений, ни за одно из которых лицо, совершившее преступление в соучастии, не было осуждено (ч. 1 ст. 17 УК РФ). При этом каждое из преступлений совершается самостоятельными действиями или бездействием (например, группа лиц вначале совершает в соучастии оскорбление (ст. 130 УК РФ), а затем наносит потерпевшему побои (ст. 116 УК РФ)).

Следовательно, на основании того, что ст. 76 УК РФ допускает освобождение от уголовной ответственности лица, впервые совершившего единичное преступление, нельзя применять данную норму и в случае реальной совокупности преступлений.

В том же случае, если за первое преступление к лицу, совершившему преступление в соучастии, были применены принудительные меры воспитательного воздействия, а также в случае освобождения этого лица от уголовной ответственности в соответствии со ст.ст. 75-76 УК РФ, преступление будет считаться совершенным впервые, если истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности за первое

преступление. Если же сроки давности не истекли, криминологически неоправданно считать лицо совершившим преступление в соучастии впервые и освобождать его от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. В этом случае хотя и нет обвинительного приговора суда, но сам факт совершения преступления небольшой или средней тяжести был признан в установленном законом порядке и находился в числе условий освобождения по ст. 76 УК РФ. Соответственно, в данном случае следует учитывать сроки давности, указанные в ст. 78 Кодекса.

2. *Примирение с потерпевшим как условие освобождения от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ.* Согласно ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 22 ноября 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 29.11.2010 г.) [9; 10] (далее – УПК РФ) потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

В свою очередь, примирение лица, совершившего преступление в соучастии, с потерпевшим означает процессуально оформленный отказ потерпевшего от своих первоначальных претензий и требований к лицу, совершившему преступление в соучастии, отказ от просьбы привлечь его к уголовной ответственности (в случае, когда уголовное дело еще не возбуждалось) или просьбу прекратить уголовное дело, возбужденное по его заявлению. При этом необходимо, чтобы потерпевший официально заявил органам уголовной юстиции о том, что не имеет претензий к виновному лицу.

3. *Заглаживание причиненного вреда как условие освобождения от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ* в рамках примирения лица, совершившего преступление в соучастии, с потерпевшим предполагает как возмещение причиненного материального вреда (например, возврат похищенного, поврежденного имущества либо денежная компенсация, соразмерная его стоимости), так и непосредственно за-

глаживание морального вреда в виде выплаты определенной компенсации и (или) принесения извинений потерпевшему.

Следует отметить то обстоятельство, что о факте заглаживания причиненного вреда должен заявить официально сам потерпевший. Судьи Архангельского областного суда правильно отмечают, что «при наличии таких заявлений, они должны быть оформлены так, чтобы не вызывать сомнений в том, что исходят от потерпевших» [5]. Так, например, Приморским районным судом г. Архангельска прекращено уголовное дело в отношении Ж. и С., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Судом исследовано заявление представителя потерпевшего, адресованное следователю, в котором тот просил назначить предварительное слушание для решения вопроса о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, а также телефонограмма, согласно которой представитель потерпевшего просил рассмотреть дело в его отсутствие, прекратить уголовное дело, поскольку с обвиняемыми примирился и никаких претензий к ним не имеет [5].

В тех случаях, когда имеется несколько потерпевших, лицо, совершившее преступление в соучастии, должно примириться со всеми и загладить причиненный вред каждому потерпевшему.

Анализ судебной практики показывает, что при признании потерпевшим по уголовному делу юридического лица существует реальная возможность оформления соответствующих документов, подтверждающих факт заглаживания причиненного вреда. Вместе с тем не во всех уголовных делах такие документы имеются. Так, например, Т. и Б. обвинялись в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 215.2, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, действия их выразились в том, что они в одном из жилых домов демонтировали действующую систему водоснабжения, а именно радиаторы и трубы общей стоимостью 7 895 руб. 25 коп., которые пытались похитить, однако были задержаны. В результате их действий была

приведена в негодное для эксплуатации состояние система водоснабжения в жилом доме. Представитель потерпевшего заявил о примирении с обвиняемыми, поскольку причиненный вред заглажен в полном объеме. Однако Новодвинский городской суд Архангельской области не выяснял, каким образом это было сделано, каких-либо документов, подтверждающих факт заглаживания причиненного вреда, представлено не было [5].

Мотивы заявления потерпевшего о том, что он не желает привлечения к уголовной ответственности виновных, примирился с ними и виновные загладили причиненный потерпевшему вред, могут быть самыми различными – прощение виновных, родственные или дружеские отношения с виновными, заинтересованность в их судьбе и т.п.

4. Добровольность действий потерпевшего как условие освобождения от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ. Необходимыми условиями для применения ст. 76 УК РФ (ст. 25 УПК РФ) являются добровольность заявления потерпевшего о примирении с лицом, причинившим ему вред, а также возмещение ему последним причиненного ущерба или заглаживание вреда иным способом. Это предопределяет необходимость для органов и лиц, решающих вопрос о прекращении уголовного дела по этому основанию, устанавливать до принятия процессуального решения по делу следующие обстоятельства: 1) знает ли потерпевший о последствиях такого прекращения дела; 2) каким образом заглажен причиненный ему вред; 3) добровольно ли он примирился с причинителем вреда.

Игнорирование вышеперечисленных обстоятельств на практике приводит к судебным ошибкам. Так, например, судебной коллегией по уголовным делам Ленинградского окружного военного суда по кассационной жалобе потерпевшего Вахлова было отменено постановление Пушкинского гарнизонного военного суда о частичном прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон в отношении рядовых Тетерева, Сидельникова, Шкарубо и Финне, обвинявшихся в нарушении

уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, поскольку примирение с указанным потерпевшим не было добровольным. Как установила судебная коллегия, в судебном заседании потерпевший не участвовал и суд первой инстанции мер к проверке добровольности написания им заявления не принимал. Вместе с тем в кассационной жалобе Вахлов указал, что он написал его под принуждением обвиняемых, которые находились под наблюдением командования, а значит, действительно могли оказать воздействие на потерпевшего. Кроме того, он указал, что ему не было разъяснено право на компенсацию морального вреда и если бы это было сделано, то обязательно предъявил бы к виновным иски. При таких обстоятельствах у суда первой инстанции не было оснований считать, что в материалах дела имелись все необходимые условия для применения к подсудимым ст. 25 УПК РФ [8].

Кроме того, потерпевшему также должно быть разъяснено, что в соответствии с ч. 9 ст. 132 УПК РФ при прекращении уголовного дела по его ходатайству процессуальные издержки могут быть взысканы не только с обвиняемого (подсудимого), но и с потерпевшего.

5. Правовое значение заявления потерпевшего о его примирении с соучастниками преступления при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ. Особенность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (и уголовно-процессуального основания прекращения уголовного дела – ст. 25 УПК РФ) состоит в том, что законодатель передает на усмотрение потерпевшего не оценку степени общественной опасности совершенного преступления, а вопрос о путях разрешения возникшего конфликта. Это означает, что при наличии определенных условий потерпевший вправе заявлять ходатайство о прекращении дела в связи с примирением сторон. При этом у потерпевшего есть выбор: либо требовать привлечения лица, совершившего преступление в соучастии, к уголовной ответственности (в этом случае вред, причиненный

преступлением, вполне вероятно, заглажен не будет), либо ходатайствовать о непривлечении такого лица к уголовной ответственности, примириться с ним и получить от него вполне реальное заглаживание причиненного преступлением вреда. Обозначенное регулирование свидетельствует об уважительном отношении законодателя к интересам потерпевшего и соответствует цели восстановления социальной справедливости.

В любом случае последнее слово в решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности при примирении соучастников преступления с потерпевшим или, наоборот, о привлечении к уголовной ответственности остается за правоприменителем. Только правоприменитель вправе решать, достаточно ли устранена общественная опасность деяния и лица, его совершившего в соучастии, и не требуется ли применение неблагоприятных методов воздействия на такое лицо. Если у правоприменителя нет уверенности в потере общественной опасности деяния и лица, его совершившего в соучастии, хотя виновный и примирился с потерпевшим, и загладил причиненный ему вред, и потерпевший сам об этом заявляет, то все равно соучастник преступления будет привлечен к уголовной ответственности. Именно поэтому в ст. 76 УК РФ законодатель использовал формулировку «может быть освобождено», что указывает на наличие у правоприменителя права, а не обязанности освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности [11, с. 43].

Обозначенное толкование закона соответствует правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в п. 1 определения от 4 июня 2007 года № 519-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которому, рассматривая заявление потерпевшего о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, орган или должностное лицо, осуществляющее судопроизводство, должно не просто констати-

ровать наличие или отсутствие указанных в законе оснований для этого, а принимать соответствующее решение с учетом всей совокупности обстоятельств конкретного дела, включая степень общественной опасности совершенного деяния, личность обвиняемого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание [12].

Вывод о наличии у правоприменителя права, а не обязанности освобождать лиц, совершивших преступления в соучастии, от уголовной ответственности также соответствует позиции Верховного Суда РФ. На это прямо указывает пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 года № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», согласно которому прекращение уголовного дела о преступлении, предусмотренном статьей 264 УК РФ, за примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) является правом, а не обязанностью суда [13, с. 4]. Кроме того, согласно п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» при принятии решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим суду «надлежит всесторонне исследовать характер и степень общественной опасности содеянного, данные о личности подсудимого, иные обстоятельства дела. Принимая решение, необходимо оценить, соответствует ли это целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, отвечает ли требованиям справедливости и целям правосудия» [13, с. 7].

Отмеченный выше подход к разрешению ходатайства потерпевшего исключит факты необоснованного освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление большей общественной опасности в соучастии, а также тех лиц, в отношении которых ранее уже принимались решения о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим

основаниям, или имевших судимости за аналогичные преступления, отрицательно характеризующихся, склонных к совершению правонарушений.

Таким образом, в ст. 76 УК РФ на первое место поставлены интересы потерпевшего от преступления, восстановление которых и лежит в основе принятия решения должностным лицом об освобождении от уголовной ответственности виновных лиц.

6. *Вопросы освобождения от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ при примирении соучастников «двухобъектного» преступления с потерпевшим.* Как показывает анализ судебно-следственной практики, отсутствует ясность и в вопросе о возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением соучастников преступления с потерпевшим, если преступное посягательство осуществляется не на потерпевшего, а на другой защищаемый уголовным законом объект либо одновременно как на потерпевшего, так и на такой объект («двухобъектное» преступление).

Уголовный и уголовно-процессуальный законы России не содержат прямых указаний, запрещающих прекращать в связи с примирением с потерпевшими указанные выше уголовные дела о так называемых «двухобъектных» преступлениях, а также дела, по которым отсутствует потерпевший, в связи с этим некоторые правоприменители полагают, что это возможно, и применяют данный институт в своей практике. Однако такая практика не всегда отвечает требованиям уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего данный правовой институт.

Согласно статье 25 УПК РФ (ст. 76 УК РФ) при наличии указанных в них условий уголовные дела могут быть прекращены в связи с примирением по заявлению потерпевшего или его законного представителя, то есть могут быть прекращены только такие дела, по которым имеется потерпевший, и преступные действия совершены непосредственно против него и его прав. Преступлением в этих случаях

не затрагиваются иные защищаемые законом объекты, и поэтому закон допускает при согласии сторон заглаживание причиненного вреда, то есть при минимизации общественно опасных последствий содеянного прекращение уголовного дела в отношении лица, совершившего это преступление в соучастии. В тех же случаях, когда совершается преступное деяние в соучастии, в котором отсутствует потерпевший, прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим невозможно, поскольку по делу нет потерпевшего в понимании положений ст. 42 УПК РФ, а значит, и виновному лицу примиряться просто не с кем. Аналогичная ситуация фактически возникает и по делам о «двухобъектных» преступлениях, в которых преступное посягательство также осуществляется на иной защищаемый законом объект, по роду которого указанные преступления расположены в соответствующих главах уголовного закона, а потерпевший при этом выступает лишь как дополнительное объективное проявление этого посягательства. В указанных случаях не только невозможно достичь примирения с основным объектом, но и примирение с потерпевшим не устраняет вред, нанесенный этому основному объекту преступного посягательства, а значит, преступление в целом не теряет своей общественной опасности, и уголовное дело в отношении лица, его совершившего в соучастии, не может быть прекращено.

Подтверждается этот вывод и судебной практикой – уголовные дела в отношении лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести в соучастии, которые не посягают на права и интересы конкретных потерпевших, суды на основании ст. 25 УПК РФ практически не прекращают.

Приведем следующий показательный пример. Согласно кассационному определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 января 2006 года № 53-О05 по делу Коробова и др. освобождение от уголовной ответственности в соответствии со ст. 76 УК РФ допустимо лишь по делам о преступлениях,

посягающих на права и законные интересы конкретных лиц, освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам о преступлениях против правосудия противоречит смыслу закона [14].

В свою очередь, решения судов первой инстанции не всегда соответствуют обозначенной выше позиции Верховного Суда РФ. Так, например, в 2008 году судебной коллегией по уголовным делам Ленинградского областного суда были отменены незаконные постановления Сланцевского и Сосновоборского городских судов о прекращении в связи с примирением сторон уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 318 УК РФ, потерпевшими по которым были сотрудники милиции. Удовлетворяя кассационные представления прокуратуры, судебная коллегия указала, что прекращение дел этой категории за примирением сторон недопустимо, так как объектом преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, является нормальная деятельность органов государственной власти, дополнительным объектом – здоровье, физическая неприкосновенность и безопасность представителя власти, исполняющего служебные обязанности [4].

Вместе с тем представляется, что если по делам о «двухобъектных» преступлениях посягательство на основной, приоритетный объект в силу малозначительности может быть признано формальным, а с потерпевшим достигнуто примирение, то и они также могут быть прекращены за примирением с потерпевшим. Данное решение правоприменитель должен мотивировать в постановлении о прекращении уголовного дела. По этому же пути идет и следственная практика.

Приведем следующий пример. В апреле 2006 года Иванович и Беличев, находясь в ночное время в общественном месте, действуя умышленно, по предварительному сговору с целью порчи имущества, повредили из пневматического пистолета стеклопакеты в пяти оконных рамах спортивного зала здания гимназии с углубленным изучением иностранных языков № 21 г. Тюмени, чем причинили данной гимна-

зии материальный ущерб на общую сумму 23 419 руб. 65 коп. При попытке скрыться от сотрудников милиции были задержаны последними. По данному факту в УВД Центрального АО г. Тюмени было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ – вандализм, то есть осквернение зданий или иных сооружений в общественном месте. Допрошенный в качестве законного представителя потерпевшего К. пояснил, что Иванович и Беличев, ранее обучавшиеся в гимназии № 21, полностью возместили причиненный ущерб в сумме 23 419 руб. 65 коп. и претензий к данным гражданам нет. Кроме того, К. попросил прекратить уголовное преследование и уголовное дело в отношении Ивановича и Беличева (потерпевшим написано соответствующее заявление об этом). Было также установлено, что Иванович и Беличев ранее не судимы и к уголовной ответственности не привлекались, а по месту жительства характеризуются положительно. На основании этого возбужденное уголовное дело в отношении Ивановича и Беличева было прекращено в связи с их примирением с потерпевшим на основании ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ [15].

7. Конкуренция уголовно-правовых норм о деятельном раскаянии (ч. 1 ст. 75 УК РФ) и примирении с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) как видов освобождения от уголовной ответственности. В тех случаях, когда в постановлении о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) одновременно указаны признаки деятельного раскаяния и примирения с потерпевшим, наблюдается конкуренция между ч. 1 ст. 75 и ст. 76 УК РФ.

Анализ судебно-следственной практики показал, что конкуренция норм о деятельном раскаянии и примирении с потерпевшим не всегда решается в пользу статьи 76 УК РФ [16; 17, с. 23-24]. Обозначенная конкуренция возможна лишь в тех случаях, когда преступлением причинен вред физическому лицу или юридическому лицу. В связи с этим следует согласиться с правоведами, считающими, что недопустимо освобождать лицо от уголовной

ответственности одновременно в связи с деятельным раскаянием и с примирением с потерпевшим [19, с. 151]. При этом если в уголовном деле есть конкретный потерпевший, который простил лицо, совершившее преступление, ходатайствует о прекращении дела и ему возмещен ущерб, суд должен освободить виновного от уголовной ответственности, если сочтет это целесообразным, на основании ст. 76 УК РФ [20, с. 25]. Во всех остальных случаях будет применяться ч. 1 ст. 75 УК РФ.

Дальнейшее изучение компромиссных уголовно-правовых средств, побуждающих соучастников преступления к позитивному посткриминальному поведению, на наш взгляд, позволит органам уголовной юстиции более эффективно осуществлять свои должностные полномочия и восстанавливать законные интересы потерпевших.

1. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Рос. газ. 2010. 31 дек.

3. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие / под ред. А.В. Шеслера. Тюмень: ТЮИ МВД России, 2008. 391 с.

4. Обзор судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием: утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 1 июня 2005 г. [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: Высш. шк. программа информационной поддержки российской науки и образования. 2009. Вып. 3: К весеннему семестру 2009 года. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

5. Справка по результатам обобщения судебной практики прекращения судами Архангельской области в 2008 г. уголовных дел по нереабилитирующим основаниям [Электронный ресурс] // Сайт Архангельского областного суда. URL. <http://www.arhcourt.ru/?Documents/Crm/Gen/200908131300> (дата обращения: 14 марта 2011 г.).

6. Шнитенков А.В. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности // Рос. юстиция. 2009. № 4. С. 22-23.

7. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961. 666 с.

8. Малков В.П. Совокупность преступлений (Вопросы квалификации и назначения наказания). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1974. 307 с.

9. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

10. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 49. Ст. 6412.

11. Анисимов А. Прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон // Законность. 2009. № 10. С. 43-45.

12. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 4 июня 2007 г. № 519-О-О [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: Высш. шк. программа информационной поддержки российской науки и образования. 2009. Вып. 3: К весеннему семестру 2009 года. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

13. Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2010. № 2. С. 2-8.

14. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 янв. 2006 г. № 53-005-83 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: Высш. шк.: программа информационной поддержки российской науки и образования. 2009. Вып. 3: К весеннему семестру 2009 года. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

15. Архив ИЦ ГУВД Тюменской области за 2006 г. Уголовное дело № 20060438214 в отношении Беличева и Ивановича, подозреваемых в совершении преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ.

16. Архив Лангепасского городского суда ХМАО – Югра за 2008 г. Уголовное дело в отношении Немеришина, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159 УК РФ.

17. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 дек. 2007 г. № 10-007-22 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2008. № 7. С. 23-24.

18. Архив ИЦ ГУВД Тюменской области за 2003 г. Уголовное дело

№ 200300085 в отношении Фархутдиновой по ч. 3 ст. 118 УК РФ.

19. Плиско Р.К. Отличительные особенности применения института примирения с потерпевшим от деятельного раскаяния // Актуальные вопросы правовой политики в современных условиях / Дальневосточ. ин-т менеджмента, бизнеса и права. Хабаровск, 2008. С. 151-155.

20. Плиско Р.К. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. 25 с.

СИСТЕМА ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИИ

С.И. Мартынова

(преподаватель кафедры совершенствования деятельности органов внутренних дел
Уральского юридического института МВД России, г. Екатеринбург;
martyn.ekb@rambler.ru)

Статья посвящена проблеме преступности несовершеннолетних. Автор анализирует актуальные проблемы противодействия данному виду преступления.

Ключевые слова: преступление, несовершеннолетние, противодействие, уголовная ответственность.

Систему ювенальной юстиции в широком смысле слова можно определить как совокупность нормативных, организационных, инструментальных и функциональных институтов, отражающих специфику юридических составов противоправных деяний, совершаемых несовершеннолетними субъектами, характеризующих средства и методы противодействия данным формам социально-юридических девиаций, а также определяющих пути ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей. В данной статье ювенальная юстиция будет рассмотрена в узком значении, т.е. как система норм права, регулирующих общественные отношения, возникающие по поводу предупреждения различных форм социальной девиации несовершеннолетних, в том числе насильственной преступности.

Современное правовое регулирование делинквентного поведения несовершеннолетних с учетом присущих им возрастных и социально-психологических особенностей осуществляется посредством специфических норм, содержащихся в административном, уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве.

Выделение специальных норм, распространяющихся только на несовершеннолетних, обусловлено особым вниманием к ним законодателя, стремящегося обеспечить целенаправленное правовое воздействие на индивидуально определенную группу лиц для достижения максимального положительного эффекта. Такой конечный результат становится возможным лишь

при условии взаимодействия карательно-поощрительного комплекса норм материального и процессуального содержания, создающего благоприятные предпосылки для сбалансированного и последовательного их применения на практике.

Признавая уголовную ответственность средством реализации уголовно-правовой политики, государство применяет различные, но взаимосвязанные методы ее использования. Речь идет об установлении уголовной ответственности, ее дифференциации и реализации, которые осуществляются посредством таких методов, как криминализация, декриминализация, пенализация, депенализация. Применительно к несовершеннолетним правонарушителям реализация этих методов, подчиняясь ряду специфических принципов, имеет свои особенности. На уровне правотворчества она приводит к созданию группы уголовно-правовых норм, определяющих основания и пределы применения уголовной ответственности в качестве средства борьбы с преступностью несовершеннолетних.

Особенности личности несовершеннолетних преступников требуют специального механизма их привлечения к уголовной ответственности. Как правильно подметил Г.И. Забрянский, целесообразность этого обусловлена: 1) тем значением, которое общество придает этой проблеме; 2) спецификой преступности несовершеннолетних; 3) социально-психологическими особенностями лиц в возрасте от 14 до 18 лет; 4) спецификой уголовно-правовых мер, применяемых в отношении несовершеннолетних; 5) необходимостью точно

установить правовую регламентацию отступлений от общих правил уголовной ответственности [1, с. 9].

Сказанное обуславливает выделение в УК РФ 1996 г. специального раздела «Уголовная ответственность несовершеннолетних», а в нем главы 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Употребив слово «особенности», законодатель как бы подчеркивает особый подход к привлечению несовершеннолетних к уголовной ответственности и назначению им наказания в силу социальных, морально-этических и психических факторов. Тем не менее указанная глава отнюдь не является сводом отклонений и отступлений от общих норм УК РФ. Социальная потребность закрепления особого порядка уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних заключается в том, что с учетом особенностей интенсивно развивающейся психики подростка необходимая достаточность уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних преступников может быть достигнута в большинстве случаев применением к ним смягченных или специфичных мер воздействия. Но для того чтобы избежать при этом избыточности репрессии, необходимо в каждом случае детально выяснять особенности уровня развития несовершеннолетнего, условия его жизни и воспитания, физическое и психическое состояние, социальный статус.

Согласно ч. 2 ст. 1 УК РФ Уголовный кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права. В соответствии с п. 1 ст. 15 Конституции РФ Основной Закон Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации.

В Конституции РФ устанавливаются общие принципы привлечения к уголовной ответственности (ст.ст. 47-51). Однако они не персонализируются применительно к

несовершеннолетним. Но этот пробел восполняется нормами международного права и международных договоров. В первую очередь это Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних 1985 г. (далее – Пекинские правила) [2], Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г. [3], Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей 1990 г. [4, с. 10-13], Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних 1990 г. (Эр-Риадские руководящие принципы) [5], Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы 1990 г. [6]

На международном уровне уже давно обсуждается вопрос ювенальной юстиции – возможности существования суда по делам несовершеннолетних. Основными принципами ювенальной юстиции являются: ценность личности несовершеннолетнего, представшего перед судом; активное использование в судебном процессе данных о несовершеннолетних, полученных судом от специализированных вспомогательных юридических учреждений (служб, органов); усиление охранительной функции суда по отношению к несовершеннолетнему (повышенная судебная защита несовершеннолетнего в качестве потерпевшего, свидетеля, подсудимого, осужденного и т.п., рассмотрение дел в отношении несовершеннолетних в закрытых судебных заседаниях, а также о преступных посягательствах на них); уменьшение размера наказания по факту несовершеннолетия в соответствии с Уголовным кодексом РФ; предпочтение принудительным мерам средств воспитательного воздействия и др.; специальная подготовка судей по делам несовершеннолетних; особый упрощенный (неформальный) порядок судопроизводства в отношении несовершеннолетних; наличие системы специализированных вспомогательных служб.

Однако, как следует из пособия «Innocenti digest», подготовленного во Флоренции (Италия) Международным центром

ЮНИСЕФ по проблемам развития ребенка, вопрос о формах организации правосудия по делам несовершеннолетних является спорным. Для его обсуждения необходимо располагать объективной информацией. В действительности в международных стандартах не содержится прямого требования о создании специальных судов по делам несовершеннолетних. В большинстве стран подобные суды отсутствуют. Тем не менее в этих странах суды всегда рассматривают дела несовершеннолетних в особых условиях (например, закрытые заседания) и приговаривают их к иным и, как правило, более мягким мерам наказания, чем взрослых.

В то же время в международных стандартах более или менее ясно выражено положение о том, что для соответствия современным требованиям необходима совершенно новая система судопроизводства в отношении несовершеннолетних. В частности, в п. 3 ст. 40 Конвенции о правах ребенка (1989 г.) закреплено, что «государства-участники стремятся содействовать установлению законов, процедур, органов и учреждений, имеющих непосредственное отношение к детям, которые, как считается, нарушили уголовное законодательство, обвиняются или признаются виновными в его нарушении». В Правилах ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (1990 г.), также говорится о необходимости повсеместного создания самостоятельной «системы правосудия в отношении несовершеннолетних».

Указанные международные документы нашли свое отражение и развитие в Федеральном законе от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [7] и Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Перечисленные нормативные правовые акты совместно с Уголовным, Уголовно-процессуальным, Уголовно-исполнительным кодексами РФ составляют основу российской ювенальной юстиции.

Глава 14 УК РФ входит в Общую часть кодекса. Все ее положения полно-

стью распространяются на несовершеннолетних. Если нормы Общей части УК РФ по предмету уголовно-правового регулирования совпадают с нормами главы 14 УК РФ, относящейся к несовершеннолетним, применению подлежат последние, как специальные нормы, которые эти вопросы решают для несовершеннолетних более благоприятно, чем нормы, относящиеся к лицам старше восемнадцати лет.

Указанные обстоятельства имеют большое значение при проведении предупредительной работы. Наличие самостоятельных глав в УК РФ об особенностях уголовной ответственности и производстве по делам в отношении несовершеннолетних ориентирует правоприменителей к более полному уяснению этих особенностей, предполагает более четкое и тщательное разрешение дел.

В свою очередь, специфические особенности, присущие несовершеннолетним, облегчают процесс социализации и предупреждения преступности подростков. Это связано с лучшей восприимчивостью несовершеннолетними мер воспитательного характера, что и предполагает особый порядок организации и проведения работы с ними на каждой стадии развития уголовного правоотношения.

В ч. 1 ст. 87 УК РФ впервые на законодательном уровне закреплено понятие «несовершеннолетний», каковым признается лицо, которому исполнилось четырнадцать лет, но не исполнилось восемнадцати лет. В основе уголовной ответственности несовершеннолетних лежит уровень формирования и социализации личности. Статья 87 УК РФ применяется с учетом ст. 20 УК РФ, которая устанавливает возрастную «ступенчатость» наступления уголовной ответственности для несовершеннолетних (14, 16 лет) и, кроме того, предусматривает случаи, когда лицо, формально достигшее установленного в УК РФ возраста привлечения к уголовной ответственности, тем не менее не может нести ее вследствие отставания в психическом развитии. По мнению С.В. Бородина и С.В. Полубинской, установление общего 16-летнего возраста уголовной ответственности, а за отдельные

преступления – 14-летнего возраста следует рассматривать как одну из особенностей наступления уголовной ответственности несовершеннолетних [8, с. 510].

Кроме того, законодатель закрепил в ст. 96 УК РФ исключительную норму, согласно которой положения, применяемые к несовершеннолетним, распространяются на лиц, совершивших преступление в возрасте от 18 до 20 лет, что обусловлено физиологическим процессом взросления.

В уголовном законе впервые вводится положение, указанное в ч. 3 ст. 20 УК РФ, получившее в уголовно-правовой науке название «возрастной вменяемости». Согласно данной норме не подлежит уголовной ответственности несовершеннолетний, достигший возраста, с которого наступает уголовная ответственность, если он вследствие отставания в психическом развитии в момент совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Данное положение касается умственно отсталых подростков, интеллектуальное развитие которых не соответствует возрасту.

Следует согласиться с мнением ученых, предлагающих распространить ч. 3 ст. 20 УК РФ на всех несовершеннолетних, не могущих в полной мере сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вне зависимости от факторов этого ограничения. В зависимости от факторов этого ограничения важно предусмотреть формы воздействия, снижающие социальную опасность субъекта общественно опасного деяния и обеспечивающие соответствующую профилактику: принудительные меры медицинского характера или социальные меры улучшения процесса психического развития несовершеннолетнего.

Вместе с тем некоторые ученые высказывают свое негативное отношение к категории «возрастной вменяемости». Так, Ю.А. Денисов указывает, что рубеж этот на современном уровне развития науки определяется достаточно условно, так как не

выработаны надежные критерии отграничения детства от социальной зрелости [9, с. 92]. По утверждению Л.В. Боровых, наиболее подвижным, изменчивым и с точки зрения законодательной техники трудно-фиксируемым является возраст уголовной ответственности [10, с. 3]. В ряде работ при описании поведения несовершеннолетних центр тяжести переносится на возрастную незрелость и на чуть ли не автоматическую зависимость поведения подростка от влияния микросреды [11, с. 16-21]. По мнению О.Д. Ситковской, такой подход оправдывает себя при разработке проблем профилактики, но он неприменим при психологическом обосновании нижней возрастной границы уголовной ответственности, так как она предполагает наличие определенной зрелости, включая способность к сознательному избирательному поведению [12, с. 71]. Как отмечает З.А. Астемиров, уголовная ответственность должна иметь своей основой определенный уровень правового сознания, выработанного на основе нравственного сознания личности. В этом смысле правовое сознание должно иметь своим содержанием понимание лицом общественной опасности определенного поведения, тех или иных конкретных поступков и действий, их недозволённости и предосудительности с точки зрения общественной, общегосударственной оценки [13, с. 16].

Вместе с тем институт «возрастной вменяемости» отсутствует в административном праве, что нельзя признать справедливым. Ведь разница между преступлением и административным правонарушением заключена в степени общественной опасности деяния (объективная сторона), а данное обстоятельство не находится в непосредственной связи с осознанием характера своего действия (субъективная сторона). Соответственно, по аналогии с уголовным правом следует учитывать уровень психического развития несовершеннолетних при решении вопроса о привлечении их к административной ответственности. В связи с этим необходимо включить в ст. 2.3 КоАП РФ часть 3, в которой закрепить следующее положение: *«Если несовершеннолетний до-*

стиг возраста 16 лет, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит административной ответственности».

Применительно к назначению уголовного наказания несовершеннолетним законодатель также сделал особый подход. В уголовном законе указано на недопустимость применения уголовного наказания к несовершеннолетним, виновным в совершении преступлений, не представляющих большой общественной опасности, при условии, если их исправление и ресоциализация могут быть достигнуты путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Помимо перечисленных нормативных правовых актов нормативно-правовую основу ювенальной юстиции составляют и ведомственные нормативные акты. В частности, можно выделить ведомственные нормативные акты МВД России: приказ МВД России от 20 апреля 1993 г. № 186 «О первоочередных мерах по активизации деятельности органов внутренних дел по борьбе с преступностью несовершеннолетних», приказ МВД России от 26 мая 2000 г. № 569 «Об утверждении Инструкции по организации работы подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел», приказ МВД России от 27 апреля 2002 г. № 391 «О дальнейшем совершенствовании деятельности органов внутренних дел по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Важное значение в практике применения уголовного законодательства об ответственности несовершеннолетних играют разъяснения Пленумов Верховного Суда Российской Федерации, которые являются актами официального, обязательного для конкретных правоприменителей разъяснения (толкования) правовых норм [14]. В частности, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несо-

вершеннолетних» [15] рекомендовал судам непосредственное применение на практике международно-правовых стандартов отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [16] (далее – ППВС РФ от 11.01.2007) обращено внимание судов на необходимость исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания, подразумевается, что справедливое наказание способствует решению задач и осуществлению целей, указанных в статьях 2 и 43 Уголовного кодекса Российской Федерации. Указанные разъяснения согласуются с конституционными принципами и нормами международных договоров. Далее в ППВС РФ от 11.01.2007 в отношении несовершеннолетних говорится, что при назначении наказания лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет, кроме обстоятельств, предусмотренных ст. 60 УК РФ, учитываются условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности несовершеннолетнего, а также влияние на него старших по возрасту лиц (ст. 89 УК РФ).

Рассматривая вопросы нормативно-правовой основы ювенальной юстиции, нельзя не назвать нормативные правовые акты, регулирующие воздействие на несовершеннолетних с девиантным поведением. К таковым относится Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» [17]. Так, согласно п. 11 ст. 50 указанного Закона для подростков с девиантным (общественно опасным) поведением, достигших возраста 11 лет, нуждающихся в особых условиях воспитания и обучения и требующих специального педагогического подхода, создаются специальные учебно-воспитательные учреждения, обеспечивающие их медико-социальную реабилитацию, образование и профессиональную подготовку. Направление таких подростков в эти образовательные учреждения осуществляется только по решению суда. Постановлением Правительства РФ от 25

апреля 1995 г. утверждено Типовое положение о специальном учебно-воспитательном учреждении для детей и подростков с девиантным поведением [18].

Указанная норма уточняется в п. 4 ст. 15 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», согласно которому в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа могут быть помещены несовершеннолетние в возрасте от 11 до 18 лет, нуждающиеся в особых условиях воспитания, обучения и требующие специального педагогического подхода, в случаях, если они: 1) не подлежат уголовной ответственности в связи с тем, что к моменту совершения общественно опасного деяния не достигли возраста, с которого наступает уголовная ответственность; 2) достигли возраста, предусмотренного ч. 1 или 2 ст. 20 УК РФ, и не подлежат уголовной ответственности в связи с тем, что вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими; 3) осуждены за совершение преступления средней тяжести и освобождены судом от наказания в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 92 УК РФ.

Таким образом, *нормы права, составляющие основу ювенальной юстиции, закреплены в различных по своей юридической силе нормативных правовых актах, международных договорах с участием Российской Федерации.*

Совокупность нормативных правовых актов, регулирующих отношения, возникающие по поводу предупреждения и привлечения несовершеннолетних насильственного типа к уголовной ответственности, следует представить в качестве системы законодательства. От системы законодательства необходимо отличать систему права. Система законодательства представляет собой строение современного законодательства, которое формируется законодателем. Система права – это объективная

категория, и строится она на объективных критериях. В теории права под системой права понимается структурированная совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную функциональную целостность, единство [19, с. 70].

Как известно, основанием построения системы права служат предмет и метод правового регулирования. В связи с этим можно провести дифференциацию права на отдельные отрасли, каждая из которых объединяет внутренне связанные между собой нормы [20, с. 46]. Вместе с тем, будучи внутренне единым и крупным правовым образованием, любая отрасль права подразделяется на отдельные элементы, которые имеют свои определенные задачи и выполняют самостоятельную роль по отношению к регулируемому кругу отношений. Традиционно в отрасли права выделяют следующие структурные подразделения: подотрасль права, институт права, субинститут права и норму права.

Представляется, что следует согласиться с мнением тех ученых, которые за основу разделения права на те или иные правовые образования берут предмет и метод правового регулирования [21, с. 92, 63]. Все остальные критерии, такие как субъект, объект и т.д., могут выступать только в качестве дополнительных.

Именно предмет и метод правового регулирования в первую очередь могут быть положены в основу обособления института, регулирующего предупреждение и привлечение несовершеннолетних насильственного типа к уголовной ответственности. В качестве дополнительных критериев, обуславливающих формирование института, выступают: во-первых, особенность субъекта – несовершеннолетний преступник и, во-вторых, насильственные преступления.

Уголовно-правовые нормы об ответственности несовершеннолетних, представляющие собой однопорядковые, разнородные предписания относительно правовых последствий совершения ими преступлений, образуют главу 14 УК РФ. Аналогичные нормы содержатся и в иных нор-

мативных правовых актах. В частности, в Федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» решены важнейшие вопросы ответственности лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, а также достигших указанного возраста, но обнаруживающих в психофизическом развитии отставание, не связанное с психическим расстройством, в случае совершения ими общественно опасного деяния. По своему назначению эти нормы аналогичны положениям главы 15 УК РФ, регулирующим общественные отношения, возникающие в связи с совершением антиобщественных деяний невменяемыми лицами. Обе группы норм предусматривают перечень правовых последствий для лиц, не способных нести уголовную ответственность (в силу возраста или состояния здоровья), и порядок их наступления и реализации. Некоторые из этих норм включены в УК РФ, поэтому в их уголовно-правовой природе не возникает сомнений, другие – не включены. По мнению Ю.Е. Пудовочкина, рассматриваемые положения Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» тоже носят уголовно-правовой характер и являются существенным дополнением в отечественное законодательство [22].

Указанные нормы находятся в тесной взаимосвязи и только вместе способны оказывать регулятивное воздействие на группу общественных отношений, возникающих в связи с фактом совершения уголовно-противоправного деяния лицом в возрасте до 18 лет. Содержание рассматриваемого института уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних образуют «вариантные конкретизирующие предписания и исключительные нормы, делающие изъятия из установленного общего порядка» [23, с. 143], что позволяет отнести его к группе регулятивных функциональных институтов уголовного права, основное назначение которого состоит в дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних в соответствии

с требованиями гуманизма и справедливости [22].

В то же время в качестве еще одного дополнительного критерия выступает насильственный характер совершаемых преступлений. Данные преступления обладают определенной спецификой по сравнению с другими преступлениями, что позволяет обособить их в отдельную группу.

Таким образом, в настоящее время назрела необходимость создания системы ювенальной юстиции, максимально свободной от карательных функций, призванной обеспечивать защиту прав, свобод и интересов несовершеннолетних. Особенность личности несовершеннолетнего преступника насильственного типа является инструментом институализации норм права, регулирующих предупреждение и привлечение несовершеннолетних насильственного типа к уголовной ответственности. С учетом предмета и метода уголовного права *совокупность норм права, регулирующих отношения, возникающие по поводу предупреждения и привлечения несовершеннолетних насильственного типа к уголовной ответственности, следует представить как правовой институт ювенального права.*

1. Забрянский Г.И. Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности: монография. М., 2000. 245 с.
2. Советская юстиция. 1991. № 12-14.
3. Ведомости ВС СССР. 1990. № 45. Ст. 955.
4. Дипломатический вестник. 1992. № 6.
5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802.
8. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. М., 2003.
9. Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности. Л., 1983.

10. Боровых Л.В. Проблема возраста в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1993.
11. Игнатенко В.И. Основы предупреждения антиобщественного образа жизни и рецидива преступлений несовершеннолетних. М., 1993.
12. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998.
13. Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. М., 1970.
14. Грось Л.А. О Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном решении» // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 10.
15. Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2000. № 4. С. 22.
16. Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2007. № 4. С. 23.
17. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3. Ст. 150.
18. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 18. Ст. 1681.
19. Кашанина Т.В., Кашанина А.В. Основы российского права: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2003.
20. Брагинский М.И. О месте гражданского права в системе «право публичное – право частное» // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. М.: Городец, 2000.
21. Братусь С.Н. Система советского права и перспективы ее развития. «Круглый стол» журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1982. № 6.
22. Пудовочкин Ю.Е. Ювенальное уголовное право: понятие, структура, источники // Журнал российского права. 2002. № 3.
23. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975.

ПОХОРОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Р.А. Исмагилов

(аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права; dobro7272@mail.ru)

В статье раскрывается понятие похоронной культуры общества, анализируются возможности и пределы ее правового регулирования, уголовно-правовой охраны. Автор обосновывает вывод о том, что похоронная культура является самостоятельным объектом преступления, занимающим отдельное место в системе Особенной части Уголовного кодекса России.

Ключевые слова: похоронная культура, погребение, объект уголовно-правовой охраны, умерший, общественная нравственность.

Культура современного социума как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных и создаваемых человечеством и составляющих его духовно-общественное бытие, характеризуется исключительно широким разнообразием форм своего проявления. Одной из традиционных и древнейших форм социальной культуры является похоронная культура, основанная на архаических представлениях о смерти, умерших и их посмертном существовании, о душе и загробном мире, включающая традиции почитания умерших и сохранения памяти о них.

Возникновение и неизживаемость похоронной культуры имеют серьезные социально-психологические и религиозные детерминанты. «Жизнь и Смерть (Биос и Танатос) – первое и вечное, действительное и мнимое противостояние всего сущего в Природе» [1, с. 3]. В обществе людей на социально-идеологическом уровне смерть воспринимается как «пограничная ситуация», нарушившая или грозящая нарушить естественный ход вещей, т.е. оборвать непрерывность бытия и тем самым внести хаос во все устоявшиеся структуры, в том числе и общественные. Существование похоронной культуры с ее традицией, ритуальностью и обрядностью может рассматриваться как попытка социума заново утвердить порядок, нарушенный смертью. Таким образом, изначальной оппозиции «Жизнь и Смерть» противопоставляется создаваемый общественным сознанием

постулат «Жизнь после Смерти», который является фундаментальным принципом похоронной культуры общества, духовной основой, связующей все ее элементы.

По своему содержанию похоронная культура современного общества весьма разнообразна, что обусловлено этнографическим и конфессиональным разнообразием населения Земли. Тем не менее, несмотря на социальные, географические, антропологические, религиозные, бытовые, национальные и прочие различия, похоронная культура любого народа, любой социальной общности, на наш взгляд, содержит три основных элемента: практика обращения с телом умершего (погребальная обрядность); практика увековечения памяти об умершем (поминальная обрядность); построение социально-психологической модели жизни после смерти, потустороннего мира (похоронная идеология).

Погребальная обрядность. Практика обращения с умершими в различных ее формах является одной из древнейших и специфических сфер человеческой деятельности. В первобытных популяциях умерших первоначально оставляли в жилище, позднее их отдавали на съедение животным или соплеменники сами съедали своих умерших сородичей (каннибализм). Лишь много тысячелетий спустя, когда возникают представления о душе и загробной жизни, отношение людей к покойникам коренным образом меняется, страх перед покойником становится общераспространен-

ным явлением, и тела умерших удаляются из мест обитания живых (захораниваются, сжигаются, помещаются на деревья, сплавляются по реке и т.п.). Но вне зависимости от способа избавления от умерших сама их изоляция возникла как утилитарная необходимость санитарно-гигиенического порядка. Из обычая сохранять тела умерших родственников возникает религиозный обряд погребения в собственном значении этого слова.

Социально-культурный уровень большинства современных народов мира, в особенности в цивилизованных странах, позволяет утверждать, что некоторые первобытные формы обращения с умершими (каннибализм, оставление или выбрасывание, декарнация, мумификация) себя изжили, ибо не только считаются неприемлемыми с нравственно-этических и религиозных позиций, но и противоречат санитарным и экологическим нормам. Социально-нравственное, санитарное и экологическое значение практики обращения с телами умерших в современном обществе диктует необходимость правового регулирования отношений, связанных с этим видом человеческой деятельности, и прежде всего четкого определения форм посмертного обращения с телом.

В России на сегодняшний день исследуемый элемент похоронной культуры урегулирован Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» [2]. В соответствии со ст. 3 названного закона погребение определяется как обрядовые действия по захоронению тела (останков) человека после его смерти в соответствии с обычаями и традициями, не противоречащими санитарным и иным требованиям. Закон устанавливает следующие допустимые формы погребения – предание тела (останков) умершего *земле* (захоронение в могилу, склеп), *огню* (кремация с последующим захоронением урны с прахом), *воде* (захоронение в воду в порядке, определенном нормативными правовыми актами Российской Федерации). В соответствии с Рекомендациями о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации МДК 11-01.2002 (рекомен-

дованы протоколом НТС Госстроя России от 25 декабря 2001 г. № 01-НС-22/1) [3] захоронение праха может производиться и путем *развеивания* праха, которое заключается в его разбрасывании по какой-либо территории.

Данные формы погребения умерших, имеющие глубокие исторические и религиозные корни, реализуют соблюдение важнейшего принципа погребальной обрядности как элемента современной похоронной культуры – *достойное отношение к телу человека после его смерти в соответствии с обычаями и традициями, сложившимися в обществе*. Данный принцип лежит в основе огромного количества ритуалов славянской похоронной культуры, «призванных отдать умершему последнюю дань уважения и вместе с тем победить, изгнать подальше ненавистную смерть. А ушедшему пообещать воскрешение, новую жизнь» [4, с. 59]. В связи с этим предпогребальные и погребальные обрядовые действия по своему характеру и значению проникнуты скорбным уважением и бережным отношением к телу покойного: омовение, одевание, положение в гроб, ночные бдения у гроба покойного, вынос тела, отпевание, дорога на кладбище, прощание с умершим у могилы и т.д.

Особое отношение законодателя к одному из главных принципов похоронной культуры просматривается также в том, что Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» предусматривает прижизненные гарантии соблюдения данного принципа в виде права лица на волеизъявление о достойном отношении к его телу после смерти, которое представляет собой пожелание, выраженное в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме: о согласии или несогласии быть подвергнутым патолого-анатомическому вскрытию; о согласии или несогласии на изъятие органов и (или) тканей из его тела; быть погребенным на том или ином месте, по тем или иным обычаям или традициям, рядом с теми или иными ранее умершими; быть подвергнутым кремации; о доверии исполнить свое волеизъявление тому или иному лицу.

Примечательно, что данное право имеет конституционно-правовую основу. Конституционный Суд РФ в одном из своих определений разъяснил: «К числу неотъемлемых прав человека относится и закрепленное статьей 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации право на личную неприкосновенность, исключаящее незаконное воздействие на человека как в физическом, так и в психическом смысле, причем понятием «физическая неприкосновенность» охватывается не только прижизненный период существования человеческого организма, но и создаются необходимые предпосылки для правовой охраны тела умершего человека. В равной мере это относится и к праву на государственную охрану достоинства личности (статья 21, часть 1, Конституции Российской Федерации), а также к производному от названных конституционных прав праву человека на достойное отношение к его телу после смерти» [5, с. 18].

Действия по достойному отношению к телу умершего должны осуществляться в полном соответствии с волеизъявлением умершего, если не возникли обстоятельства, при которых исполнение волеизъявления умершего невозможно, либо иное не установлено законодательством Российской Федерации.

В случае отсутствия волеизъявления умершего право на разрешение упомянутых действий имеют супруг, близкие родственники (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, дедушка, бабушка), иные родственники либо законный представитель умершего, а при отсутствии таковых иные лица, взявшие на себя обязанность осуществить погребение умершего.

Наряду с этим на территории Российской Федерации каждому человеку после его смерти гарантируются погребение с учетом его волеизъявления, предоставление бесплатно участка земли для погребения тела (останков) или праха в соответствии с законом (ст. 7 Федерального закона «О погребении и похоронном деле»).

Действующим законодательством предусматриваются случаи, когда исполне-

ние волеизъявления умершего не является обязательным в силу необходимости совершения определенных действий в отношении тела покойного в социально полезных целях (судебно-медицинская экспертиза трупа (ст. 196 УПК РФ) в соответствии с нормативной методикой, извлечение трупа из места захоронения – эксгумация (ст. 178 УПК РФ).

Кроме того, является правомерным изъятие органов и (или) тканей у трупа для трансплантации, если учреждению здравоохранения на момент изъятия не известно о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие его органов и (или) тканей после смерти для трансплантации реципиенту (ст. 8 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»).

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что погребение умерших в иных формах, нежели те, что допускаются законом, а именно оставление и выставление тела, его мумификация (за исключением бальзамирования, которое подразумевает сохранение мертвого тела на непродолжительное время до момента захоронения или на длительный срок, как правило, по религиозным или политическим мотивам [6, с. 21]) и т.п., а равно совершение с телом покойного иных действий, не предусмотренных законодательством, общепринятыми ритуальными обычаями и традициями, в том числе религиозными, является грубым нарушением принципа достойного отношения к телу человека после его смерти, поведением, противоречащим сложившимся обычаям и традициям современной похоронной культуры, заслуживающим не только морального, но и правового осуждения.

Поминальная обрядность. Поминание умерших охватывает большое количество ритуальных обычаев, традиций и символов, выражающих заботу об умерших, попытку продлить их посмертное существование на социальном уровне, и является одним из наиболее значимых элементов похоронной культуры. По своему содер-

жанию поминальная обрядность прежде всего выражается в последующем (после погребения) ритуальном поведении и обрядовых действиях, совершаемых людьми в связи с кончиной близкого человека (соблюдение траура в одежде и поведении, поминки по умершему, поминовение в определенные дни и т.д.). Особо значимым элементом поминальной обрядности являются материализованные похоронные символы – погребальные комплексы, т.е. места погребения умерших, обозначенные надмогильными сооружениями (могильные холмы, камни, плиты, валуны, стелы, вазы, обелиски, колоннады, арки, трофеи, статуи, символы веры, знаки профессиональной принадлежности и т.п.), а также мемориальные сооружения (очаги, алтари, молельни, храмы и т.п.).

В своей совокупности обычаи, традиции и символы поминальной обрядности реализуют второй важнейший принцип похоронной культуры – *почитание и увековечение памяти об умершем человеке, его прижизненного социального значения*. Следует отметить особую роль данного принципа. Он не только выполняет социально-психологическую функцию обеспечения посмертного существования усопшего, значимую прежде всего для близких и других знавших его людей. Огромна историческая и культурная роль этого принципа, состоящая в том, что поминальные ритуалы и символы являются средствами сохранения социальной истории, ее передачи последующим поколениям и, несмотря на печальный, порой даже трагичный характер их причины – смерти человека, – в этих ритуалах и символах сохраняется множество очень старых традиций, служащих объединению семьи и сплочению всего народа. Не случайно места погребения согласно ст. 4 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» могут относиться к объектам, имеющим культурно-историческое значение (например, Некрополь Александро-Невской Лавры), а многие мемориальные комплексы имеют не только поминальное, но и прямое историческое назначение (Могила Неизвестного Солдата, Мамаев курган).

Многие обычаи и традиции поминальной обрядности не урегулированы правом, а канонизированы религиозными и нравственно-этическими нормами. Вместе с тем принятые Госстроем России Рекомендации о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации определяют порядок организации похоронного дела, конкретизируют положения Федерального закона «О погребении и похоронном деле», касающиеся похоронного обряда (обряд захоронения останков или праха человека), а также содержания мест захоронения и работы специализированных служб по вопросам похоронного дела в России. Данные рекомендации направлены на оказание методической помощи гражданам, органам местного самоуправления, специализированным службам по вопросам похоронного обслуживания населения. При этом особо отмечается, что все положения рекомендаций не носят директивного характера и их следует рассматривать именно как рекомендательные. Требования рекомендаций могут быть развиты и дополнены территориальными нормативными документами по вопросам похоронного дела, воинскими уставами, документами по проведению религиозных и профессиональных похоронных обрядов. Положения таких документов не должны противоречить требованиям данных рекомендаций.

Предметом правового регулирования являются отношения, связанные с увековечением памяти об умерших путем организации, размещения и содержания мест погребения, организации мемориальных сооружений, а также порядок отправления похоронных ритуалов в связи с кончиной определенных категорий лиц. К числу основных нормативных правовых актов, регулирующих упомянутые элементы поминальной обрядности, относятся:

– Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (порядок организации мест погребения);

– Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (закрепление

поминальной даты, ритуального значения почетного караула, правового статуса памятников Великой Отечественной войны);

– Закон РФ от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» (провозглашение уважительного отношения к памяти погибших при защите Отечества или его интересов в качестве священного долга всех граждан, порядок организации и сохранения воинских захоронений);

– приказ Министерства обороны РФ от 13 января 2008 г. № 5 «О погребении погибших (умерших) военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, и лиц, уволенных с военной службы» (порядок погребения погибших (умерших) военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, и лиц, уволенных с военной службы, оплаты ритуальных услуг, а также изготовления и установки надгробных памятников);

– Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (порядок отдания воинских почестей при погребении, при возложении венков к памятникам и могилам воинов, павших в боях за свободу и независимость Отечества);

– Указ Президента РФ от 6 августа 2008 г. № 1187 «Об увековечении памяти А.И. Солженицына» (принятие мер по увековечению памяти А.И. Солженицына в г. Кисловодске и г. Ростове-на-Дону).

Особо законодателем урегулированы ограничения в сфере поминальной обрядности в отношении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения их террористической акции. Согласно ч. 1 ст. 14.1 ФЗ «О погребении и похоронном деле» погребение лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с их участием в террористической деятельности прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения данной террористической акции, осуществляется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации (погребение указанных лиц осуществляется по месту наступления смерти специализированными службами

по вопросам похоронного дела, определение места погребения осуществляется с учетом ограничений, предусмотренных Федеральным законом «О погребении и похоронном деле») [7, с. 37]. В соответствии с ч. 2 ст. 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» тела указанных лиц для захоронения не выдаются, о месте их захоронения не сообщается.

Примечательно, что данное решение законодателя стало предметом конституционного правосудия на том основании, что, по мнению лиц, близких погибшим террористам, оно лишает их права на соблюдение религиозных и ритуальных обрядов в соответствии с национальными обычаями, умаляет достоинство погибших и их родственников, допускает признание лица виновным в совершении преступления без судебной процедуры и тем самым нарушает права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией Российской Федерации, в том числе ее статьями 21, 28, 45, 46, 49 и 55 [8, с. 98]. Однако Конституционный Суд РФ не согласился с такими доводами, признав не противоречащими Конституции Российской Федерации взаимосвязанные нормы статьи 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, поскольку в системе действующего правового регулирования предусмотренные ими ограничительные меры в сложившихся в Российской Федерации условиях борьбы с терроризмом применяются исключительно к лицам, уголовное преследование в отношении которых прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения совершенного ими террористического акта, и необходимы для охраны общественной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности, для защиты прав и свобод других лиц.

С точки зрения обоснования указанного правового ограничения в сфере поминальной обрядности интерес представляют правовые позиции Конституционного Суда РФ по данному делу. Как отметил Кон-

ституционный Суд РФ, интересы пресечения терроризма, его общей и специальной превенции, ликвидации последствий террористических актов, сопряженных с возможностью массовых беспорядков, столкновений различных этнических групп, эксцессов между родственниками лиц, причастных к террористическим актам, населением и правоохранительными органами, угрозой жизни и здоровью людей, могут обуславливать в определенных конкретно-исторических условиях установление особого правового регулирования погребения лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с участием в террористической деятельности прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения террористического акта, как это предусматривается статьей 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле».

Захоронение лица, принимавшего участие в террористическом акте, в непосредственной близости от могил жертв его действий, совершение обрядов захоронения и поминовения с отданием почестей как символу, как объекту поклонения, с одной стороны, служат пропаганде идей террора, а с другой – оскорбляют чувства родственников жертв этого акта и создают предпосылки для нагнетания межнациональной и религиозной розни.

В конкретных условиях, сложившихся в Российской Федерации в результате совершения серии террористических актов, повлекших многочисленные человеческие жертвы, вызвавших широкий негативный общественный резонанс и оказавших огромное влияние на массовое общественное сознание, выдача родственникам для захоронения тел лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, способна создать угрозу общественному порядку и общественному спокойствию, правам и законным интересам других лиц, их безопасности, в том числе привести к разжиганию ненависти, спровоцировать акты вандализма, насильственные действия, массовые беспорядки и столкновения, что может повлечь за собой новые жертвы, а места

захоронений участников террористических актов могут стать местами культового поклонения отдельных экстремистски настроенных лиц, будут использоваться ими в качестве средства пропаганды идеологии терроризма и вовлечения в террористическую деятельность.

При таких обстоятельствах федеральный законодатель был вправе ввести особый порядок погребения лиц, чья смерть наступила в результате пресечения террористического акта, участниками которого они являлись. Такая мера сама по себе допустима, поскольку в сложившихся в Российской Федерации условиях борьбы с терроризмом преследует конституционно защищаемые цели и является необходимой для обеспечения общественного спокойствия и общественной безопасности, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности, защиты прав и свобод других лиц [8, с. 104].

Впрочем, Конституционному Суду РФ в решении по данному делу не удалось достичь единодушия. В связи с этим итоговое постановление сопровождается особым мнением трех судей (Г.А. Гаджиева, А.Л. Кононова, Б.С. Эбзеева). Это свидетельствует о том, что вопрос о законодательных ограничениях в сфере поминальной обрядности и вообще о правовом регулировании данного элемента похоронной культуры является далеко не однозначным, дискуссионным и, кстати сказать, малоисследованным в юридической науке.

Похоронная идеология. Испокон веков смерть представлялась людьми как враждебная сила, роковое неизбежное зло. Глубинные психологические корни осмысления смерти как трагедии обусловлены трагизмом самого события – невосполнимой утратой близкого человека, ухода его в небытие. Явление смерти во все времена потрясало чувства и воображение людей, заставляло еще раз обратиться к вопросу о цели и смысле жизни, назначении человека на земле, нравственном долге перед умершими и живыми [9, с. 241].

Возникновение практики обращения с умершими признается эпохальным явлением в истории человеческого общества,

«поскольку ее появление может быть расценено как первая своеобразная победа Рода Гомо над Смертью» [1, с. 79]. «Возникновение культа мертвых, – пишет Ю.А. Смирнов, – отозвалось и на интеллектуальном уровне развития общества, позволив человеку создать свой собственный, сугубо искусственный мир – Мир Мертвых, т.е. одну из первых и, пожалуй, одну из самых фундаментальных космологических моделей: модель Того Света – Потустороннего Царства» [1, с. 80].

Похоронная идеология охватывает хранящуюся в народном и религиозном сознании всю картину потустороннего мира (представления о рае и аде, об отделении души от тела, загробном бытии усопшего и т.д.), основным принципом построения которой является социально-психологическая сентенция *«Жизнь после Смерти»*.

Истолковывая тезис о том, что смерть – это переход к иным формам существования, а погребение есть обеспечение этого перехода, похоронная идеология на уровне индивидуального и общественного сознания выступает духовной основой других элементов похоронной культуры – погребальной и поминальной обрядности, определяя их форму, содержание и развитие. Именно поэтому существует обычай класть в гроб вещи, которые могут якобы пригодиться умершему на том свете.

Похоронная идеология как социально-психологический и религиозный феномен не является объектом правового регулирования. Образуя духовное содержание похоронной культуры, похоронная идеология оформляется преимущественно при помощи религиозных норм.

Итак, *похоронная культура может быть определена как разновидность социальной культуры, включающая практику обращения с телом умершего человека и увековечения памяти о нем, а также социально-психологическую модель жизни после смерти, основанная на принципах достойного отношения к телу человека после его смерти в соответствии с обычаями и традициями, сложившимися в обществе, почитания и увековечения памяти*

об умершем человеке, его прижизненного социального значения.

Обозначенные выше направления правового регулирования похоронной культуры актуализируют вопрос о правовой охране составляющих ее элементов, в том числе средствами уголовного права.

В действующем уголовном законодательстве России похоронная культура не обозначена в качестве родового или видового объекта преступления. Главная роль в уголовно-правовой охране похоронной культуры принадлежит ст. 244 УК РФ (Нарушение над телами умерших и местами их захоронения), криминализирующей посягательства на основные принципы погребальной и поминальной обрядности. Исходя из месторасположения данной уголовно-правовой нормы (глава 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»), следует, что общественно опасные посягательства против похоронной культуры относятся к группе преступлений против общественной нравственности. Таким образом, общественная нравственность и похоронная культура как объекты уголовно-правовой охраны соподчинены друг другу: похоронная культура охраняется российским уголовным правом на уровне непосредственного объекта преступления в рамках уголовно-правовой охраны общественной нравственности как видового объекта преступления.

Анализируя определения общественной нравственности, имеющиеся в литературе, а также комментарии видового объекта преступлений главы 25 Особенной части УК РФ, следует констатировать, что в теории отечественного уголовного права нет устоявшегося понимания того, что похоронная культура является самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, элементом общественной нравственности как видового объекта преступления. Нередко понятие общественной нравственности используется авторами как для определения видового объекта группы преступлений главы 25 Особенной части УК РФ (ст.ст. 240-245), так и для характеристики непосредственного объекта конкретных

преступлений, входящих в данную группу [10, с. 349]. Очевидно, такой подход нельзя считать правильным, ибо непосредственный объект не должен совпадать по объему с видовым объектом.

Практически не исследован вопрос о структуре такого видового объекта преступления, как общественная нравственность. Попытку в этом направлении предпринял Ю.М. Ткачевский, который условно разделил преступления против общественной нравственности на две группы: 1) преступления, связанные с нарушением сексуальных устоев общества (ст.ст. 240-242.1 УК РФ); 2) преступления, связанные с аморальным отношением к истории и культуре государства (ст.ст. 243-245 УК РФ). При этом, как заметил сам Ю.М. Ткачевский, однородность последней группы относительна [10, с. 426].

Р.Р. Галиакбаров определяет преступления против общественной нравственности как общественно опасные посягательства на устоявшиеся в обществе принципы морали в половой сфере, в области социальной памяти и гуманного обращения с животными. Соответственно этому ученый выделяет три группы таких преступлений [11, с. 464, 466].

Как видим, и здесь похоронная культура не позиционируется учеными в качестве отдельного объекта уголовно-правовой охраны.

Уголовно-правовая охрана похоронной культуры не исчерпывается запретом, предусмотренным ст. 244 УК РФ. Охрана похоронной культуры, в частности отношений в сфере поминальной обрядности, осуществляется также уголовно-правовой нормой, предусмотренной ст. 243 УК РФ (Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры), в случае, если подвергающееся посягательству место захоронения, надмогильное сооружение или ритуальное кладбищенское здание является памятником истории, культуры или объектом, взятым под охрану государства. В определенной мере уголовно-правовая охрана похоронной культуры осуществляется ст. 214 УК РФ (Вандализм) и ст. 213 УК РФ (Хулиганство), составы которых посягают

на общественный порядок – объект, имеющий родственные черты с общественной нравственностью. Актуальным является вопрос о разграничении указанных преступлений в таких случаях. Не последнюю роль в его решении имеет четкое понимание содержания похоронной культуры как объекта уголовно-правовой охраны.

Недооценка самостоятельного значения похоронной культуры как объекта уголовно-правовой охраны обуславливает ошибочность некоторых законодательных предложений. Так, в 2001 году законодателями Красноярского края выдвигалась инициатива введения отдельной уголовной ответственности за незаконное изъятие органов и тканей трупа человека [12, с. 206-209]. К сожалению, предлагаемый законопроект обладал массой дефектов, одним из которых было то, что его авторы неверно определили видовой и непосредственный объект нового состава преступления, предложив включить его в главу 16 УК РФ (Преступления против жизни и здоровья) после статьи 120. Пояснительная записка к законопроекту, научно-теоретический уровень которой является недостаточно высоким, среди прочих необоснованных аргументов содержала не соответствующий действительности довод о том, что по действующему УК РФ лицо, совершившее незаконное изъятие органов или тканей умершего человека для трансплантации или других целей, нельзя привлечь к уголовной ответственности. Между тем содеянное в таких случаях квалифицируется по ст. 244 УК РФ как надругательство над телами умерших. Не случайно в январе 2002 г. данный законопроект был отклонен Государственной Думой России.

Не все рассмотренные выше элементы похоронной культуры взяты под охрану средствами уголовного права. Не охраняются уголовно-правовыми нормами отношения в сфере похоронной идеологии, основанные на верованиях и мысленных представлениях, составляющие нематериализованную, духовную часть похоронной культуры. Данные отношения регулируются и оберегаются неправовыми нормами (религиозными, этическими, семейными

и пр.). В их уголовно-правовой охране нет жизненно важной социальной необходимости, так как отклонения от господствующих вероучений и общепринятых представлений о загробном мире лишены свойств общественно опасного деяния, служащего основанием криминализации.

В итоге похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны представляет собой совокупность общественных отношений в сфере обращения с телом умершего человека и увековечения памяти о нем, возникающих по поводу достойного отношения к телу человека после его смерти в соответствии с обычаями и традициями, сложившимися в обществе, почитания и увековечения памяти об умершем человеке, его прижизненного социального значения.

1. Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М., 1997. 320 с.

2. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3. Ст. 146.

3. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Русские обычаи и обряды: семейные обычаи, календарные обряды, подвижные праздники. М., 2005. 267 с.

5. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»: определение Конституционного Суда

РФ от 4 декабря 2003 г. № 459-О // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2004. № 3.

6. Бальзамирование и реставрация трупов: руководство / Л.Е. Кузнецов [и др.]. М., 1999. 296 с.

7. Положение о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта: утв. Постановлением Правительства РФ от 20 марта 2003 г. № 164: ред. от 14 июля 2006 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 12. Ст. 1139.

8. По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е.Х. Кармовой: постановление Конституционного Суда РФ от 28 июня 2007 г. № 8-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 27. Ст. 3346.

9. Крещение. Венчание. Погребение. Посты. М., 1998. 373 с.

10. Курс уголовного права. Особенная часть: учебник для вузов. Т. 4 / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002. 672 с.

11. Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999. 832 с.

12. Тихонова С.С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации: Вопросы уголовно-правового регулирования. СПб., 2002. 321 с.

Раздел 5. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений

ПОНЯТИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Н.В. Яджин

(заместитель начальника Тюменского юридического института МВД России
по научной работе, кандидат юридических наук, доцент; 8 (3452) 59-84-06)

А.В. Коптяева

(адъюнкт кафедры криминалистики и судебной экспертизы Тюменского юридического
института МВД России; 8-912-394-79-76)

В статье рассматривается проблема противодействия расследованию преступлений. Приведен ряд определений противодействия, сформулированных различными учеными. Анализируя указанные дефиниции, авторы выделяют ряд общих и индивидуальных признаков, характерных для данного явления, и формулируют собственное определение понятия противодействия расследованию преступлений, которое включает такие признаки, как объект воздействия, субъект, цель и результат данной деятельности.

Ключевые слова: противодействие, расследование преступлений, воспрепятствование расследованию.

Противодействие расследованию преступлений всегда сопровождало преступную деятельность. На протяжении всей истории развития криминалистики различные авторы изучали данное явление, присущие ему черты, а также способы противодействия.

Данная проблема исследовалась Р.С. Белкиным, В.П. Лавровым, В.Н. Карагодиным, Э.У. Бабаевой и другими учеными, сформулировавшими собственные определения понятия противодействия. Предпримем попытку анализа сходных и индивидуальных признаков, встречающихся в их определениях. Для этого приведем основные определения понятия противодействия расследованию, имеющиеся в криминалистической литературе.

Р.С. Белкин определял противодействие расследованию как «умышленную деятельность с целью воспрепятствования решению задач расследования и, в конечном счете, установлению истины по уголовному делу» [1, с. 129].

И.М. Лузгин, В.П. Лавров первоначально как противодействие расследованию рассматривали «сокрытие преступления, социально значимый акт, когда преступник осознает общественную опас-

ность и противоправность деяния и стремится избежать ответственности за содеянное» [2, с. 10].

В 1997 г. В.П. Лавров и А.Ф. Волынский предлагали определение противодействия как «совокупности противоправных и иных действий преступников и связанных с ними лиц, направленных на воспрепятствование установлению истины правоохранительными органами в их деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений» [3, с. 96].

В 2000 г. А.Ф. Волынский под противодействием раскрытию и расследованию преступлений предлагал понимать «детерминированную объективными и субъективными факторами умышленную противоправную деятельность, осуществляемую преступниками и связанными с ними лицами для достижения их целей и тем самым препятствующую решению задач расследования» [4, с. 103]. В его более поздних работах говорится о противодействии как о «системе умышленных противоправных действий (бездействия) лиц, направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по собиранию, исследованию и использованию розыскной и доказательствен-

ной информации в процессе возбуждения и расследования уголовных дел, а в итоге – на воспрепятствование правосудию» [5, с. 47].

В.Н. Карагодин понимает под противодействием «умышленные действия (систему действий), направленные на воспрепятствование выполнению задач предварительного расследования и установлению объективной истины по уголовному делу» [6, с. 18].

По мнению В.Е. Корноухова, «противодействие расследованию – это самостоятельный вид преступной деятельности или система поведенческих актов, носящая аксиальный (направленный на передачу информации конкретным адресатам) или (и) ретиальный (направленный множеству адресатов) характер, которые направлены против достижения следователем тактических и правовых целей» [7, с. 190].

Э.У. Бабаева считает, что противодействие расследованию – «умышленное или неумышленное действие (их система или деятельность) или бездействие участников процесса, а также иных лиц, заинтересованных в исходе уголовного дела, для создания препятствий при исследовании обстоятельств дела с целью воспрепятствовать решению задач раскрытия преступления и расследования» [8, с. 417].

С точки зрения А.Ф. Лубина и С.Ю. Журавлева, «противодействие расследованию можно определить как систему действий (или бездействия), преследующих цель воспрепятствовать вовлечению следов преступления в сферу уголовного судопроизводства и последующему их использованию в качестве судебных доказательств» [9, с. 345].

И.А. Климов, Г.К. Синилов противодействие определяют через «умышленное совершение поступков, поведение и действия, направленные на воспрепятствование осуществлению специального контроля над ней, эффективному выполнению задач правоохранительной функции государства с целью уклонения от ответственности виновных за содеянное либо смягчения ответственности» [10, с. 22].

А.В. Кучеров противодействием предварительному расследованию считает «умышленные действия или бездействие, осуществляемые заинтересованными субъектами, направленные на воспрепятствование предварительному расследованию с целью недопущения его всесторонности, полноты и объективности путем воздействия на информацию о преступлении и ее носители» [11, с. 22].

Ю.А. Гудков дает понятие противодействия как «комплекса организационных и тактически упорядоченных действий, совершаемых лицом, причастным к преступлению (виновным в его совершении), и иными заинтересованными лицами, направленных на воспрепятствование установлению истины по уголовному делу, уклонение от следствия и суда, преследующих цель – избежать или смягчить ответственность» [12, с. 9].

А.Ф. Волобуев указывает, что противодействие – это «действия определенных лиц, направленных на создание препятствий уже начатому расследованию (после выявления преступления и возбуждения уголовного дела)» [13, с. 43].

По мнению А.А. Навалихина, противодействием необходимо считать «умышленное противоправное поведение преступника и связанных с ним лиц, направленное на воспрепятствование расследованию и в конечном счете – установлению истины по уголовному делу» [14, с. 7].

Указанные точки зрения можно условно разделить на три группы. К первой группе следует отнести авторов, использующих деятельностный подход для определения противодействия расследованию (Р.С. Белкин, В.Е. Корноухов, А.Ф. Волынский (определение 2000 г.). Вторая группа авторов противодействие определяет через систему действий или бездействия (В.П. Лавров, А.Ф. Волынский (1997 г., 2000 г.), В.Н. Карагодин, А.Ф. Лубин, С.Ю. Журавлев, А.П. Кучеров, А.Ф. Волобуев). В третью группу нами объединены определения ученых, характеризующиеся индивидуальными подходами к толкованию рассматриваемых категорий. Так, И.М. Лузгин, В.П. Лавров в работе, издан-

ной 1980 г., противодействием называли сокрытие преступления, выражающееся в конкретном акте. И.А. Климов, Г.К. Синилов определяют противодействие через поступки, поведение, действия. А.А. Навалихин представляет противодействие как поведение человека.

Предлагаемые данными авторами индивидуальные подходы, на наш взгляд, не вполне корректно использовать для определения противодействия, поскольку акт есть «единичное действие, отдельный поступок» [15, с. 28]. Поступок, в свою очередь, определяется как «сознательное действие, оцениваемое как акт нравственного самоопределения человека, в коем он утверждает себя» [16], а поведение выступает в качестве взаимодействия живых существ со средой, опосредованного их внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью [16]. Таким образом, поведение также может проявляться в единичном акте, нередко обусловленном физиологическими факторами. Следовательно, противодействие не может осуществляться путем совершения какого-либо одного действия, т.к. состоит из системы осуществляемых субъектом действий.

Для анализа точек зрения второй выделенной нами группы авторов приведем философское определение системы. «Система (греч. *systema* – составленное из частей, соединенное) – совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность» [17, с. 584]. Критерий целостности указывает на наличие внутрисистемных связей, тогда как с внешней стороны система может быть подвергнута воздействию другой системы как объект воздействия либо использована в качестве средства воздействия на третью систему. Так, например, если рассматривать способ сокрытия преступления как системное образование, предполагающее внутренние связи, характеризующиеся сочетанием разновидностей этих способов (уничтожение, утаивание, маскировка, фальсификация, инсценировка), так и их структурными компонентами и обуславливающими применение факторами, то преступник

(а точнее, система свойств его личности) выступает внешним воздействием по отношению к системе способа сокрытия, выбирая конкретный вариант воздействия на криминалистически значимую информацию. Последняя же, выступая объектом воздействия, изменяется за счет применения системы способов сокрытия, выступающих уже в качестве средств конкретной деятельности. В связи с этим нам больше импонирует точка зрения первой группы ученых, определяющих противодействие как деятельность.

Если обратиться к общеполитическому толкованию деятельности, то она определяется как «целесообразное изменение и преобразование окружающего мира человеком» [18]. В социальной философии эта категория конкретизируется в «специфически человеческий способ отношений к миру, процесс творческого преобразования действительности, в которой человек выступает как субъект деятельности, а осваиваемые им явления мира – как ее объекты» [17, с. 160]. При анализе деятельности можно выделить ее структурные части: цели, содержание, мотивы, методы, результаты. Таким образом, деятельность включает совокупность последовательных действий субъекта, обусловленных внутренними и внешними факторами, воздействующих на объект для достижения определенного результата.

Определяя противодействие расследованию как деятельность или систему действий, Р.С. Белкин, В.Н. Карагодин, А.Ф. Волынский, И.А. Климов, Г.К. Синилов, А.П. Кучеров, А.А. Навалихин указывают на умышленный характер деятельности, а Э.У. Бабаева качественным признаком противодействия называет умышленные или неумышленные действия. Любая деятельность, осуществляемая субъектом, является осознанной, то есть лицо понимает, что в результате его действий наступят определенные последствия, и заведомо желает их наступления. Таким образом, любая деятельность является умышленной. Противодействие расследованию не может характеризоваться как неумышленное, т.к. в любом случае действия субъекта как по со-

крытию следов преступления, так и иного свойства осуществляются преднамеренно и не могут носить случайный характер. Даже если предположить, что какие-либо действия лиц, имеющих отношение к расследованию преступления, окажут случайное воздействие на криминалистически значимую информацию, субъект расследования и другие элементы деятельности по раскрытию и расследованию, но умысел этих лиц не будет направлен на осуществление противодействия, то данную деятельность нельзя назвать противодействием.

Другой качественной характеристикой противодействия, выделяемой В.П. Лавровым, А.Ф. Волынским (1997 г.), В.Е. Корноуховым, А.А. Навалихиным, выступает его преступный или противоправный характер. С этим также можно не согласиться, поскольку противодействие не всегда нарушает требования закона. Например, отказ от дачи показаний обвиняемым или подозреваемым является одним из способов противодействия расследованию, но в то же время выступает его правом в соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 46 и п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Таким образом, противодействие может осуществляться как законными, так и незаконными способами. Но в то же время необходимо отметить, что признаком противоправности рассматриваемая деятельность зачастую наделяется в силу первопричины своего возникновения, т.к. противодействие расследованию всегда порождается преступлением, по поводу которого затем возникают и реализуются уголовно-процессуальные отношения.

Анализируя понятие противодействия расследованию, выделим такой признак, как объект, т.е. то, на что направлена рассматриваемая деятельность.

Р.С. Белкин, В.Н. Карагодин, А.В. Кучеров в качестве объекта противодействия называют задачи предварительного расследования. Естественно, предлагая определения противодействия расследованию, указанные авторы ограничивают объект воздействия задачами досудебного производства. Однако уже в стадии предварительного расследования противодействие со стороны подозреваемых (обвиняемых)

и иных заинтересованных в их судьбе лиц может быть направлено на задачи как судебных стадий, так и стадий исполнения приговора.

В.П. Лавров, А.Ф. Волынский (1997 г.), Ю.А. Гудков, А.А. Навалихин в качестве объекта противодействия расследованию определяют установление истины по уголовному делу. Изначально судопроизводство нацелено на достижение объективной истины. Однако специфика судебного познания заключается в том, что доказательства сторонами могут и не предоставляться или предоставленная совокупность доказательств не позволяет установить, что в действительности произошло, но решение по делу должно быть все равно вынесено. Таким образом, при невозможности установить истину суд принимает решение формального (процессуального) характера. Мы считаем, что не следует приводить самостоятельно данную категорию как объект, так как достижение истины не всегда присутствует в результате разрешения уголовного дела.

И.А. Климов, Г.К. Синилов указывают, что противодействие расследованию осуществляется путем воспрепятствования задачам правоохранительной функции. Сущность правоохранительной функции является достаточно объемной. К ее задачам можно отнести охрану общественного порядка, обеспечение безопасности населения, конституционный контроль и др. Очевидно, что при реализации перечисленных помимо раскрытия преступлений задач уровень противодействия будет незначителен, поэтому нет необходимости рассматривать как объект воздействия все задачи правоохранительных органов.

По мнению таких ученых, как А.Ф. Волынский (2008 г.), В.Е. Корноухов, противодействие расследованию направлено на передачу информации. На наш взгляд, наличие определенной информации обеспечивает степень решения задач уголовного судопроизводства. Соответственно именно задачи уголовного судопроизводства выступают объектом воздействия, а непосредственное воздействие заинтересованных лиц направлено на кри-

миналистически значимую информацию и ее источники, которые будут выступать предметом противодействия. Здесь следует согласиться с мнением А.В. Кучерова, который считает, что данная деятельность осуществляется путем воздействия на информацию о преступлении и ее носители.

Э.У. Бабаева, определяя противодействие, подчеркивает, что данная деятельность осуществляется с целью воспрепятствования решению задач раскрытия и расследования преступления. По нашему мнению, задачи раскрытия и расследования преступлений не могут выступать в качестве целей противодействия заинтересованных лиц, поскольку ряд задач никак не может мотивировать на противодействие (например, задачи разрешения заявлений и сообщений о преступлении, обеспечение прав лиц, проходящих по уголовному делу, и пр.). Виновные в совершении преступления субъекты, а также связанные с ними лица мотивированы на противодействие с целью избежания уголовной ответственности, а достижение этой цели реализуют путем воздействия на задачи уголовного судопроизводства, которые, как уже говорилось, следует рассматривать как объект воздействия.

А.Ф. Лубин и С.Ю. Журавлев при трактовке противодействия говорят не о задачах расследования, а указывают на предмет воздействия – следы преступления и доказательства. С нашей точки зрения, воздействие в ходе расследования уголовного дела оказывается не только на следы, но и на их носитель. Например, по отношению к свидетелю, обладающему какой-либо важной для следствия информацией, могут применяться угрозы, запугивание и др. средства, чтобы он данную информацию не разгласил. Таким образом, воздействие в первую очередь оказывается на информацию, но не каждый след является информацией, и не каждая информация может приобрести характер доказательства.

В определении А.Ф. Волынского (2008 г.) объектом противодействия, помимо собирания, исследования и использования информации, является правосудие. Под правосудием принято понимать «фор-

му государственной деятельности, которая заключается в рассмотрении и разрешении судом отнесенных к его компетенции дел – об уголовных преступлениях, о гражданских спорах» [19, с. 241]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что правосудие включает разрешение не только уголовных, но и гражданских дел. По нашему мнению, определяя противодействие как деятельность, направленную на воспрепятствование правосудию, автор выходит за пределы предмета криминалистики [20, с. 274].

С точки зрения В.Е. Корноухова, противодействие расследованию направлено также против достижения следователем тактических и правовых целей. В своем определении автор указал на конкретного субъекта, подвергающегося воздействию, т.е. на следователя. Как было отмечено выше, противодействие не ограничивается стадией предварительного расследования, а присутствует и при возбуждении уголовного дела, и на судебных стадиях. В связи с этим при формулировании определения понятия противодействия недостаточно указывать на цели деятельности только следователя.

Таким образом, вторым признаком противодействия расследованию выступают объект воздействия в виде задач уголовного судопроизводства и предмет воздействия – криминалистически значимая информация и ее носители.

Нами уже указывалось, что неотъемлемой частью любой деятельности является цель. В приведенных формулировках противодействия цель выделяют следующие авторы: И.М. Лузгин, В.П. Лавров (1980 г.), А.Ф. Волынский (2000 г.), Э.У. Бабаева, И.А. Климов, Г.К. Синилов, Ю.А. Гудков, А.В. Кучеров. В трактовках остальных ученых цель данной деятельности не указывается.

В.П. Лавров, И.М. Лузгин считают, что целью преступника, противодействующего расследованию, является избежание ответственности за содеянное. И.А. Климов, Г.К. Синилов, Ю.А. Гудков в качестве цели называют избежание либо смягчение ответственности. А.Ф. Волынский говорит о целях преступника и связанных с ним

лиц, но не конкретизирует данные цели. А.В. Кучеров предлагает рассматривать как цель недопущение всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования. Э.У. Бабаева (как уже говорилось ранее) в качестве цели противодействия определяет воспрепятствование решению задач раскрытия и расследования преступления. По поводу приведенного мнения Э.У. Бабаевой мы уже высказывались выше, те же аргументы можно привести по позиции А.В. Кучерова. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования выступают в качестве принципа уголовного судопроизводства, а значит, как основополагающее начало определяют круг задач отдельных стадий. Следовательно, А.В. Кучеров, как и Э.У. Бабаева, подменяют объектом противодействия ее цель. Последняя же, на наш взгляд, верно определена у И.А. Климова, Г.К. Синилова и Ю.А. Гудкова. Преступник и иные заинтересованные лица, создавая препятствия для тщательного изучения уголовного дела, сбора информации и др., конечной целью имеют избежание либо смягчение ответственности. Это и будет выступать третьим признаком рассматриваемой научной категории.

Большинство из приведенных нами определений содержат указание на субъект, осуществляющий противодействие.

И.М. Лузгин, В.П. Лавров (1980 г.) как лицо, оказывающее противодействие, называют преступника. В определении В.П. Лаврова, А.Ф. Волынского (1997 г.), А.А. Навалихина субъектами названы преступник и связанные с ним лица. Категорией «преступник» в большей мере оперирует криминология, с позиций науки криминалистики арсенал криминалистических средств и методов воздействия разрабатывается применительно к лицу, причастному к преступлению (в том случае, если дело еще не возбуждено), либо субъекту, имеющему процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

И.А. Климов, Г.К. Синилов считают, что субъектами являются «виновные в содеянном». В нашем понимании данный вид деятельности осуществляется не только

субъектами, совершившими преступление, но и другими заинтересованными лицами. Например, свидетели, потерпевшие (в силу оказания на них воздействия), родственники, знакомые подозреваемого, обвиняемого или подсудимого также могут желать того, чтобы все обстоятельства преступного события не были выяснены, и деяние было квалифицировано неверно. Кроме этого, окончательно вопрос о виновности решается уже в суде, а как уже было сказано выше, противодействие осуществляется и в других стадиях.

Э.У. Бабаева говорит о том, что противодействие осуществляется участниками процесса и иными заинтересованными лицами. «Участники процесса» – это категория уголовно-процессуальной науки. В разделе II УПК РФ перечислены участники уголовного процесса, среди которых назван также и сам следователь. Мы не исключаем, что и следователь может быть заинтересован в избежании лицом, совершившим преступление, уголовной ответственности. Но в этом случае вообще утрачивается основание говорить о деятельности по преодолению преступного противодействия, так как именно следователь априори рассматривается как участник процесса, не относящийся к субъектам противодействия. Кроме этого, УПК РФ содержит указание на лиц с неопределенным процессуальным статусом. Например, в числе участников процесса не упоминается должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, хотя в ряде статей закона определяются полномочия данного субъекта. Не исключено, что и оперуполномоченный может выступать в числе субъектов противодействия. Так, например, по уголовному делу, находящемуся в производстве Следственной части Главного следственного управления при ГУВД по Тюменской области, возбужденному в отношении неустановленных лиц по ч. 4 ст. 159 УК РФ, осуществлялось дополнительное оперативное сопровождение сотрудниками Управления по борьбе с экономическими преступлениями ГУВД, которыми было установлено наличие коррумпированной связи между

одним из заподозренных по данному делу лиц и оперативными сотрудниками районного подразделения БЭП, осуществлявшими сбор первичного материала. В ходе контроля и записи переговоров заподозренных лиц было установлено, что разрабатываемые осведомлены о предстоящем обыске в принадлежащих им фирмах. Для участия в обыске первоначально планировалось привлечь оперативных сотрудников районного подразделения, которые по указанию заподозренных намеревались в ходе поисковых действий уничтожить несколько файлов с информацией. Планируемое противодействие было пресечено*.

А.В. Кучеров указывает, что воздействие оказывается заинтересованными субъектами. Ю.А. Гудков выделяет как субъекта лицо, причастное к преступлению, и иных заинтересованных лиц. На наш взгляд, последняя позиция является наиболее верной, так как субъект противодействия не определяется через процессуальный статус, его субъективное отношение к содеянному, и не ограничивается только лицами, совершившими посягательство.

Помимо обозначенных нами общих признаков, можно выделить и индивидуальные. Так, А.Ф. Волобуев указывает, что противодействие оказывается уже начатому расследованию, после выявления преступления и возбуждения уголовного дела. С нашей точки зрения, неверно ограничивать противодействие временными рамками, так как какие-либо действия по сокрытию преступления могут осуществляться заинтересованными лицами до выявления преступления и возбуждения уголовного дела.

А.Ф. Волынский в определении 2000 г. противодействие охарактеризовал как детерминированную объективными и субъективными факторами деятельность. Любая деятельность имеет социальную обусловленность, т.е. возникает под воздействием каких-либо объективных причин. С другой стороны, она осуществляет-

ся субъектом деятельности и обуславливается личными мотивами, является субъективной. В связи с этим, на наш взгляд, нет необходимости выделять самостоятельно признак обусловленности факторами.

По словам В.Е. Корноухова, данный вид деятельности носит аксиальный (направленный на передачу информации конкретным адресатам) или (и) ретинальный (направленный множеству адресатов) характер. Следует согласиться с мнением ученого о том, что противодействие тем или иным образом оказывается на информацию, способы ее передачи и носители. Однако данное определение сложно для восприятия и требует отсылки к толкованию некоторых терминов.

Таким образом, проведенный анализ обозначенных определений рассматриваемой категории позволил выделить значимые признаки противодействия, объединение которых привело нас к мнению о том, что под противодействием расследованию следует понимать осуществляемую с целью избежания или смягчения ответственности деятельность причастных к преступлению и иных заинтересованных лиц по воспрепятствованию решения задач уголовного судопроизводства посредством воздействия на криминалистически значимую информацию и ее носители.

1. Белкин Р.С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования: учебник / под ред. Т.В. Аверьяновой и Р.С. Белкина. М.: Новый Юрист, 1997. 990 с.

2. Лузгин И.М., Лавров В.П. Способ совершения преступления и его криминалистическое значение. М.: Академия МВД СССР, 1980. 256 с.

3. Волынский А.Ф., Лавров В.П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализа-

* В настоящее время уголовное дело находится в производстве, в связи с этим его номер не приводится.

ции: материалы науч.-практ. конф., Руза, 29-30 октября 1996 г. М.: ЮИ МВД России, 1997. С. 93-99.

4. Волынский А.Ф., Федоренко А.Ю. Противодействие раскрытию и расследованию преступлений: общественная опасность и роль криминалистических методов и средств в его преодолении // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всероссийский «круглый стол»: сб. тез., Ростов-на-Дону, 15-16 июня 2000 г. Ростов н/Д, 2000.

5. Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. 943 с.

6. Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1992. 176 с.

7. Криминалистика: учебник / под ред. В.Е. Корноухова. М.: Юристъ, 2000. 784 с.

8. Бабаева Э.У. Вопросы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию // «Черные дыры» в российском законодательстве: Юрид. журнал. 2003. № 3. С. 413-435.

9. Криминалистика: Расследование преступлений в сфере экономики: учебник / под ред. В.Д. Грабовского, А.Ф. Лубина. Н. Новгород: Нижегородская ВШ МВД России, 1995. 400 с.

10. Климов И.А, Синилов Г.К. Противодействие криминальной среды как объект и предмет исследования теории ОРД // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: материалы науч.-практ.

конф., Руза, 29-30 октября 1996 г. М.: ЮИ МВД России, 1997. С. 20-27 с.

11. Кучеров А.В. Противодействие расследованию по делам о военных преступлениях и методы его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 203 с.

12. Гудков Ю.А. Криминальное противодействие в уголовном процессе и оперативно-розыскные меры по его преодолению (по материалам аппарата уголовного розыска): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 25 с.

13. Волобуев А.Ф. Противодействие расследованию экономических преступлений и его преодоление // Государство и право. 2002. № 4. С. 42-47.

14. Навалихин А.А. Противодействие расследованию мошенничества и криминалистические методы его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. 231 с.

15. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. 921 с.

16. Словарь психологических терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychologist.ru/.../index.htm?id=1716> (дата обращения: 17 сент. 2010 г.).

17. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверницев [и др.]. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.

18. Философский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.onlinedics.ru/.../fin/d/dejatelnost.html> (дата обращения: 17 сент. 2010 г.).

19. Румянцев О.Г., Додонов В.И. Юридический энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 1997. 241 с.

20. Белкин Р.С. Избранные труды. М.: Норма, 2008. 768 с.

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Е.А. Бачеванжи

(адъюнкт кафедры криминалистики и судебной экспертизы Тюменского юридического института МВД России; 8 (3452) 59-84-42)

В статье рассмотрено понятие комплексной экспертизы, виды комплексных экспертиз при расследовании дорожно-транспортных преступлений, возможности данных экспертиз на современном этапе и преимущество перед проведением отдельных видов судебных экспертиз.

Ключевые слова: дорожно-транспортное преступление, комплексная экспертиза, медико-автотехническая экспертиза, трасолого-автотехническая экспертиза, дорожно-техническая экспертиза, транспортное средство.

Расследование дорожно-транспортных преступлений представляет значительную сложность, поскольку для установления обстоятельств совершенного преступления требуются специальные знания в области таких наук, как физика, химия, математика, медицина, психология и пр. В связи с этим, как отмечает А.А. Проткин, важная роль в расследовании данной категории дел отводится судебным экспертам. Наиболее характерными из них являются: судебно-автотехническая, судебно-медицинская вещественных доказательств (биологическая), трасологическая, судебная экспертиза веществ, материалов и изделий [1].

Анализ материалов уголовных дел показал, что при расследовании ДТП в 56 % случаев* назначались комплексные экспертизы в зависимости от обстоятельств совершенного преступления, которые являются одним из наиболее действенных инструментов решения прикладных задач методики расследования дорожно-транспортных преступлений.

В соответствии со ст. 201 УПК РФ комплексной называется судебная экспер-

тиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей [2]. В статье 23 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» закреплено, что комплексной признается комиссионная судебная экспертиза, которая производится экспертами разных специальностей, каждый из них проводит исследования в пределах своих специальных знаний. Каждый эксперт, участвующий в производстве комплексной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность [3].

В п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» сказано, что если эксперт обладает достаточными знаниями, необходимыми для комплексного исследования, он вправе дать единое заключение по исследуемым вопросам [4].

В научной литературе вопрос о проведении комплексных экспертиз является дискуссионным. Так, И.М. Зельдес к признакам, характеризующим комплексную экспертизу как одну из методик судебной экспертизы, относит:

1) глубокое и всестороннее научное изучение объектов экспертизы – вещественных доказательств, а также других материалов – уголовных дел, живых лиц и др.;

* В ходе исследования по специальной программе было изучено 207 уголовных дел, возбужденных по факту нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, и 2 уголовных дела, возбужденных по факту нарушения правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта.

2) наиболее полное выявление самых различных по своей природе свойств, характеристик и иной полезной информации об имевшем место событии, содержащейся в исследуемом объекте;

3) применение методов, основанных на данных смежных областей науки или техники [5].

По нашему мнению, существенным дополнением к определению понятия комплексной экспертизы является третий признак, а именно использование данных смежных областей науки и техники, тогда как первые два признака, указанные автором, присущи всем видам судебных экспертиз.

Таким образом, комплексная экспертиза назначается не столько для исследования одного объекта, сколько для разрешения вопроса, ответить на который возможно лишь путем использования одновременно разных, в том числе и смежных областей знаний, проводя совместное исследование.

Вместе с тем практика показывает, что производство комплексной экспертизы в зависимости от конкретных обстоятельств дела может быть поручено специалистам не только смежных, пограничных наук. Нельзя раз и навсегда определить, какие отрасли знания пограничны, а какие нет. В практической деятельности проявляются точки соприкосновения и органическая взаимосвязь наук, казалось бы, обособленных. Пограничными становятся отрасли знания, внешне далекие одна от другой. В этом заключается одно из глубинных свойств науки – ее универсальность.

Как уже было отмечено, при расследовании уголовных дел о ДТП также возникают ситуации, требующие знаний из самых различных областей, порой в самых неожиданных сочетаниях. Попытки заранее определить и, тем более, ограничить жесткими рамками объем знаний, который может потребоваться для решения вопросов, возникающих перед органами следствия и суда, неосновательны.

Событие дорожно-транспортного преступления входит в систему «дорожное движение», состоящую из относительно самостоятельных, но взаимосвязанных

элементов, комплексное исследование которых позволяет проследить связь «человек – транспортное средство – среда» и решить задачи с использованием знаний в форме комплексной экспертизы.

Первым элементом системы дорожного движения являются участники дорожного движения. Действия или бездействие водителя транспортного средства, пешехода, пассажира не только могут явиться причиной ДТП, но и непосредственно влияют на механизм совершения преступления.

В соответствии со ст. 196 УПК РФ судебно-медицинская экспертиза лиц, пострадавших в результате ДТП, назначается для установления причин смерти, а также характера и степени вреда, причиненного здоровью [2]. Проведенное исследование материалов уголовных дел позволило нам сделать вывод о том, что данный вид судебных экспертиз назначается в 100 % случаев, при этом решаются задачи, относящиеся к исключительной компетенции судебно-медицинской экспертизы: установление причин смерти, установление характера и степени вреда, причиненного здоровью в результате преступления, определение состояния непосредственного участника ДТП в момент его совершения (болезненное состояние, наличие физических недостатков и т.п.), определение признаков и свойств биологических объектов, изъятых в качестве вещественных доказательств с места преступления (выделения человеческого организма, кровь, волосы и т.п.).

При назначении и производстве данной экспертизы за пределами компетенции судмедэксперта остаются вопросы, касающиеся определения специфических повреждений на теле потерпевших, отражающих свойства частей и деталей транспортного средства. В ходе судебно-медицинской экспертизы, по мнению А.А. Коссовича, можно лишь определить повреждения, не характерные для события ДТП, такие, которые могут возникнуть от действия любого тупого или острого предмета в условиях конкретных обстоятельств ДТП (наезд на пешехода, столкновение транспортных средств, выпадение из транспортного

средства), т.е. связанные с диагностикой события преступления [6, с. 83].

Как представляется, судмедэксперт не вправе решать, например, такие вопросы, которые касаются идентификации транспортного средства, участвовавшего в ДТП, по специфическим повреждениям и следам, оставленным им на теле потерпевшего, если он не обладает специальными знаниями в области трасологии и автотехники.

В ходе расследования уголовных дел о ДТП при наличии соответствующих следов для решения вопросов о механизме образования повреждений на теле потерпевшего, идентификации частей транспортных средств и определении механизма ДТП, как правило, назначается медико-автотехническая либо медико-криминалистическая комплексная экспертиза с участием специалиста-трассолога или автотехника. Только путем совместного использования специальных знаний в области судебной медицины, автотехники и трасологии возможно решить вопросы по установлению механизма образования телесных повреждений на теле потерпевших, по установлению связи имеющихся на потерпевших травм с произошедшим ДТП. Данные вопросы невозможно решить без учета величины и направления действия сил на людей и транспортные средства, и учета особенностей контактирующих объектов и конструкции автомобилей.

Вторым элементом системы дорожного движения является транспортное средство, исследование которого в качестве объекта осуществляется при производстве трассолого-автотехнической комплексной экспертизы. Исследование технического состояния транспортного средства как в рамках однородной судебно-автотехнической, так и комплексной экспертизы должно изучаться в тесной взаимосвязи с другими элементами системы дорожного движения.

Анализ материалов уголовных дел о ДТП показал, что комплексная трассолого-автотехническая экспертиза назначалась в 62 % случаев. Необходимо отметить, что при назначении автотехнической или тра-

сологической экспертизы перед экспертом ставились вопросы, касающиеся механизма совершенного дорожно-транспортного преступления в целом либо отдельных его частей. На наш взгляд, данные вопросы относятся к компетенции комплексной экспертизы, поскольку установление факта и механизма контактного взаимодействия транспортных средств, предметов окружающей обстановки, лиц, непосредственно участвующих в происшествии, возможно в рамках судебной трассологической, автотехнической и судебной экспертизы веществ, материалов и изделий. Как показало изучение материалов уголовных дел, назначение комплексной автотехнической экспертизы и экспертизы веществ, материалов и изделий (исследование технического состояния деталей и узлов транспортных средств) осуществлялось лишь в 4 % случаев. Полагаем, назначение данных комплексных экспертиз при расследовании ДТП позволит установить время, механизм возникновения неисправности, т.е. разрушение детали, узла и т.п. в условиях конкретной дорожно-транспортной ситуации.

Третьим элементом системы дорожного движения является окружающая среда (строительные и эксплуатационные характеристики и свойства автомобильной дороги, ее структурные элементы, дорожные сооружения, средства организации дорожного движения и т.д.). Ее экспертное исследование осуществляется посредством комплексной дорожно-технической экспертизы, позволяющей установить обстоятельства, связанные с состоянием дорожной обстановки, которые способствовали или могли способствовать возникновению ДТП, причины и время образования дефектов на дороге, которые создали угрозу безопасности дорожного движения, и т.п.

Комплексные экспертизы при расследовании ДТП открывают перед органами следствия и судом новые, более широкие возможности получения судебных доказательств, поскольку, как в свое время указывал В.И. Шиканов, «коэффициент полезного действия» специалистов, привлеченных для производства той или иной комплексной экспертизы, превышает про-

стую арифметическую сумму возможностей, которыми располагает каждый из них в отдельности [7].

Таким образом, производство комплексной экспертизы при расследовании уголовных дел о дорожно-транспортных преступлениях следует рассматривать как объективный результат, основанный на интеграции знаний различных областей науки, техники, искусства или ремесла, применяемый при исследовании процессов и явлений, который существенно расширяет познавательные возможности эксперта, следователя и суда. Кроме того, важным фактором становления и развития комплексной экспертизы является то, что она позволяет отвечать на такие вопросы, которые оставались без ответа при проведении судебных экспертиз отдельных видов.

1. Проткин А.А. Методика расследования дорожно-транспортных происшествий // Криминалистика / под общ. ред. А.Г. Филиппова. М.: Юрайт, 2010. 715 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: ред. от 07.02.2011 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921; Рос. газ. 2011. 8 февр., 10 февр.

3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Феде-

рации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ: ред. от 28 июня 2009 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 23. Ст. 229; Рос. газ. 2009. 1 июля.

4. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 дек. 2010 г. № 28 // Рос. газ. 2010. 30 дек.

5. Зельдес И.М. Комплексные исследования в судебной экспертизе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969. 19 с.

6. Коссович А.А. Информационно-криминалистическое обеспечение комплексных судебных экспертиз при расследовании дорожно-транспортных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 239 с.

7. Шиканов В.И. Комплексная экспертиза – методологический и процессуальный аспекты // Теоретические, процессуальные и организационные проблемы судебной экспертизы: материалы Всесоюзной науч. конф. «Современные тенденции развития судебной экспертизы вещественных доказательств и пути внедрения новых физических, химических и биологических методов исследования в экспертную практику». Ч. 1. М.: ВНИИСЭ, 1972. С. 70.

Раздел 6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ СВЕДЕНИЙ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЛИЦА, УЧАСТВУЮЩЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

И.В. Кончакова

(начальник отделения Информационного центра Главного управления внутренних дел по Воронежской области, г. Воронеж; 8 (4732) 51-15-54)

В данной статье представлены некоторые авторские суждения о проблемах регулирования основополагающих положений о нераспространении сведений о частной жизни лица, участвующего в уголовном судопроизводстве. Проведен сравнительно-правовой анализ соответствующих норм уголовно-процессуальных законов Российской Федерации и отдельных стран ближнего зарубежья

Ключевые слова: *нераспространение сведений, частная жизнь, уголовное судопроизводство.*

Общеизвестно, что основополагающие положения уголовного судопроизводства, отраженные в уголовно-процессуальном законе, закреплены в его принципах (от латинского термина «*principium*», означающего «начало», «основа»). Поддерживая мнение Н.С. Алексеева, В.Г. Даева, Л.Д. Кокорева, необходимо отметить, что одной из центральных в науке уголовного процесса была и остается проблема принципов судопроизводства [1].

Принципы, установленные законом, являются высшей ступенью законодательства, имеют наиболее высокую степень абстрагирования и получают свое логическое развитие и конкретизацию в других нормах уголовно-процессуального закона, что не исключает их прямого действия. На них можно ссылаться при решении конкретного уголовного дела, при обосновании правоприменительного акта либо усилении авторитетности принимаемого решения, опираясь на принцип процесса [2].

Принципы уголовного судопроизводства, имея основополагающий характер, определяют сущность и содержание всех уголовно-процессуальных норм. Исходя из принципов и в соответствии с ними должны формулироваться статьи уголовно-процессуального закона, в том числе и те, которые регулируют положения о нераспространении сведений о частной

жизни лица, участвующего в уголовном судопроизводстве. Реализация подобных принципов уголовно-процессуального законодательства должна осуществляться посредством установления прав, обязанностей и ответственности участников уголовного процесса, а также правил досудебного и судебного производства.

Однако из содержания УПК РФ достаточно трудно понять, какими уголовно-процессуальными принципами регулируется ответственность участников уголовного судопроизводства за разглашение сведений о частной жизни лица, попавшего в орбиту уголовного процесса. Думается, что осуществление защиты сведений о частной жизни лица, участвующего в уголовном судопроизводстве, должно быть воплощено в принципах уголовного судопроизводства, которые получают свое развитие в деятельности государственных органов и должностных лиц по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел.

Так, в частности, статьей 12 (Уважение чести и достоинства личности) УПК Туркменистана и статьей 13 (Уважение чести и достоинства личности) УПК Республики Казахстан определяется, что не допускается сбор, использование и распространение сведений о частной жизни, а равно сведений личного характера, кото-

рые лицо считает необходимым сохранить в тайне, для целей, не предусмотренных настоящим Кодексом. Статьей 17 (Уважение чести и достоинства личности) УПК Республики Узбекистан установлен запрет на выполнение действий, которые приводят к распространению сведений об обстоятельствах личной жизни гражданина.

Отдельные страны ввели в свои уголовно-процессуальные кодексы самостоятельный принцип, обеспечивающий защиту частной жизни лица, участвующего в уголовном судопроизводстве.

Так, статья 13 (Неприкосновенность личной жизни) УПК Грузии устанавливает принцип неприкосновенности личной жизни лица. В соответствии с ним при производстве процессуальных действий не подлежат разглашению сведения о личной жизни граждан, а равно сведения личного характера, которые лицо считает необходимым сохранять в тайне. Дознаватель, следователь, прокурор, судья, суд путем взятия с участников следственных или судебных действий подписки предупреждают их о неразглашении указанных сведений. Лица, которым причинен вред незаконным разглашением сведений об их личной жизни, имеют право на его полное возмещение.

В статье 15 УПК Республики Молдова установлен принцип неприкосновенности частной жизни граждан. В части второй этой статьи сказано, что в ходе процессуальных действий не должны собираться без надобности сведения о частной и интимной жизни лица, которые оно считает конфиденциальными. Участники процессуальных действий по требованию органа уголовного преследования и судебной инстанции берут на себя письменное обязательство о неразглашении подобных сведений.

В статье 13 (Охрана личной жизни) УПК Республики Беларусь определено, что каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений. Никто не может при производстве по материалам и уголовному делу быть лишен указанного права или ограничен в

нем иначе как по основаниям и в порядке, установленным настоящим Кодексом.

В УПК РФ нет нормы, которая устанавливала бы принцип, основополагающие положения для защиты от незаконного распространения сведений о частной жизни лица, участвующего в уголовном судопроизводстве. Не соответствует этим требованиям и статья 9 УПК РФ (Уважение чести и достоинства личности), в которой сказано, что в ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению [3]. Отсутствие необходимой нормы свидетельствует о незащищенности сведений о частной жизни лица, участвующего в уголовном судопроизводстве. Не решает этих проблем и статья 161 УПК РФ (Недопустимость разглашения данных предварительного расследования).

Итак, практическая значимость принципов уголовного судопроизводства, в том числе и для обеспечения неприкосновенности частной жизни граждан, велика. Важность закрепления основополагающих положений о нераспространении сведений о частной жизни лица, участвующего в уголовном судопроизводстве, включает в себя несколько аспектов.

Во-первых, принципы уголовного судопроизводства кладутся в основу формирования уголовно-процессуального законодательства, а это, в свою очередь, создает условия для развития соответствующих норм, необходимых для защиты частной жизни граждан.

При этом подготовка проектов уголовно-процессуальных правовых актов обязывает руководствоваться уже установленными принципами уголовного судопроизводства, обеспечивающими неприкосновенность частной жизни граждан. В связи с этим ни одна процессуальная норма не

должна им противоречить. И наоборот, нормы, регулирующие уголовное судопроизводство и касающиеся частной жизни лица, должны вытекать из установленного принципа процесса и соответствовать ему. Нарушение этого требования может повлечь признание соответствующей нормы уголовно-процессуального закона не соответствующей Конституции РФ либо ее отмену в будущем, как изданной с нарушением принципов уголовного судопроизводства.

Во-вторых, принципам уголовного судопроизводства подчинено решение всех частных вопросов уголовно-процессуальной деятельности. Закон не может предусмотреть и урегулировать все вопросы, которые могут возникнуть в каждом конкретном случае. Следовательно, когда участник уголовно-процессуального отношения действует самостоятельно, без конкретных указаний закона, он в своих действиях обязан руководствоваться принципами уголовного судопроизводства. Например, в статьях УПК РФ, регламентирующих порядок производства следственных действий, не упоминается о том, что следователь, дознаватель и орган дознания в ходе производства следственных действий не вправе осуществлять действия, унижающие честь, а также человеческое достоинство участника следственного действия.

Однако это обстоятельство не дает права следователю, дознавателю или органу дознания при производстве расследования допускать в отношении участника процесса слова, жесты и иные действия, хотя и не создающие опасности для жизни и здоровья личности, что прямо запрещено законом (ч. 4 ст. 164 УПК РФ), но унижающие честь и человеческое достоинство участника процесса. Осуществление ими таких действий неминуемо должно иметь своими последствиями привлечение к ответственности должностного лица, возмещение морального вреда лицу, чьи честь и достоинство были нарушены.

Изложенное правило, хотя прямо и не закреплено законом, но подлежит применению как вытекающее из принципа, изложенного в ст. 9 УПК РФ, запрещающего

в ходе уголовного судопроизводства осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство. Реализация принципов уголовного судопроизводства в каждом конкретном деле, каждом уголовно-процессуальном правоотношении – юридическая обязанность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда и их должностных лиц.

В-третьих, особое значение принципы уголовного судопроизводства имеют в правоприменительной деятельности при наличии пробелов в праве или, что чаще всего бывает, при пробельности уголовно-процессуального законодательства, а также при коллизии (несогласованности) правовых норм либо затруднении в их применении. В указанных случаях суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель также обязаны руководствоваться принципами уголовного процесса, однако отсутствие в настоящее время в УПК РФ основополагающих положений о нераспространении сведений о частной жизни лица, участвующего в уголовном судопроизводстве, создает условия для незащищенности таких сведений и возможных нарушений прав граждан.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что принципы уголовного судопроизводства оказывают влияние на содержание уголовно-процессуальных норм и уголовно-процессуальной деятельности, уголовно-процессуальное нормотворчество, уголовно-процессуальные акты и в целом на правосознание субъектов уголовного судопроизводства. Отсутствие основополагающих положений о нераспространении сведений о частной жизни лица, участвующего в уголовном судопроизводстве, влечет за собой проявление произвола, беззакония, несправедливости, всевозможных ограничений прав и законных интересов личности и иных отрицательных последствий в сфере частной жизни гражданина.

1. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского

уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. С. 37. 252 с.

2. URL: <http://www.kursach.com/biblio/0070001/03.htm> (дата обращения: 16 нояб. 2010 г.).

3. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб., 2007. 992 с.

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

А.С. Морозов

(адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского юридического
института ФСИН России; morozovlalex@yandex.ru)

В статье раскрываются проблемные вопросы квалификации действия и бездействия субъекта, сущности соблюдения, исполнения и использования правовых предписаний. В работе также освещен вопрос содержания понятия «деятельность» применительно к физическим и юридическим лицам, автор приводит инновационные, хотя и не бесспорные выводы, в том числе о том, что с позиции логики совершение преступления, по сути, является соблюдением предписания уголовно-правовой нормы, то есть правомерным поведением.

Ключевые слова: объективная сторона, правомерность, деятельность, деяние, действие, бездействие, преступление, состав.

Из теории уголовного права известно, что каждый элемент состава преступления имеет ключевое значение при квалификации деяния. Лишь при наличии всех элементов состава деяние может признаваться преступлением. При квалификации правомерного поведения деяние также подлежит рассмотрению по составу его элементов: субъекту, субъективной стороне, объекту, объективной стороне. Каждый из них, как и при рассмотрении неправомерного поступка, очень важен для квалификации. В настоящей статье будет рассмотрена объективная сторона правомерного поступка.

Объективная сторона всякого деяния, в том числе и правомерного, в силу своей наглядности представляется значимой, поскольку именно по ее содержанию о деянии судит подавляющее большинство населения, не имеющее специальных юридических знаний либо просто не информированное о подробностях происходящего. Объективная сторона правомерного поведения по сравнению с объективной стороной поведения неправомерного не является чем-то из ряда вон выходящим; правомерные действия (бездействие) субъектов права чаще всего не оцениваются как положительные, а воспринимаются как должные, обычные, заурядные.

Во всяком цивилизованном обществе, в том числе российском, «юридической оценке подлежат только объективно выраженные деяния» [1, с. 372], в России данное положение обеспечено нормой, содержащейся в ч. 1 ст. 29 Конституции РФ [2], гарантирующей каждому свободу мысли.

Действительно, о том, что в первую очередь юридической оценке деяние подлежит в силу его объективной стороны, и ранее говорилось многими авторами. Объективная сторона деяния является выражением субъективной стороны, и «качество» мыслей субъекта может быть оценено только в случае их внешнего проявления в каком-либо поступке. Однако при этом субъективная и объективная стороны поступка не находятся в жесткой зависимости друг от друга. Внешне выраженное деяние может не иметь «внутреннего» содержания, может не быть следствием субъективной стороны. В связи с этим ошибочно и нелогично характеризовать одно через другое.

Объективная сторона правомерного поведения, по мнению многих теоретиков права [3, с. 39-41; 4, с. 622], выражается в следующих формах: исполнение норм права (активная форма); использование права (диспозитивные нормы); соблюдение норм права; применение права. При этом

М.Н. Марченко отмечает: «В юридической литературе вполне обоснованно утверждается, что соблюдение запретов, исполнение обязанностей, использование предоставленных прав, применение права государственными органами и должностными лицами составляют суть правомерного поведения» [4, с. 622].

Наиболее важным элементом объективной стороны поступка (в том числе и правомерного), по нашему мнению, является деяние. Оно представляет собой мельчайшую единицу поведения, именно из него строится объективная сторона поступка.

В справочно-энциклопедической литературе деянием называется «действие, поступок, дело» [5, с. 167]. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова определяли деяние как «действие, поступок, свершение» [6, с. 164]. В правовой доктрине оно понимается как «поведение человека, выраженное в определенной объективной форме» [7, с. 32], «поведение, находящееся под контролем воли и разума человека» [8, с. 78; 9, с. 492], и как «собирательный термин, обозначающий внешний акт общественно опасного поведения человека» [10, с. 52]. На наш взгляд, исключительно «общественно опасный» характер деяния не следует включать в перечень его признаков. Такой характеристикой, безусловно, деяние обладать может, но обладает не всякое деяние. Например, в соответствии с российским законодательством общественно опасными являются деяния, предусмотренные Особенной частью уголовного закона; в отношении иных деяний, также преследуемых государственным законом (гражданско-правовых, дисциплинарных проступков, административных правонарушений и др.), такого требования не установлено, а в отношении правомерных действий и бездействия такое требование вовсе является абсурдным. Даже рассматривая деяния исключительно с уголовно-правовых позиций, предположение о том, что оно всегда общественно опасно, делает нелогичной формулировку понятия преступления как общественно опасного деяния, поскольку деяние общественно опасно само по себе.

Кроме того, если все деяния общественно опасны, возникает вопрос об «общественной опасности» поощряемых государством и обществом поступков, которые, безусловно, являются деяниями.

Деяние может выражаться в одной из двух форм: действии (активное поведение) или бездействии (пассивное поведение, состоящее в невыполнении лицом своей обязанности совершить определенные действия) [7, с. 32].

В.Н. Казаков понимал действие как не подлежащую правовой квалификации операцию в случае, если оно берется безотносительно к его значению для общества [3, с. 18]. Оно «может быть признано целесообразным или нецелесообразным, полезным или бесполезным, экономным или не экономным, расчетливым или нерасчетливым, логичным или нелогичным и т.д.» [3, с. 18], но «эти характеристики определяют операционные свойства действия, а не социальные. Так, резание ножницами выступает как действие-операция в работе закройщика. Действие предстает как поступок, когда принимается во внимание его значение для кого-либо. И резание ножницами ленты может стать поступком, если оно знаменует собой, например, торжественный акт открытия выставки. В данном случае не так важна операционная сторона поступка, как именно его социальная характеристика» [3, с. 18].

Такое понимание «действия» нам представляется спорным, поскольку одно и то же действие субъекта для отдельного члена общества имеет значение, а для другого – совершенно никакого значения не имеет. В одном случае деяние следует признавать «действием-операцией», а в другом – «действием-поступком». Дополнив проиллюстрированную В.Н. Казаковым ситуацию с закройщиком, приведем следующий пример. Закройщик режет кусок ткани, который оказывается платком, принадлежащим гражданке «А». Для гражданки «Б», не имеющего никакого отношения к гражданке «А», действие закройщика не представляет никакого значения, но для гражданки «А» уничтожение ее собствен-

ности имеет непосредственное «социальное» значение.

Вообще, говоря о значимости деяния для общества, не следует забывать о почти миллионном числе его членов, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, о лицах, ведущих маргинальный, преступный образ жизни. Многие «общественно полезные» деяния (например, «задержание лица, совершившего преступление») вряд ли приносят им существенную пользу. Критерий полезности для общества, в силу неоднородности и «разношерстности» самого общества, представляется нам относительным, и поэтому недопустимым при квалификации деяния.

Бездействием В.И. Радченко и А.С. Михлин называли «пассивное поведение, которое состоит в невыполнении лежащей на лице обязанности действовать определенным образом при наличии реальной возможности к тому» [11, с. 29]. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова под бездействием понимали «отсутствие деятельности, должной энергии» [6, с. 40]. В.Н. Казаков, определяя бездействие с психофизиологической точки зрения, указывал, что оно «обладает теми же объективными началами, что и действие: это поведение человека, находящееся под контролем сознания и носящее волевой характер» [3, с. 19], т.е. указывал на тождественность их природы и наличие лишь внешних различий.

В.Н. Кудрявцев считал, что в форме бездействия происходит реализация подавляющего большинства норм-запретов, содержащихся в Уголовном кодексе Российской Федерации. В связи с этим неудивительно, что всякое конкретное бездействие определяется через признаки корреспондирующего ему действия [3, с. 20]. Раскрывая предложенный В.Н. Кудрявцевым тезис, следует вывод о том, что каждый субъект, воздержавшись один раз от совершения преступления нормы права, тем самым совершает правомерный поступок в форме бездействия, а систематическое умышленное нарушение правовых норм может свидетельствовать о его правомерном поведении, осуществляемом в той же форме.

Рассуждая о нормах уголовного закона России, Г.П. Новоселов несколько иначе подходил к вопросу их соблюдения (несоблюдения). Он негативно высказывался о том, что вместо реально существующих в обществе правовых, религиозных, нравственных и иных установок в юридической науке под объектом преступного деяния стал пониматься сам уголовный закон [12, с. 165], и, в частности, отмечал следующее: «Признание преступным деяния, предусмотренного и одновременно запрещенного уголовно-правовыми нормами, привело к такой его трактовке, при которой в нем мыслилось нечто соответствующее уголовному закону и вместе с тем нарушающее его» [12, с. 165]. Г.П. Новоселов в этом вопросе был полностью солидарен с известнейшим юристом начала XX века Н.С. Таганцевым, который, в свою очередь, рассматривал выражение «нарушение уголовного закона» как «очевидное недоразумение» [12, с. 165], а также писал, что «всякий уголовный закон содержит в себе описание преступного деяния (диспозитивная часть) и назначенное за него наказание (санкция); но описание логически не может быть нарушено; напротив того, для применения закона уголовного необходимо, чтобы учиненное было юридически тождественным диспозиции закона, его определению» [12, с. 165]. Таким образом, Г.П. Новоселов и Н.С. Таганцев с легкостью доказывают нелогичность традиционного подхода к соблюдению (несоблюдению) норм-запретов. Действительно, применительно к норме, описывающей «действие», соблюдением является совершение субъектом подобного действия, а несоблюдением – воздержание от него, независимо от того, какого рода санкции (позитивные, негативные) предусмотрены нормой. Например, норма ст. 123 УК РФ [13] предусматривает «производство аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля», т.е. форму действия. Совершение подобного действия таким лицом является соблюдением нормы, и наоборот, оказание помощи больному лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или специальным правилом, по сути, явля-

ется несоблюдением нормы ст. 124 УК РФ, предусматривающей неоказание такой помощи, т.е. нормы, обязывающей бездействовать. Предложенный Н.С. Таганцевым и Г.П. Новоселовым нестандартный и, на первый взгляд, даже могущий показаться абсурдным подход к определению действия (бездействия) относительно норм-запретов, по нашему мнению, достоин права на существование и, безусловно, заслуживает пристального внимания теоретиков.

Важной представляется также оценка «действия» и «бездействия» субъекта через призму цели их совершения. Нам трудно себе представить полное бездействие живого существа, т.к. у него непрерывно изменяется положение тела в пространстве, а именно: происходит процесс дыхания (движется диафрагма грудной клетки), сокращается (расслабляется) сердечная мышца, течет кровь по венам, не говоря уже о непрерывных молекулярных химических процессах, происходящих в организме. В связи с этим бездействием организма (с натяжкой) можно признать лишь состояние его анабиоза либо смерти. Живой организм всегда действует, даже если при этом ни один внешний его орган не двигается. И при движении внешних органов (начиная с ресниц, мимических мышц лица и заканчивая руками и ногами) не всегда можно сказать о действии либо бездействии субъекта. Оно должно считаться таковым исходя из объекта, на которое направлено. Так, например, в соответствии со ст. 125 УК РФ сотрудник береговой охраны, находящийся при исполнении своих служебных обязанностей, не предпринявший мер для спасения утопающего, но при этом не впавший в состояние обездвиженности, а ходивший вдоль берега, прыгавший, певший песни и т.д. (в общем, действовавший), совершает тем самым уголовное преступление в форме бездействия.

В.В. Оксамытный также считает, что активность может проявляться в бездействии, но его аргументация производится уже на основаниях, отличных от наших. По его мнению, субъект, соблюдая установленные правом запреты, тем самым выражает к ним свое отношение [14, с. 122], и

уже это отношение вменяется ему в некое подобие активности. Такая позиция, безусловно, заслуживает внимания. Ее новизна и в то же время слабость заключаются в том, что действие и бездействие, традиционно являющиеся элементами сугубо объективной стороны деяния, переносятся в субъективную сторону деяния. Бездействуя на уровне тела, субъект «действует» на уровне мысли. К счастью, действующее на сегодняшний день российское законодательство каждому гарантирует свободу мысли. Однако такой подход весьма актуален для иных, негосударственных источников права, а именно для религиозных норм поведения.

Еще одним из предлагаемых в науке уровней организации поведения является «деятельность», но, как и всякий предмет теоретических дискуссий, в целом она не имеет точного определения.

В.Н. Казаков считает, что «деятельность представляет собой совокупность поступков, направленных к единой цели» [3, с. 18]. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой деятельность определяется так:

- «занятия, труд. *Научная деятельность, педагогическая деятельность*»;
- «работа каких-нибудь органов, а также сил природы. *Деятельность сердца, деятельность вулкана*» [6, с. 164].

В.М. Баранов писал о деятельности следующее: «Далеко не все виды поведения можно признать деятельностью. Поведение может быть неосознанным и выступать реакцией организма на внутренние или внешние раздражители» [8, с. 13]. Мы, в свою очередь, «поведение» и «поступок» различаем с «деятельностью» и «деянием» именно по признакам «осознанности» и наличия «воли». В связи с этим деятельностью называем совокупность деяний субъекта, а поведением – совокупность его осознанных и волевых деяний, т.е. поступков. Сложным нам представляется отнесение деятельности к совокупности исключительно активных деяний (т.е. действий) либо к совокупности деяний в целом (активных и пассивных), поэтому мы не сужа-

ем его область определения, допуская оба из возможных его состояний.

Теоретически деятельность и поведение в форме бездействия совершаться могут, но лишь временно, непостоянно. Воспользовавшись инструментарием уголовного права, можно привести в пример лицо, совершающее злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, т.е. продолжаемое преступление в форме бездействия. В данном примере норма ст. 177 УК РФ в равной степени может распространяться и на поведение (в случае совершения деяний физическим лицом) и на деятельность субъекта (в случае совершения деяний юридическим лицом).

Исходя из того, что деятельность является, по сути, поведением за вычетом «сознания» и «воли», трудно говорить о ней применительно к одушевленному субъекту, поскольку в таком случае он должен постоянно находиться в состоянии отсутствия сознания и воли относительно выполняемых деяний, что на практике весьма затруднительно. По нашему мнению, в большей степени о «деятельности» следует говорить в отношении юридических лиц либо иных коллективов субъектов. М.Ф. Орзих совершенно верно отмечал, что «деятельность коллектива реализуется большей частью через деятельность составляющих его людей» [8, с. 79].

По нашему мнению, деятельность является своего рода «поведением» юридических лиц. Она, по сути, составляет совокупность поступков физических лиц, но в целом образует деятельность юридического лица, поскольку само юридическое лицо не может иметь психического отношения к совокупности производимых им деяний, его может иметь только лишь каждый из его живых членов.

Между поведением и деятельностью есть одно важное, ключевое различие: первое не всегда направлено на достижение какой-либо цели, оно состоит из поступков, каждый из которых в отдельности преследует какую-либо цель, но в целом они могут не иметь единого ориентира. Деятельность всегда направлена на достижение какого-либо результата. Если пове-

дение всегда должно выражаться вовне, то деятельность, по нашему мнению, может благополучно осуществляться на уровне мыслительных процессов, в рамках субъективной стороны. Интеллектуальный труд ученого, поэта, архитектора и многих других зачастую происходит без каких-либо внешних проявлений, при этом он, как правило, востребован подавляющей частью общества, полезен, необходим и, безусловно, правомерен.

Исследование вопросов, связанных с квалификацией правомерного поведения, остается широким полем для деятельности ученых-теоретиков права. В настоящей статье были рассмотрены лишь немногие проблемы, связанные с квалификацией объективной стороны правомерного поведения. Дальнейшее изучение этого вопроса, уверены, найдет свое отражение в теории права.

1. Чепурнова Н.М., Серегин А.В. Теория государства и права: учеб. пособие. М.: ЕАОИ, 2007. 465 с.

2. Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 4. Ст. 445.

3. Казаков В.Н. Правомерное поведение и правопорядок: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 185 с.

4. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. М.: Проспект, 2004. 640 с.

5. Новый экономический и юридический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Ин-т новой экономики, 2003. 1088 с.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.

7. Рарог А.И. Понятие и признаки преступления // Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев [и др.], под ред. А.И. Рарога. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2005. 696 с.

8. Тюрина Н.И. Правомерное поведение как объект юридического исследо-

вания: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 218 с.

9. Бабаев В.К. Правомерное поведение. Правонарушения: учебник. М.: Юристъ, 2003. 592 с.

10. Галахова А.В. Понятие преступления и виды преступлений // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 3-е изд., доп. и испр. М.: Юрайт-Издат, 2004. 917 с.

11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. СПб., 2008. 784 с.

12. Новоселов Г.П. Преступление, его родовые и видовые признаки // Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 720 с.

13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1993 г. № 63-ФЗ: ред. от 29 июня 2009 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

14. Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук Киев, 1990. 374 с.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПНЫЕ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВЫБОРАХ, СОВЕРШАЕМЫЕ ЧЛЕНАМИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ

А.В. Торопов

(соискатель кафедры уголовного права Тюменского юридического института
МВД России; 8 (3452) 59-84-37)

В статье рассматриваются вопросы совершенствования правового регулирования ответственности за преступные нарушения законодательства о выборах, совершаемые членами избирательных комиссий. Предлагается исключить из Уголовного кодекса России ст. 142-1 «Фальсификация итогов голосования». Разработаны правила квалификации преступных нарушений законодательства о выборах, совершаемых членами избирательных комиссий.

Ключевые слова: выборы, фальсификация избирательных документов, документов референдума, итогов голосования, злоупотребление должностными полномочиями, служебный подлог, квалификация преступных нарушений законодательства о выборах.

Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за преступные нарушения законодательства о выборах, совершаемые членами избирательных комиссий, не вызывает сомнений. О необходимости ведения борьбы с данными негативными явлениями мерами уголовно-правового характера свидетельствует не только исторически сложившаяся юридическая практика в области уголовно-правовой охраны отношений, складывающихся в сфере избирательного процесса, а равно отражение в национальном (российском) законодательстве общепризнанных принципов и норм международного права в данной сфере, но и о высокая общественная опасность преступных нарушений законодательства о выборах, совершаемых членами избирательных комиссий. Именно эта идея лежит в основе криминализации преступных действий (бездействия) членов избирательных комиссий, непосредственно связанных с организацией и проведением выборов.

Действующее уголовное законодательство предусматривает ряд мер, направленных на борьбу с преступными нарушениями законодательства о выборах, совершаемыми членами избирательных комиссий. Это прежде всего нормы, устанавливающие уголовную ответственность за фальсификацию избирательных доку-

ментов, документов референдума либо итогов голосования (ч. 1 ст. 142, ст. 142-1 УК РФ). Вместе с тем это законодательное решение, на наш взгляд, не имеет достаточного обоснования.

Рассматривая вопрос о совершенствовании правового регулирования ответственности за преступные нарушения законодательства о выборах, совершаемые членами избирательных комиссий, первоначально определим некоторые важные посыпки и тезисы.

1. Прецедентность преступных нарушений законодательства о выборах, совершаемых членами избирательных комиссий (преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 142 УК РФ «Фальсификация избирательных документов, документов референдума» и ст. 142-1 УК РФ «Фальсификация итогов голосования»), невелика. Так, в процессе изучения судебной практики в г. Тюмени и Тюменской области нами не было выявлено ни одного обвинительного приговора по ст. 142 и 142-1 УК РФ, вынесенного в период с 2000 по 2010 гг. Кроме того, по данным проведенного нами опроса членов избирательных комиссий (35 респондентов), ни один из них (100 % опрошенных) в своей практической деятельности не сталкивался со случаями привлечения члена избирательной комиссии к уголовной ответственности за фальсифи-

кацию избирательных документов, документов референдума либо фальсификацию итогов голосования.

2. Избирательные комиссии относят к органам власти, что прямо определяется Федеральным законом от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1]. Фальсификация избирательных документов, документов референдума либо фальсификация итогов голосования (ч. 1 ст. 142, ст. 142-1 УК РФ), совершенная членом избирательной комиссии (комиссии референдума), есть прежде всего нарушение интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. При этом причиняется вред названным благам не в качестве дополнения к основному непосредственному объекту (общественным отношениям, обеспечивающим реализацию избирательных прав граждан), а в качестве основного объекта посягательства. Следовательно, основным непосредственным объектом предусмотренных ч. 1 ст. 142, ст. 142-1 УК РФ преступлений, совершенных членом избирательной комиссии (комиссии референдума), являются интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления; факкультативным объектом – избирательные права граждан.

3. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 142-1 УК РФ «Фальсификация итогов голосования», по сути, дублирует отдельные положения ч. 1 ст. 142 УК РФ «Фальсификация избирательных документов, документов референдума». Исходя из того, что в конечном итоге фальсификация избирательных документов, документов референдума совершается ради создания доказательственной базы сфальсифицированных результатов голосования (выборов), целесообразно объединить положения ч. 1 ст. 142 и ст. 142-1 УК РФ в одну норму Уголовного кодекса Российской Федерации.

4. Член избирательной комиссии с правом решающего голоса, работающий в указанных комиссиях на постоянной (штатной) основе, соответствует всем кри-

териям должностного лица, в связи с этим его следует относить к должностному лицу, легальное определение которого дано в примечании к ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями».

5. Наиболее распространенными мотивами преступных нарушений законодательства о выборах, совершаемых членами избирательных комиссий, являются корыстный мотив, а также иная личная заинтересованность (стремление члена избирательной комиссии извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т.п.). Цели данных преступлений могут быть социально полезными (ложно понимаемые интересы службы).

Таким образом, можно заметить, что все существенные характеристики объективных и субъективных признаков злоупотребления должностными полномочиями в полной мере могут быть применены к членам избирательных комиссий, преступно нарушающим законодательство о выборах. Соответственно, есть все законные основания квалифицировать преступные нарушения законодательства о выборах, совершаемые членами избирательных комиссий, по ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями».

Кроме того, необходимо обратить внимание на тот факт, что в соответствии с абз. 3 и 4 п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [2], в случаях, когда должностное лицо, используя свои служебные полномочия, совершило другие незаконные действия, связанные со злоупотреблением должностными полномочиями, содеянное им надлежит квалифицировать по совокупности указанных преступлений. Точно таким же образом, исходя из положений статьи 17 УК РФ, должен решаться вопрос, связанный с правовой оценкой действий долж-

ностного лица, совершившего служебный подлог. В случаях, когда такое лицо в связи с исполнением своих служебных обязанностей внесло в официальные документы заведомо ложные сведения либо исправления, искажающие их действительное содержание, содеянное должно быть квалифицировано по статье 292 УК РФ. Если же им, наряду с совершением действий, влекущих уголовную ответственность по статье 285 УК РФ, совершается служебный подлог, то содеянное подлежит квалификации по совокупности со статьей 292 УК РФ.

Ответственность за служебный подлог предусмотрена ст. 292 УК РФ. Под служебным подлогом понимается внесение должностным лицом, а также служащим органа местного самоуправления, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности.

Предметом служебного подлога могут быть только официальные документы. В литературе высказывались различные мнения о содержании признака «официальный». Так, по мнению ряда авторов, официальные документы – это только те документы, которые исходят от государственных и муниципальных организаций [3, с. 11-12]. Другие авторы полагают, что официальные документы – это письменные акты и другие материальные носители информации (например, дискета), которые исходят от государственных или муниципальных организаций либо находящиеся в делопроизводстве этих организаций [4, с. 71; 5, с. 28]. Из примечания 1 к ст. 285 УК РФ следует, что эти документы должны исходить не от любых государственных или муниципальных организаций, а только от государственных органов или органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, должностных лиц Вооруженных Сил РФ, других войск и воинских формирований РФ.

Документ как письменный акт, исходящий от названных организаций, должен

иметь определенные реквизиты: бланк, штамп, печать, дату, номер, подпись составителя. Документ, составленный частным лицом или исходящий от коммерческих и иных организаций, но находящийся в ведении указанных организаций, может и не иметь всех перечисленных реквизитов, но при этом должен отвечать определенным требованиям (заявления, объяснения, письма, справки и т.п.) [5, с. 29].

Избирательный бюллетень или бюллетень для голосования на референдуме, открепительное удостоверение, список избирателей или участников референдума, протокол об итогах голосования, сводная таблица об итогах голосования имеют указанные реквизиты, и поэтому являются официальными документами. В связи с этим есть все основания отнести названные документы к предмету служебного подлога (ст. 292 УК РФ).

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод: целесообразно исключить из главы 19 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» нормы, предусматривающие уголовную ответственность за преступные нарушения законодательства о выборах, совершаемые членами избирательных комиссий (ч. 1 ст. 142 УК РФ «Фальсификация избирательных документов, документов референдума» в части совершения данного преступления «членом избирательной комиссии, комиссии референдума» и ст. 142-1 УК РФ «Фальсификация итогов голосования»), и оценивать данные преступные деяния как должностные преступления – ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями» и ст. 292 УК РФ «Служебный подлог». Следует отметить, что за такой вариант совершенствования правового регулирования ответственности за преступные нарушения законодательства о выборах, совершаемых членами избирательных комиссий, высказались 33 члена избирательных комиссий из 35 опрошенных (94,4 %).

Обратим внимание, что мы не ведем речь о декриминализации преступных нарушений законодательства о выборах,

совершаемых членами избирательных комиссий, а предлагаем унифицировать действующее уголовное законодательство в этой части, исключив из него статьи (не уголовно-правовые нормы), наличие которых в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации не вполне обосновано с точки зрения:

- теории уголовного права (определения непосредственного объекта преступных нарушений законодательства о выборах, совершаемых членами избирательных комиссий);

- правил законодательной техники (дублирования отдельных положений в диспозициях действующих норм, предусмотренных ч. 1 ст. 142 и ст. 142-1 УК РФ);

- практики применения данных норм (о чем свидетельствует очень низкий уровень зарегистрированных соответствующих преступлений).

Во исполнение обозначенного решения мы предлагаем внести в Уголовный кодекс Российской Федерации следующие изменения:

1) исключить из части 1 статьи 142 Уголовного кодекса Российской Федерации слова «членом избирательной комиссии, комиссии референдума», а саму часть 1 статьи 142 Уголовного кодекса Российской Федерации изложить в следующей редакции:

«1. Фальсификация избирательных документов, документов референдума, если это деяние совершено уполномоченным представителем избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума, а также кандидатом или уполномоченным им представителем, –»;

2) исключить из Уголовного кодекса Российской Федерации ст. 142-1 «Фальсификация итогов голосования».

В рамках исследования проблем совершенствования правового регулирования ответственности за преступные нарушения законодательства о выборах, совершаемые членами избирательных комиссий, целесообразно рассмотреть вопросы квалификации таких преступлений.

Как уже отмечалось, преступные нарушения законодательства о выборах, совершаемые членами избирательных комиссий, следует оценивать (квалифицировать) как должностные преступления – ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями» и ст. 292 УК РФ «Служебный подлог».

В специальной литературе обоснованно звучали предложения о дифференциации уголовной ответственности за фальсификацию избирательных документов, документов референдума в случаях, если это деяние повлияло на результаты выборов или референдума [6, с. 7]. Применительно к составу злоупотребления должностными полномочиями необъективное установление результатов выборов или референдума необходимо расценивать как тяжкие последствия и квалифицировать по ч. 3 ст. 285 УК РФ.

Так, в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» отмечается: «Под тяжкими последствиями как квалифицирующим признаком преступления, предусмотренным частью 3 статьи 285 УК РФ и пунктом «в» части 3 статьи 286 УК РФ, следует понимать последствия совершения преступления в виде крупных аварий и длительной остановки транспорта или производственного процесса, иного нарушения деятельности организации, причинение значительного материального ущерба, причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т.п.» [2].

Часть 1 ст. 77 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» определяет: «Если при проведении голосования или установлении итогов голосования были допущены нарушения настоящего Федерального закона, иного закона, регламентирующих проведение соответствующих выборов, референдума, вышестоящая комиссия до установ-

ления ею итогов голосования, определения результатов выборов, референдума может отменить решение нижестоящей комиссии об итогах голосования, о результатах выборов и принять решение о повторном подсчете голосов, а если допущенные нарушения не позволяют с достоверностью определить результаты волеизъявления избирателей, участников референдума - о признании итогов голосования, результатов выборов недействительными» [1]. Проведение повторных выборов требует больших материальных затрат. Так, по словам прежнего главы Центральной избирательной комиссии Александра Вешнякова в интервью ИТАР-ТАСС, на прошлые выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации было заложено 3,9 миллиарда рублей, а на выборы Президента Российской Федерации 4,3 миллиарда рублей [7]. Соответственно, проведение повторных выборов следует расценивать как «причинение значительного материального ущерба» в результате преступных нарушений законодательства о выборах, совершаемых членами избирательных комиссий, и квалифицировать по ч. 3 ст. 285 УК РФ.

Применительно к уголовно-правовой оценке служебного подлога можно указать следующее. По конструкции основной состав служебного подлога - формальный. В свою очередь, в ч. 2 ст. 292 УК РФ описывается квалифицированный состав служебного подлога. В качествеотягчающего обстоятельства здесь указаны последствия служебного подлога в виде «существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства». При служебном подлоге в отношении избирательных документов, документов референдума, итогов голосования вред причиняется избирательным правам граждан, предусмотренным и гарантированным общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией России, либо законным интересам политических партий и иных объединений. Таким образом, налицо последствия в виде существенного нарушения прав и законных

интересов граждан и организаций, предусмотренные в ч. 2 ст. 292 УК РФ. Следовательно, фальсификация избирательных документов, документов референдума автоматически должна влечь квалификацию содеянного по ч. 2 ст. 292 УК РФ.

Исходя из сказанного, можно предложить следующие правила квалификации преступных нарушений законодательства о выборах, совершаемых членами избирательных комиссий:

1) преступные нарушения законодательства о выборах, совершаемые членами избирательной комиссии с правом решающего голоса, работающими в указанных комиссиях на постоянной (штатной) основе, должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями» и ч. 2 ст. 292 УК РФ «Служебный подлог»;

2) необъективное установление результатов выборов или референдума следует расценивать как тяжкие последствия и квалифицировать по ч. 3 ст. 285 УК РФ;

3) если должностное лицо составляет официальный документ, издание которого входит в компетенцию вышестоящего должностного лица, причем документ не содержит заведомо ложных сведений, состава служебного подлога в действиях виновного нет, и такое лицо должно нести ответственность по ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий».

Таковы основные предложения законодательного и правоприменительного свойства в части совершенствования правового регулирования ответственности за преступные нарушения законодательства о выборах, совершаемые членами избирательных комиссий.

И в заключение мы хотим указать еще на некоторые аргументы в пользу предлагаемого нами решения.

Так, если максимальное наказание по ч. 1 ст. 142 УК РФ составляет четыре года лишения свободы (по ст. 142-1 УК РФ также четыре года лишения свободы), то при квалификации деяния членов избирательной комиссии с правом решающего голоса, работающих в указанных комиссиях

на постоянной (штатной) основе, по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 285 и ч. 2 ст. 292 УК РФ, максимальное наказание может составлять восемь лет лишения свободы. Если же имело место необъективное установление результатов выборов или референдума (ч. 3 ст. 285 УК РФ), то максимальное наказание может быть увеличено с восьми лет лишения свободы до восемнадцати (!) лет лишения свободы.

Кроме того, член избирательной комиссии с правом решающего голоса, работающий в указанных комиссиях на постоянной (штатной) основе, в сравнении с иными специальными субъектами преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 142 УК РФ (уполномоченным представителем избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума или иной группы участников референдума, а также кандидатом или уполномоченным им представителем), действует как публичное, а не частное лицо. Этот факт также следует учитывать при дифференциации ответственности в части фальсификации избирательных до-

кументов, документов референдума либо итогов голосования.

1. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.
2. Рос. газ. 2009. 30 окт.
3. Умалатов Б.У. Уголовная ответственность за халатность по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976.
4. Тюнин В., Макарова Т. Новые составы должностных преступлений (юридический анализ) // Уголовное право. 2004. № 2.
5. Седых А.В. Проблемы квалификации должностных преступлений и отграничение от смежных // Российский следователь. 2007. № 16.
6. Елисеева Т.Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Моск. ун-т МВД России, 2004.
7. URL: <http://student.km.ru/view.asp?id=442C7666209543498A9AD3DF865F798D&fp=2&fl=20&sort=1> (дата обращения: 11 окт. 2010 г.).

СИГНАЛЬНОЕ ОРУЖИЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА**С.Д. Титов**

(адъюнкт кафедры управления деятельностью служб общественной безопасности
Академии управления МВД России, г. Москва; sdtit@mail.ru)

В статье дана характеристика понятия оружия; рассмотрены признаки оружия; оценена содержательная часть легального определения оружия; сделан вывод о том, что отсутствие точного легального определения оружия привело к определенным проблемам правового регулирования сигнальных устройств, конструктивно схожих с оружием.

Ключевые слова: гражданское оружие, сигнальное оружие, правовое регулирование, пиротехника, конструктивность, целевое назначение, поражающая способность.

Потребность граждан в удовлетворении своих интересов, и в частности самозащита, защита членов своей семьи и собственности, занятия спортом и охотой, с одной стороны, и необходимость повышения эффективности борьбы с незаконным оборотом оружия, с другой стороны, требует особого правового регулирования оборота гражданского оружия. Основой более точного и четкого закрепления содержания прав и обязанностей субъектов сферы оборота оружия являются правовые дефиниции оружия.

Впервые на законодательном уровне в Российской Федерации попытка нормативно урегулировать оборот оружия была осуществлена принятием Закона от 20 мая 1993 г. № 4992-1 «Об оружии» [1]. Принятый закон оказался не совсем удачным. Многие его положения в период становления рынка оружия не отвечали требованиям времени, что вызвало необходимость принятия нового закона.

Согласно принятому Федеральному закону от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» [2] претерпели изменения некоторые определения, видоизменены существовавшие и введены новые понятия. Законом был существенно расширен перечень гражданского оружия. Виды гражданского оружия дополнены сигнальным оружием и холодным оружием, предназначенным для ношения с казачьей формой, а также национальными костюмами народов Российской Федерации.

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г.

№ 150-ФЗ «Об оружии» под оружием понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. В Законе РФ «Об оружии» 1993 г. под оружием понимались устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, а также основные части оружия, определяющие его функциональное назначение.

Как мы видим, определением оружия в действующем законодательстве основные части оружия, определяющие его функциональное назначение, не охватываются, но добавляется оружие сигнальное. Ряд авторов считает, что из понятия оружия такая его категория, как сигнальное оружие, должна быть исключена.

По мнению В.М. Плескачевского, к «сигнальному оружию могут быть отнесены не только револьверы и пистолеты, конструктивно предназначенные для отстрела не только газовых и “шумовых” патронов, но и милицейский свисток, и даже крупный ключ с полым стержнем, с помощью которых можно издать свист» [3, с. 310].

О.С. Григорьева утверждает, что такая формулировка законодательного определения оружия явно неудачна, «ибо этому описанию полностью соответствуют такие предметы, как, например, свисток, фонарь, колокольчик или звонок. Иначе говоря, это “оружие”, которое не имеет ни боеприпаса, ни патрона и не может поразить цель» [4, с. 17].

Законодатель в определении оружия закрепил следующие признаки, отличающие его от иных предметов:

1. *Конструктивность*, т.е. признак, идентифицирующий оружие по совокупному набору его составных частей (конструктивные особенности его устройства).

2. *Целевое назначение*, т.е. совокупность признаков, идентифицирующих оружие по его целевому назначению. Основной целью оружия законодатель определяет поражение живой или иной цели. Под поражением цели подразумевается временное или постоянное (вплоть до прекращения существования) нарушение целостности объекта или его функционирования. Помимо поражения цели, законодателем одним из целевых назначений оружия закреплена и подача сигналов.

3. *Поражающая способность*, т.е. способность, которая в большей степени определяется типологией оружия. В этом аспекте поражение цели может быть осуществлено самостоятельным объектом (пуля, газ, стрела и т.п.), достигающим цели за счет свойств оружия (использование энергии пороховых газов), либо непосредственно самим оружием (холодное оружие).

Из трех приведенных признаков оружия, закрепленных в Федеральном законе «Об оружии» 1996 г., сигнальному оружию присущ признак, по нашему мнению, «искусственно» добавленного законодателем второго целевого назначения, а именно подача сигналов.

Кроме этого, некоторые авторы для исключения сигнального оружия из оборота оружия ссылаются на определения понятия оружия, данные В.М. Плескачевским и Д.А. Корецким.

В.М. Плескачевский под оружием понимает «материальное средство индивидуального применения, которое конструктивно и функционально предназначено для нанесения летальных повреждений человеку или животному, а также для специального разрушения сооружений» [5, с. 33].

Д.А. Корецкий под оружием понимает «предметы и механизмы, специально предназначенные для поражения живых целей

или мишеней, изготовленных по типу исторических образцов, которые максимально соответствуют заданиям “преступного замысла” и которые не имеют второго целевого предназначения» [6, с. 132].

Предложенное В.М. Плескачевским определение понятия оружия, по нашему мнению, не применимо к Закону «Об оружии», поскольку в понятие оружия, данное им, вложен ярко выраженный агрессивный характер, направленный на уничтожение как одушевленных, так и неодушевленных объектов материального мира. Указанное определение более характерно для боевого оружия.

Понятие оружия, данное Д.А. Корецким, также не применимо в рассматриваемом нами смысле и идет вразрез с урегулированными Законом «Об оружии» отношениями. Д.А. Корецкий в своем определении на первый план ставит целевое предназначение оружия как предметов и механизмов, способствующих совершению преступных посягательств (т.е. как орудия совершения преступления). Закон «Об оружии» регулирует правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового оружия на территории Российской Федерации, направлен на защиту жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение общественной безопасности, охрану природы и природных ресурсов, укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью и незаконным распространением оружия.

Из истории становления сигнального оружия в России мы знаем, например, что в морском сражении между русским и японским флотами, произошедшем в 1904 г., флагманский броненосец «Пересвет» был лишен всех мачт. Это обстоятельство лишило командующего эскадрой адмирала Витгефта возможности поднимать на реях мачт флажные сигналы и управлять подчиненными кораблями. Впоследствии командование российского флота пришло к выводу о необходимости введения дополнительного типа сигнализации (помимо флажных и прожекторных сигналов), которая не зависела бы от мачт и надстроек. Та-

кой сигнализацией стала пиротехническая сигнальная система.

В соответствии с Федеральным законом «Об оружии» 1996 г. сигнальное оружие может быть конструктивно предназначено только для подачи световых, дымовых или звуковых сигналов. В статье 13 Закона закреплено, что сигнальные пистолеты и револьверы калибра не более 6 мм приобретаются без лицензии и не регистрируются.

Согласно перечню пиротехнической продукции, утвержденному Постановлением Правительства РФ от 24 декабря 2009 г. № 1082 «Об утверждении технического регламента о безопасности пиротехнических составов и содержащих их изделий», к средствам пиротехнических сигнальных изделий общего назначения относятся парашютные ракеты, ракетницы, патроны-мортирки, фальшфейера, дымовые шашки и т.п. Их предназначение – подача световых, дымовых и шумовых сигналов.

Из перечисленных видов пиротехнических сигнальных средств конструктивную схожесть с оружием имеет лишь ракетница. Ракетницей именуют устройства, предназначенные для пуска и корректировки траектории полета ракет. В законодательстве для их обозначения обычно используется термин «сигнальный пистолет». Под сигнальным пистолетом понимается короткоствольное, гладкоствольное ручное неавтоматическое оружие, предназначенное для стрельбы пиротехническими (осветительными и дымовыми) патронами. Фактически это и есть развитие конструкции ружей и боеприпасов охотничьего типа, в результате конструкторских поисков оказавшейся наиболее удобной и рациональной для пиротехнической сигнализации. По этой причине и калибр сигнальных пистолетов обозначается (как правило) двояко в миллиметрах либо по системе охотничьего обозначения калибров. Сигнальные пистолеты снаряжаются сигнальными патронами. Сигнальный патрон состоит из гильзы, капсюля, вышибного заряда, картонного и войлочного пыжей, звёздки или дымового мешка. Вышибной заряд – из черного пороха. При горении заряда в гильзе образуются газы, которые,

выталкивая, воспламеняют звёздки или дымовой мешок. Сигнальный пистолет прицельного огня не имеет. А.Д. Благов, на наш взгляд, правильно указывает, что «возможность причинения вреда ракетницей, сигнальным пистолетом и т.п. не позволяет автоматически причислять данные устройства к оружию, так как конструктивно они имеют совсем другое назначение. Следуя данной логике, к категории оружия необходимо отнести и другие предметы, способные поразить живую цель, – строительно-монтажные пистолеты, хозяйственно-бытовые ножи, молотки, бейсбольные биты, топоры» [7, с. 44].

Мы разделяем точку зрения И.В. Делягина о том, что целесообразно было бы положить в основу классификации оружия, в первую очередь, его назначение, как наиболее стабильный признак, так как именно назначением оружия и определяются его конструктивные особенности [8, с. 59].

Изначально назначением сигнальных средств являлось и является не поражение цели, а лишь подача сигналов – привлечение внимания, способ управления и координации действий, наблюдение, обозначение места положения и т.д. Этим и определяются его конструктивные особенности, которые не позволяют идентифицировать такие изделия с оружием. Конструкции сигнальных средств разнообразны, но их отличительной особенностью является именно направленность на подачу сигналов, но ни в коем случае не поражение цели. Следовательно, сигнальные средства не имеют поражающей способности.

Соглашаясь с мнением А.И. Бойцова о том, что перечисленные предметы (строительно-монтажные пистолеты и т.д.) обладают достаточно большой поражающей мощностью, позволяющей использовать их для совершения насильственных преступлений, по своему назначению они остаются все же орудиями труда, а не оружием [9, с. 645]. Данное высказывание можно интерпретировать и в отношении сигнальных средств. Их назначением остается подача сигналов.

На основании изложенного считаем, что, исходя из назначения оружия – по-

ражение цели, введенная законодателем дополнительная цель оружия – подача сигналов должна быть исключена из определения оружия. Соответственно, сигнальное оружие должно быть исключено из категории гражданского оружия. Регулирование оборота сигнальных устройств, конструктивно схожих с оружием, должно осуществляться в рамках иного правового режима, в частности, регламентирующего оборот пиротехнических изделий.

1. Об оружии: закон РФ от 20 мая 1993 г. № 4992-1 // Рос. газ. 1993. 15 июня.

2. Об оружии: федер. закон от 13 дек. 1996 г. № 150-ФЗ: ред. от 28.12.2010 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 51. Ст. 5681.

3. Плескачевский В.М. Оружие в криминалистике. Понятие и классификация. М.: Спарк, 2001. 343 с.

4. Григорьева О.С. Административная деятельность органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского ог-

нестрельного оружия: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 175 с.

5. Плескачевский В.М. Проблема оружия в криминалистике // Теоретические и практические аспекты реализации законодательства об оружии: материалы круглого стола Академии МВД России. М.: Акад. МВД России, 1994. С. 33-36.

6. Корецкий Д.А. Основы теории и методологии криминологического исследования тяжких преступлений, совершаемых с применением оружия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 314 с.

7. Благоев А.Д. Административно-правовой режим оборота оружия в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 209 с.

8. Делягин И.В. Административно-правовое регулирование оборота гражданского оружия и деятельность органов внутренних дел по его осуществлению: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 237 с.

9. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 755 с.

Раздел 8. Подготовка кадров для правоохранительных органов и научная жизнь высшей школы

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Е.Г. Комиссарова

(профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор; 8 (3452) 59-84-36)

Автор анализирует базовые идеи, лежащие в основе совершенствования российского образовательного законодательства. Исследуются достижения в сфере европейского образования, дается комментарий предстоящих законодательных новшеств в контексте присоединения России к Болонским декларациям.

Ключевые слова: глобализация, интеллектуальный потенциал, образовательные уровни, образовательные учреждения, интеллектуальные кредиты, образовательная доступность.

Проблема образования многослойна: она одновременно политическая, социальная и юридическая. Политический аспект продиктован состоявшимся 19 ноября 1999 г. Болонским соглашением, в соответствии с которым Россия (присоединившаяся к нему в 2003 г.) дала свое согласие изменить к 2010 году представление о типах образовательных структур и основах их функционирования с выполнением соответствующего комплекса мероприятий. В их числе: разработка и принятие системы легко понимаемых и сопоставимых степеней; принятие системы, основанной на двух основных циклах (бакалавриат и магистрат); внедрение системы образовательных и интеллектуальных кредитов; содействие европейскому сотрудничеству в обеспечении качества образования с целью разработки сопоставимых критериев и методологий; содействие мобильности участников образовательного процесса. Дальнейшее продвижение по этому пути предполагало выбор уже не только политических (и социальных) ориентиров, но и ориентиров юридических. Они, как известно, с момента принятия Закона Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» [1] и Федерального закона от 22 августа 1996 г. «О вузовском и послевузовском образовании в Российской Федерации» [2] оставались во многом неизменными.

Впервые ориентиры на мировые тенденции в сфере образовательной деятельности были заложены в Концепции Федеральной целевой программы развития образования до 2010 г.* В развитие ее положений в октябре 2007 г. был принят Федеральный закон № 232-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)» [3]. Далее должна была начаться юридическая жизнь нового Закона «Об образовании», который должен прийти на смену двум действующим сегодня законам – Об образовании 1992 г. и О вузовском и послевузовском образовании 1996 г. В случае его принятия Россия сможет стать участницей международного договора, учреждающего Зону европейского высшего образования, как завершающего этапа Болонского процесса.

Однако много времени ушло на то, чтобы решить спорный вопрос о форме будущего акта. В литературе развернулись острые дискуссии на тему о том, обычный это должен быть закон или кодифицированный. Сегодня этот этап считается пройден-

* Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации 3 сентября 2005 г. № 1340. В настоящее время утверждена Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 гг.

ным и начато обсуждение уже не формы нового акта об образовании, а его содержания. Оно заключено в настоящее время во втором проекте Закона «Об образовании»^{**} [4] и его общественное обсуждение закончилось 1 февраля 2011 г.^{***} У нового проекта уже есть свой литературный образ в виде «Образовательной конституции», что призвано подчеркнуть особую важность закона. Но законы, раз они принимаются, все предполагаются важными, а вот появление их литературных образов, как уже не раз свидетельствовала наша история, — это лишнее свидетельство кризиса соответствующей сферы. Применительно к образованию — это девальвация образования и образовательного уровня с изменением профессорско-преподавательского менталитета. Углубляться в этот аспект нет смыс-

^{**} Первоначальный текст законопроекта был опубликован на официальном сайте Минобрнауки России в мае 2010 г. Разработка проекта Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» была предусмотрена Комплексом мероприятий по реализации приоритетных направлений развития образовательной системы Российской Федерации на период до 2010 года, одобренных на заседании Правительства Российской Федерации 9 декабря 2004 г. Концепция и техническое задание на подготовку проекта федерального закона были утверждены Комиссией Правительства Российской Федерации по законопроектной деятельности 1 июня 2009 года.

^{***} Вплоть до 9 февраля 2011 г. общественное обсуждение как проекта Закона «Об образовании», так и проекта Закона «О полиции», оставалось процедурой, не имеющей юридической основы. Согласно Указу Президента РФ от 9 февраля 2011 г. № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» определена юридическая процедура, которая в итоге должна быть закреплена в соответствующем федеральном законе (см.: Рос. газ. 2011. 9 февр.).

ла, он исследуется и обсуждается. Выражу общее мнение законодателей — перемены на образовательной карте России жизненно необходимы.

Обосновывая необходимость этих перемен, обратимся к понятному и одновременно непонятному термину «глобализация». В литературе под ним понимают интенсификацию межгосударственных контактов на всех уровнях с распространением западной системы либерально-демократических ценностей [5, с. 5; 6, с. 163-164]. Как бы мы ни относились к процессам глобализации, остаться в стороне от них уже невозможно. Именно с опорой на эти процессы Россия и присоединилась к Болонской декларации, участницей которой стали страны, озабоченные созданием единого европейского образовательного пространства. В.М. Филиппов, бывший в то время министром российского образования, на международной конференции в Санкт-Петербурге в декабре 2002 г., посвященной присоединению к Болонским декларациям, заявил: «Я прошу прощения у коллег из Совета Европы, из ЮНЕСКО, но должен откровенно сказать: я считаю, что от вступления России в Болонский процесс вузы в большой степени потеряют. Но и стоять в стороне от этого процесса мы тоже не можем» [7].

В той или иной степени все страны испытывают трудности Болонских преобразований. Не без влияния этих трудностей появились суждения о том, что западная модель образования России навязывается насильно. Однако это не так. Положения Болонской декларации носят во многом рекомендательный характер. Более того, призывая к тренду универсальности в образовательной системе, Болонская декларация отнюдь не исключает сохранения национальной самобытности в этой области. Как было замечено еще в 2001 г. в докладе Ассоциации европейских университетов, подготовленном на Пражской встрече министров образования, «Болонский процесс — это не “операция вторжения” в национальные системы, а источник информации о наиболее эффективных и адекватных в современных условиях путях развития

высшего образования». Вопрос же сохранения традиций – это вопрос уровня развития конкретного общества, входящего в общемировой процесс глобализации.

Однозначно можно утверждать, что без присоединения к Болонской декларации сформировать адекватную концепцию российского образовательного законодательства с четкими юридическими ориентирами было бы очень трудно. Именно с опорой на международный опыт Россия учится выстраивать образовательные отношения в условиях рынка. Общеизвестен тот факт, что в советском государстве отсутствовало системное образовательное законодательство – необходимость регулирования исчерпывалась инструктивными указаниями. Не принижая собственных образовательных достоинств, российский законодатель начал ориентироваться на оправдавшие себя неформальные достоинства образовательной системы Запада. Часть из них заслуживают озвучивания, поскольку уже заложены в основу российской образовательной стратегии.

В соответствии с современной бизнес-терминологией главная задача европейского образования состоит в эффективном воспроизводстве личности как носителя, потребителя и пользователя национального и мирового интеллектуального потенциала. Эта задача определяет дух европейской образовательной цивилизации, от начала до конца пронизанной идеей развития качественных людских ресурсов для нужд страны за счет эффективно работающей системы образовательных учреждений, которые исторически считаются мультикультурной воспитательной средой. Отсюда образование рассматривается в качестве главного орудия борьбы с бедностью, так как только качественно образованная личность способна полноценно социализироваться, достойно зарабатывать, помогать другим и не просить помощи у государства. Отсюда проистекает второе достоинство европейского образования. Оно заключается в образовательной доступности. Доступность по-европейски – это доступность знаний, которые, как и другие общественные блага, будучи созданными, должны быть доступ-

ны всем без исключения. В России сегодня 1 090 вузов разной специализации (с филиалами 3 800) и 7 млн 300 тыс. студентов. Это немало, но по критерию доступности образования мы занимаем 18 место в мире, потому что не открытыми для любого и каждого дверями вуза, а также рекламной зазывностью определяется истинный принцип доступности. По-европейски, доступность знания – это сформированная профессиональная мотивация будущих студентов, разработанные профессиональные стандарты и соответствующие им стандарты образовательные, что в итоге обеспечивает баланс рынка образовательных услуг и рынка труда, а также понятная система образовательных кредитов.

Девиз европейского образования – образование через всю жизнь. Следование ему помогает поддерживать и развивать достигнутый образовательный уровень, делая знания всегда полезными и для их обладателей и для государства. Для многих эта идея может оказаться второстепенной. Однако она очень важна в силу неумолимо работающей закономерности: знания, которые не пополняются, убывают с каждым днем. А если учесть небезосновательные утверждения психологов о том, что процесс активной интеллектуализации образованного человека в силу объективных причин завершается к 23 годам (он приравнивается к окончанию вуза), то устойчивая, предсказуемая система дополнительного профессионального образования необходима всякому обществу.

Глядя в это «международное образовательное зеркало», мы уже начали многое менять. Это нашло свое отражение в первую очередь в политических заявлениях. Как отметил Президент РФ в одном из ежегодных посланий Федеральному Собранию РФ, система образования в прямом смысле слова образует личность, формирует сам образ жизни народа, передает новым поколениям ценности нации [8]. В концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2006–2010 гг. сформулирована новая сущность российского образования. Она заключается в переориентации

на развитие человека как высшей ценности и главного источника развития общества.

В своей истории образование пришло на смену обычаям в XIII в., когда впервые в Италии были созданы научные корпорации, именуемые университетами. Естественно, что современный облик этого социального института значительно видоизменился. Однако во все времена образование несло на себе отпечаток не только фундаментальности и отдаленности от мирской суеты, культурности, но и разумной консервативности, поэтому каждое новое образовательное законодательство стремится к сохранению его базовых основ. Сохранены они и в российском законодательстве. Однако неизбежность следования временным изменениям и происходящим в мире процессам глобализации привела к объективной необходимости их учета законодателем, вплоть до введения в сферу правового регулирования части отношений, ранее находящихся вне ее. Коснемся тех изменений, которые относятся к вузовскому образованию.

Как сказано в тексте Болонских соглашений, к 2010 г. Европа должна иметь единую систему высшей школы. Ориентируясь на это, российский законодатель попытался отдифференцировать линейку образовательных учреждений применительно к высшему образованию. Не все пока на уровне проекта удалось. Но уже видно, что каста высших учебных заведений будет следующей:

1. Национальные научно-исследовательские университеты (по статусу их будет 5-6) как университеты высшей категории. Этот статус дается казенным государственным учреждениям на 10 лет по итогам конкурсного отбора.

2. Федеральные университеты. Сейчас их уже пять, как созданных, так и находящихся в процессе реорганизации (Южный, Поволжский, Уральский, Арктический, Сибирский). Шестым будет Западно-Сибирский федеральный университет (г. Тюмень). Предполагается, что число подобных образовательных учреждений в стране будет от 16 до 20. Кроме действующих в сфере образования законов, сегодня правовую основу их деятельности состав-

ляет Указ Президента РФ от 7 мая 2008 г. № 716 «О федеральных университетах», предусматривающий создание сети федеральных университетов**** [9]. Федеральные университеты получают дополнительные права и свободы. Так, в соответствии с законопроектом о федеральных университетах они смогут реализовывать образовательные программы, разработанные на основе собственных стандартов и требований. Кроме того, им будет дано право подтверждать присвоение ученых степеней. Подобная практика уже известна российской истории, когда лучшим выпускникам присуждались кандидатские степени. Так, Демидовский юридический лицей на протяжении всего своего столетнего существования присуждал такие степени, чего не вправе были делать многие университеты императорской России [10, с. 16]. Также университеты получают возможность учреждать ООО и ЗАО для реализации научных разработок университета.

Создаются университеты по Указу Президента РФ в форме автономных некоммерческих организаций для кадрового обеспечения приоритетных направлений государства и его регионов, влияния на геополитическое и социально-экономическое развитие соответствующего региона. Программа развития таких вузов утверждается Правительством РФ. Ректор не избирается, а назначается им же. В структуре такого университета могут быть институты и факультеты. В отличие от НИУ, они создаются в форме автономных некоммерческих организаций. Автономия таких вузов означает, что средства на их финансирование идут из разных источников. Это средства

**** В настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе РФ находится проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности федеральных университетов», определяющий организационно-правовые формы федеральных университетов, особенности управления ими и формирования образовательных программ.

бюджетной системы, в том числе регионального уровня; финансовые ресурсы будущих работодателей; пожертвования. Бюджетные ресурсы будут обеспечивать только государственный заказ – это контрольные цифры приема студентов, курсантов, слушателей. Бюджет берет на себя также программы развития таких вузов, которые будут утверждаться учредителем вуза. Надо заметить, что создание федеральных университетов – это не российская линия, а общемировой процесс.

3. Третью группу будут составлять образовательные учреждения высшего профессионального образования, включенные в перечень, утвержденный Указом Президента РФ.

4. Предполагается, что в четвертую группу войдут все иные образовательные учреждения высшего профессионального образования: колледжи (они вправе реализовывать первую ступень высшего образования – бакалавриат), институты, академии, университеты, не вошедшие в первые три группы, в их числе университеты военные и институты военные.

Институты и академии как самостоятельные разновидности вузовских учреждений ранее предполагалось сохранить исключительно в качестве форм дополнительного высшего образования. Однако 1 февраля 2011 г. на заседании рабочей группы, работающей над законом «Об образовании», их решено сохранить в том виде, в каком они сегодня функционируют.

Глядя на эту линейку образовательных учреждений высшего образования, можно увидеть, что центральной идеей модернизации образования выступает отказ от принципа фундаментальности в обучении, характерного для классических университетов.

Одной из существенных особенностей проекта нового Закона «Об образовании» является то, что впервые в предмет его регулирования введены образовательные отношения с участием милитаристских учебных заведений. Отсюда его унифицированная терминология – студенты, курсанты, адъюнкты и т.д. В законе эти

вузы поименованы как военно-учебные учреждения, реализующие образовательные программы по направлениям подготовки в области обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка. На практике это означает, что печать юридического забвения ушла с этого вида образования, исключив статусную изоляцию образовательных учреждений системы МВД России и других силовых ведомств. Не все пока стало ясным – скандируется отсутствие какой-либо концепции так называемого ведомственного образования, которую, например, применительно к вузам МВД России под названием «Кадры МВД Российской Федерации» планировалось принять еще в марте 2007 г. Но главное – в законе появился ответ на вопрос о том, как будет проходить специальная подготовка обучающихся. Вариантов было несколько: первый – по типу разведшкол с соответствующим набором специальных дисциплин без какой-либо гуманитарной и общеправовой подготовки; второй – в форме дополнительного образования после получения первого высшего образования. Предпочтение отдано третьему варианту – фундаментальной профессиональной подготовке с необходимым набором дисциплин. Образовательные программы основного и дополнительного образования этих вузов будут находиться в сфере компетенции соответствующих органов исполнительной власти. Эти же органы будут определять сроки освоения указанных программ.

Предполагается, что вузы, работающие по программам подготовки специалистов в области обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка, будут двух видов – университеты (или военные университеты) и институты (или военные институты). Университетом именуется системообразующий образовательно-научный комплекс. Институт – это казенная (или бюджетная) образовательная организация высшего образования, основной деятельностью которой является реализация основных образовательных программ бакалавриата (академического и прикладного); программ подготовки спе-

циалиста; программ подготовки научно-педагогических кадров, а также проведение фундаментальных и (или) прикладных научных исследований в областях своей деятельности. Впервые на уровне закона установлено, что деятельность указанных вузов в части реализации основных и дополнительных образовательных программ подчиняется закону об образовании. Управление же данными вузами осуществляется в соответствии со специальным законодательством, уставами и нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти, в ведении которого находится соответствующее образовательное учреждение, и его уставом.

В ряду иных предполагаемых новшеств в законодательстве о высшей школе необходимо выделить замену образовательного ценза образовательными уровнями. Их пока мыслится четыре: бакалавриат, магистратура, специалитет, подготовка научно-педагогических кадров. Бакалавриат предполагает прикладную подготовку, магистратура – академическую, специалитет – сочетание прикладной и академической. Научно-педагогическая подготовка относится к послевузовскому образованию в форме аспирантуры (адъюнктуры) и докторантуры. В проекте закона пока нет ответа на вопрос о том, как будут соотноситься между собой бакалавриат и подготовка научно-педагогических кадров в части возможности приема в аспирантуру бакалавров.

Вид образовательного уровня, допускаемого для соответствующего вузовского учреждения, обозначается в такой форме государственной регламентации образовательной деятельности, как лицензия. Она, согласно проекту нового закона, выдается вузу без ограничения срока (бессрочно). Наряду с лицензированием формой государственной регламентации остается аккредитация образовательных программ вуза.

Предполагается, что разные формы получения высшего образования будут сохранены. В проекте закона названы очная, очно-заочная, заочная формы. Но законодатель осознал, что заочное образование

– это наследие советской эпохи, и поэтому подход видится уже не огульным, а более взвешенным. На уровне постановления Правительства РФ будет определено, какие виды специальностей невозможно будет получить по заочной форме обучения. Наиболее детальной регламентации подвергнута такая форма получения образования, как дистанционная (он-лайн).

Новшеством, основанным на европейском стандарте, становится кредитно-модульная система организации образовательного процесса. В основе этой системы лежат интеллектуальные кредиты. Интеллектуальный кредит – это образ сложности получаемого знания. Отсюда сам кредит выступает в качестве объекта знания как мера трудоемкости в освоении учебной дисциплины и программы. Внедрение кредитов позволит открыто говорить о содержательном качестве процесса обучения, в результате которого обучаемые могут быть оценены по одному из четырех критериев. В порядке возрастания они следующие.

Первый уровень – это знание на уровне «иметь представление». Второй уровень – «знать», т.е. владеть информационным потоком с новой терминологией, подробно и в соответствии с учебной программой. Третий уровень – «иметь навык». Четвертый – «владеть опытом». Поскольку учебные кредиты сохраняются пожизненно, постольку система кредитов обеспечивает не только мобильность, но и накопительную систему образования в течение жизни. Это так называемые разноразмерные кредиты учебной информации, а если точнее, то концепция образовательной «траектории», составляющие которой применительно к соответствующей профессиональной компетенции должны быть едиными независимо от того, где, в какой стране и каком вузе получен тот или иной вид кредита. Болонская декларация предусматривает «внедрение системы кредитов по типу ECTS – европейской системы пересчета зачетных единиц трудоемкости». В соответствии с методикой расчета трудоемкости основных отраслевых программ высшего профессионального образования в зачетных единицах, рекомендованной

Министерством образования и науки РФ, 1 зачетная единица должна соответствовать 36 академическим часам общей трудоемкостью по 45 минут.

Качеству образования и его контролю в законе отведено довольно много места. Как и прежде, качество будет обеспечивать аккредитация реализуемых вузом образовательных программ. К разряду законодательных новшеств следует отнести норму, гарантирующую качество предоставляемых образовательных услуг. Речь идет о норме, в которой впервые установлена обязанность вуза возместить ущерб, причиненный некачественным образованием. Дано понятие такого ущерба, как ущерб, причиненного в *существенном объеме по вине* образовательной организации вследствие некачественного образования. Для возмещения этого ущерба обучающийся вправе: потребовать повторного обучения в той же организации или иной, чьи лицензионные требования совпадают; выплаты соразмерной денежной компенсации без прохождения повторного обучения; требовать возмещения материального и морального вреда, причиненного некачественным обучением.

Вину и существенность объема нарушения будет устанавливать суд.

Появилась новая статья, содержание которой нацелено на развитие принципа доступности образования. Она посвящена образовательному кредитованию. Как следует из проекта закона, это сугубо целевой кредит, который включает оплату стоимости обучения по основной программе, проживания, питания, приобретения учеб-

ной и научной литературы и других бытовых нужд в период обучения в размере не менее прожиточного минимума, установленного для трудоспособных граждан по месту нахождения образовательной организации. Отсрочка оплаты, отсутствие комиссионных по кредиту, возможность государственного субсидирования процентов по кредиту – все это свидетельство перехода на либеральную кредитную программу образования, которая поможет реализовать доступ к образовательной услуге.

1. Ведомости СНД и ВС Рос. Федерации. 1992. № 30. Ст. 1797.

2. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 15. Ст. 4135.

3. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 44. Ст. 5280; 2009. № 29. Ст. 3621.

4. Рос. газ. 2010. 1 дек.

5. Лукьянова Е.Г. Глобализация и правовая система России (основные направления развития). М.: Норма, 2006.

6. Глобалистика: Международный энциклопедический словарь / гл. ред. и сост. И.И. Мазур и А.Н. Чумаков. М.; СПб.; Нью-Йорк, 2006.

7. Сорокина Г.В. Модернизационные процессы в управлении образованием // Вестник российского философского общества. 2008. № 2. С. 54-55.

8. Рос. газ. 2008. 6 нояб.

9. URL: <http://www.kremlin.ru>.

10. Летопись Демидовского юридического лица за 1877–1878 учебный год // Временник Демидовского юридического лица. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1878. Кн. 17.

Summary

1. Methodology, theory and history of state and law regulation

Usanov V.I., Asriev A.Sh. Prison reform in Russia and prisons of the Southern Zauralye at the end of the 19th and the beginning of the 20th century

The article is devoted to the history of reforming the prisons in the Southern Zauralye at the end of the 19th and the beginning of the 20th century. The author analyses reformation of a control system in prisons, conditions of maintaining the prisoners and realization of the basic measures directed to the correction of criminals. The estimation of the efficiency of prisons' functioning in the Southern Zauralye is given.

Keywords: penitentiary institutions, the Southern Zauralye, conditions of the maintaining the prisoners, correction of criminals.

Teplyashin P.V. Retrospective basis and modern problems of the influence of international penitentiary standards and rules upon Russian criminal-executive legislation

The author describes the peculiarities of the reception of west penitentiary experience and the idea of human rights which were later used as the foundation for prison law. The factors impeding the harmonization of Russian and foreign models of treating the convicts are shown. The conclusion about interrelation of retrospective and modern problems in the Russian penitentiary sphere is made.

Keywords: penitentiary cooperation, natural human rights, European penitentiary experience, humanization, international standards of treating the convicts.

2. The problems of state and municipal construction

Durimanova T.N. About the influence of law's quality upon the human rights provision in the activity of control-supervising agencies

The article deals with the questions of influence of the quality of law upon the human rights provision in the activity of control-supervising agencies. Brief analysis of specific features of the involved agencies, their interaction and inter-independence is made. The role and the place of international and interstate agencies upon the human rights provision in the system of control-supervising agencies are analyzed.

Keywords: control, supervision, control power, system of control-supervising agencies, quality of law, international control, state control.

Mishunina A.A., Gibert A.N. Peculiarities of the legal institution of the elective commissions in the autonomous districts

The article concerns the possibilities to individualize composite legal institution for the elective commissions in the subjects of the Russian Federation in the system of the Russian law; its peculiarities in the autonomous districts as equal subjects of the Russian Federation are uncovered.

Keywords: composite legal institution, elective law, constitutional law, elective commissions, autonomous district.

3. Private law, regulation of contracts

Suleymanova S.A. To the question about legal capacity of a physical entity

Disputable questions of the theory of civil capacity are analyzed in the article. The author makes the conclusion that the capacity of a physical entity (citizen) is a subjective right, which is included in the absolute civil judicial relationship of capacity.

Keywords: physical entity, legal capacity, judicial relationship, subjective right.

Tatarkina K.P. Some questions of the legal regulation of plain written form of contracts under Russian and foreign legislation

In the article some problems of the legal regulation of plain written form of contracts under Russian and foreign legislation are examined. General criteria of the establishment of plain written form of contracts are analyzed, the historical background of the appearance of these rules is revealed. The author pays attention to evaluating the effectiveness of native normative directions that determine general range of bargains to be done in a plain written form. The consequences of nonobservance of bargains' plain written form are investigated. Two approaches to the designing of the consequences in case of nonobservance of bargains' plain written form are revealed: monistic approach that was formed in the legal systems of Germany, Switzerland, Latvia, Estonia, and varied approach realized in native and French law, for instance.

Keywords: form of deal, plain written form of contract, consequences of nonobservance of plain written form, comparative law.

4. Criminal legislation and Criminology

Shatilovich S.N. Issues of release from criminal liability due to reconciliation of accomplices with the victim

The article deals with theoretical and practical issues of release from criminal liability due to reconciliation of accomplices with the victim. The above mentioned issues cause difficulties for law enforcers as well as for lawyers. The author makes his conclusions basing on theoretical research of materials, materials of forensic and investigative practice and the results of analysis of Russian criminal and criminal procedural legislation. He gives recommendations on release from criminal liability according to article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: release from criminal liability, accomplices, reconciliation with the victim.

Martynova S.I. The System of juvenile justice in Russia

The article touches upon the most controversial issues of juvenile crimes. Important problems of interaction of the aforementioned crimes are analyzed by the author.

Keywords: crime, juvenile delinquents, interaction, criminal responsibility.

Ismagilov R.A. Funeral culture as a subject of legal regulation and object of criminal law protection

The article deals with the concept of funeral culture in the society. Possibilities and limits of its legal regulation and criminal law protection are analyzed. The author proves his conclusion that funeral culture is an independent object of a crime taking a separate place in the Special part of the Russian Criminal Code.

Keywords: funeral culture, burial, object of criminal law protection, died, public morals.

5. The improvement of the law enforcement agencies' activity in crime detection and crime investigation

Yadzhin N.V., Koptyaeva A.V. The concept of counteraction to investigation of crimes

The article carries the material about the problem of counteraction to investigation of crimes. Different definitions of counteraction formulated by various scientists are given. Analyzing the abovementioned definitions the authors distinguish a number of general and individual features characterizing this phenomenon and formulate their own concept of counteraction

to investigation of crimes which includes the object of influence, the subject, the purpose and the result of the activity.

Keywords: counteraction, investigation of crimes, prevent the investigation.

Baschevanzhi Y.A. To the issue of complex examination at the investigation of traffic crime

The article deals with the concept of complex examination, types of complex examination during traffic crimes investigations. The contemporary opportunities and the advantage of complex examinations in comparison with different types of forensic examinations are described.

Keywords: traffic crime, complex examination, medical auto technical examination, traces auto technical examination, road-tech examination, vehicle.

6. Procedural law, jurisdiction, procedures

Konchakova I.V. Actual problems of regulation of fundamental provisions concerning non-proliferation of information about the private life of a person participating in criminal proceedings.

In the article the author considers the problems of regulation of fundamental provisions concerning non-proliferation of information about the private life of a person participating in criminal proceedings. A comparative legal analysis of the relevant norms of criminal procedure laws of the Russian Federation and some foreign countries of the near abroad is carried out.

Keywords: non-proliferation of information, private life, criminal legal procedure.

7. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

Morozov A.S. Some problems of qualification of the objective aspect of legal behavior

The author reveals the problematic issues of qualification of action and default of the subject, the essence of observance, enforcement and use of legal rules. The content of the concept «activity» referring to physical and judicial entities is considered. The author makes a conclusion that according to the logics committing a crime, is in fact, is the result of the observance of criminal law rules, i.e. lawful conduct.

Keywords: objective side, legitimacy, activity, act, action, default, corpus delicti.

Toropov A.V. Improvement of the legal regulation of the responsibility for criminal violations of electoral laws committed by the members of election commissions.

The author examines the issues of improving legal regulation responsibility for electoral laws' violations. He suggests to delete the article 142-1 «Falsification of the voting results» from the Criminal Code of Russia. The rules of criminal violations of electoral laws' qualification, committed by members of election commissions are worked out.

Keywords: elections, falsification of election and referendums documents, voting results, office abuse, forgery, qualification of criminal violations of the election legislation.

Titov S.D. Signal guns: the definition of the legal status

The article contains general characteristics of the weapon; weapon's indications are examined; the legal definition of the informative unit of the weapon is given. The author comes to the conclusion that the absence of weapon's correct legal definition leads to the problems in the legal regulation of signal systems, similar to the weapon.

Keywords: civil weapon, signal weapon, legal regulation, pyrotechnics, constructiveness, special-purpose allocation, striking ability.

8. The staff training for law enforcement agencies and scientific life of higher education

Komissarova E.G. The strategy of the developing the Russian higher school legislation
The author analyses the basic ideas of the Russian educational legislation improvement. Achievements in the sphere of the European education are examined in the article. The author gives the comments on coming legal innovations in the context of joining Russia to Bologna declarations.

Keywords: globalization, intellectual potential, educational levels, educational institutions, intellectual credits, educational accessibility.

Уважаемые авторы!

Решением Президиума ВАК Минобрнауки от 7 марта 2008 г. № 9/11 «О мерах по повышению эффективности использования Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий» с 1 сентября 2008 г. начата полномасштабная эксплуатация системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Включение нашего издания в систему РИНЦ потребует от авторов представления в редакцию дополнительной информации.

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить в редакцию надлежащим образом оформленные **материалы и заявку**.

Для опубликования научных статей дополнительно требуется **внешняя рецензия**.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде (бланк заявки находится на сайте издания: <http://www.naukatui.ru>).

После принятия решения об опубликовании материалов редакция направляет автору (авторам) **лицензионный договор**.

Плата за опубликование материалов в журнале не взимается.

Требования, предъявляемые к оформлению материалов:

1. Материалы представляются в распечатанном (с обозначением наименования файла и подписью автора(ов)) и электронном виде.

Объем материалов: научная статья – до 1 авт. листа, научное сообщение, рецензия, обзор – до 0,5 авт. листа (авторский лист – 40 тыс. печатных знаков, включая пробелы).

2. Материалы набираются в редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер – 14 pt, межстрочный интервал – 1,0 (одинарный), верхнее поле – 20 мм, нижнее – 20 мм, левое – 25 мм, правое – 25 мм).

3. Заглавие (тема) материала набирается прописными буквами.

4. Указываются сведения об авторе(ах) (инициалы, фамилия, место работы, должность, ученая степень, ученое звание).

5. Обязательно наличие списка литературы (в рецензиях список литературы допускается не приводить).

Отсылки к источникам приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46], [3, с. 48; 7, с. 25]).

Литературные источники перечисляются в списке в порядке их упоминания в тексте (комплексное описание источников не допускается). Список литературы оформляется в соответствии с прилагаемыми примерами.

В публикуемой рецензии, кроме того, необходимо привести библиографическое описание рецензируемого издания (см. примеры оформления списка литературы).

6. Авторские примечания оформляются как подстрочные (знак сноски – *).

7. В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

Требования, предъявляемые к оформлению заявки:

Обязательными элементами заявки на опубликование являются:

1. Индекс УДК.

2. Заглавие материала (на русском и английском языках).

3. Сведения об авторе(ах):

– фамилия, имя, отчество полностью (на русском и английском языках);

– ученая степень (полностью), ученое звание;

– должность;

- место работы: полное наименование организации, населенного пункта, почтовый адрес и (или) e-mail (на русском и английском языках);
 - контактная информация (телефон и (или) e-mail автора(ов)).
4. Аннотация (на русском и английском языках).
 5. Ключевые слова – выбираются из текста материала (на русском и английском языках).

Требования, предъявляемые к оформлению рецензии:

Внешняя рецензия содержит традиционные элементы описания рецензируемого труда. В рецензии необходимо указать место работы, должность, ученую степень, ученое звание, фамилию и инициалы рецензента. Подпись рецензента заверяется надлежащей печатью. Рецензия может быть направлена как в распечатанном, так и в электронном виде.

Образец оформления заявки

БЛАНК

(все поля подлежат
обязательному заполнению)

ЗАЯВКА на опубликование материала в журнале «Юридическая наука и правоохранительная практика»		Индекс УДК 343.14 (47)
Заглавие материала (на рус. языке)		
Состязательность – условие равноправия сторон в уголовном судопроизводстве		
Заглавие материала (на англ. языке)		
Adversary as equality term for parties involved in criminal procedure		
Фамилия, имя, отчество автора (на рус. языке)		
Корнакова Светлана Викторовна		
Фамилия, имя, отчество автора (на англ. языке)		
Kornakova Svetlana Viktorovna		
Ученая степень (полностью)	Ученое звание	Контактная информация (тел., эл. почта автора)
Кандидат юридических наук	–	8(3952) 24-00-14 Svetlana-kornakova@yandex.ru
Место работы (полное наименование организации, населенного пункта), почтовый адрес и (или) адрес электронной почты – на рус. языке)		
Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11		
Место работы (полное наименование организации, населенного пункта), почтовый адрес и (или) адрес электронной почты – на англ. языке)		
Baikal National University of economics and law, 664003, Irkutsk, Lenina, 11		
Должность (полностью)		
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, заместитель декана судебно-следственного факультета БГУЭП		
Аннотация материала (на рус. языке)		
В статье автором рассматривается принцип состязательности, основанный на различии интересов сторон в уголовном процессе, указываются необходимые условия выполнения этого принципа: равенство сторон и независимость суда, делается вывод о том, что состязательность способствует достоверному установлению обстоятельств преступления		
Аннотация материала (на англ. языке)		
In the article the author considers that the principle of adversary is based on the difference of the interests for parties in criminal procedure. Some terms for using of this principle are determined as equality of the parties and court independence. Also the author draws a conclusion that adversary promotes valid ascertainment of the circumstances of the crime		
Ключевые слова материала (на рус. языке)		
Состязательность, равенство сторон, справедливость, истина		
Ключевые слова материала (на англ. языке)		
Adversary, equality term, justice, truth		

Примеры оформления списка литературы

1. Отдельные издания.

Книга 1 автора: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология: монография. М.: Наука, 1982. 287 с.

Книга 2 авторов: Белкин Р.С., Белкин А.Р. Эксперимент в уголовном судопроизводстве: метод. пособие. М.: Инфра-М, 1997. 153 с.

Книга 3 авторов: Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория государства и права в схемах и определениях: учеб. пособие. М.: Юристъ, 2007. 251 с.

Книга 4 и более авторов: Теория государства и права: учеб. нагляд. пособие / А.И. Числов [и др.]. 2-е изд., доп. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2007. 233 с.

Книга с указанием сведений об ответственности:

Неновски Н. Право и ценности: монография / вступ. ст. и пер. с болг. В.М. Сафронова; под. ред. В.Д. Зорькина. М.: Прогресс, 1987. 248 с.

Многотомное издание: Алексеев С.С. Общая теория права: курс лекций: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 359 с.

Продолжающееся издание: Проблемы философии права и государства: сб. науч. ст. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2003. Вып. 2. 103 с.

Серийное издание: Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3, Экономика. Право. Волгоград, 1996. Вып. 1. 223 с.

Диссертация: Кузнецов А.П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в Российской Федерации (проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления): дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 473 с.

Автореферат диссертации: Маштакова Е.А. Теоретико-правовые вопросы государственного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 28 с.

Архивные и неопубликованные материалы: Российский государственный архив древних актов. Ф. 4. Оп. 5. Д. 8. Л. 2 (об.).

2. Составные части издания.

Статья из сборника: Марцев А.И. Понятие и содержание уголовной ответственности // Проблемы борьбы с преступностью: сб. тр. Омской высшей школы милиции МВД СССР. Омск: Омская высш. шк. милиции МВД СССР, 1976. С. 90-112.

Статья из сборника по материалам конференции: Сумачев А.В. Компромисс в уголовно-правовой борьбе с незаконным оборотом наркотиков // Проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Тюменской области: материалы междунар. науч.-практ. конф., Тюмень, 23-24 мая 2001 г. / Тюменский юрид. ин-т МВД России. Тюмень, 2002. С. 34-35.

Статья из журнала: Клеандров М.И. Роль органов МВД России в проверке кандидатов в судьи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4). С. 31-42.

Статья из газеты: Лубенченко К.Д. Безработные законы // Известия. 1990. 25 апр.

3. Электронные ресурсы.

3.1. Локального доступа.

Составной части электронного ресурса:

Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия [Электронный ресурс] от 5 апр. 1994 г.; ред. от 16 окт. 2006 г. // КонсультантПлюс: Высшая школа: учеб. пособие. 2007. Вып. 8. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

Отдельного издания: КонсультантПлюс: Высшая школа [Электронный ресурс]: программа информационной поддержки российской науки и образования. 2005. Вып. 3: К весеннему семестру 2005 года. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

3.2. Удаленного доступа.

О Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. конст. закон от 17 дек. 1997 г. № 2-ФКЗ: ред. от 2 марта 2007 г. // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=66567;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=BE95276C46F8994647D4BBD5703C1EAC> (дата обращения: 19 дек. 2008 г.).

3.3. Из локальных сетей, а также из полнотекстовых баз данных, доступ к которым осуществляется на договорной основе или по подписке.

О введении надбавок за сложность, напряженность и высокое качество работы [Электронный ресурс]: указание М-ва соц. защиты РФ от 14 июля 1992 г. № 1-49-У. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Нормативные правовые акты.

О милиции: закон РФ от 18 апр. 1991 г. № 1026-1: ред. от 23 июля 2008 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 18 апр.; Рос. газ. 2008. 25 июля.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: ред. от 30 июня 2008 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1. Ст. 16; Рос. газ. 2008. 3 июля.

О некоторых вопросах, связанных с квалификацией и установлением требований по обязательным платежам, а также санкциям за публичные правонарушения в деле о банкротстве: пост. Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2006 г. № 25 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 9.

Все элементы библиографического описания источников являются обязательными.